ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (134). Август, 2013

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2013

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 5 (134). August, 2013

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2013

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Егоров А. Н.
Формирование образа либерала в консервативных кругах Российской империи второй половины XIX века (на примере работ князя В. П. Мещерского) 7

Пигин А. В.
Материалы к истории Кирилло-Челмогорского монастыря (сочинение священника Ф. И. Гурьева, XIX век) 12

Раздорский А. И.
Книги Петрозаводской таможни 1739 года как исторический источник 24

Спиридонов А. М.
Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском 28

ПЕДАГОГИКА

Гладкая И. В.
Условия становления профессиональной компетенции будущего учителя 37

Ершова Н. Ю.
Алгоритм проектирования компетентностно ориентированной рабочей программы дисциплины 41

СОЦИОЛОГИЯ

Барабанова Л. А., Разумова И. А.
Современный погребальный ритуал с позиций его участников 45

Петровская Ю. А., Петухова И. С.
Социальный капитал детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как фактор социальной безопасности 51

ФИЛОЛОГИЯ

Мухина Е. А.
Языковая экспликация концептуальных оппозиций как способ реализации жанровой динамики духовного стиха «Алексей человек Божий» 55

Тарасова Н. А.
Черновые записи Ф. М. Достоевского о Некрасове: уточнение текста 60

Захарченко С. О.
Электронное издание писем Амвросия Оптинского . . . 64

Дорофеева Л. Г.
Образ смирения в Житии Симеона Эмесского 70

ФИЛОСОФИЯ

Бряник Н. В.
Неклассическая наука в свете неклассической эпистемологии Г. Башляра 74

Лебедев С. А.
Проблема оправдания индукции (конвенционалистский, индуктивно-аналитический и лингвистический подходы) 79

ЭКОНОМИКА

Ковалев В. В.
Финансовый менеджмент в образовательных университетских программах 84

Кузнецов С. В., Замятина М. Ф., Фесенко Р. С.
Риски внешней среды в развитии моногородов Арктической зоны РФ 90

Рязанов В. Т.
Посткризисная экономика: проблемы и перспективы 96

Усов А. В., Гончаренко Е. Н.
Прогнозирование устойчивого развития экономических систем с помощью OLAP-модели 100

Кадникова Т. Г., Певцов Д. А.
Финансы публично-правового образования как звено финансовой системы региона (на примере Республики Карелия) 105

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Полищук-Молодоженя Т. Р.
Взаимность при признании и исполнении решений иностранных арбитражей в России 111

Военушкина Е. А.
Сотрудничество государств – членов СНГ по оказанию правовой помощи в сфере актов гражданского состояния 115

Проккиев Е. В.
Республика Финляндия и Российская Федерация: сравнительный анализ конституционно-правовых основ деятельности полиции по обеспечению прав человека и гражданина 118

Рецензии

Ефимова В. В.
Рец. на кн.: Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века 121

Память

К 90-летию М. О. Севандер 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/reg.pdf

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Иванова

Подписано в печать 19.08.2013. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.) Изд. № 313

Индекс 66094. Цена свободная
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Август, № 5 **История** **2013**

УДК 94(47).081

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕГОРОВ
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (Череповец, Российская Федерация)
anegorov65@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЛИБЕРАЛА В КОНСЕРВАТИВНЫХ КРУГАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (на примере работ князя В. П. Мещерского)*

Проанализирован процесс формирования негативного образа либерала в консервативных кругах Российской империи второй половины XIX века на примере мемуаров и публицистических работ князя В. П. Мещерского. Показано, что консерваторы оценивали «либерализм» (и «космополитизм» как его синоним) не как партийно-политическую идеологию или общественное течение, связанное определенными ценностями, а как некий комплекс разнообразных явлений, противостоящих таким понятиям, как «патриотизм», «нравственность», «классицизм», «идеализм», «религия». Такое широкое толкование либерализма позволяло, с одной стороны, подвести под это понятие любого неугодного человека (от министра до нигилиста), чьи взгляды не вписывались в триаду «православие, самодержавие, народность», а с другой стороны, объяснить все негативные явления русской жизни влиянием «вредных западных идей» и происками «врагов отечества». Неприятие либерализма отражалось в стилистике текстов В. П. Мещерского, что проявлялось во фразах о надвигающейся с Запада «тучи космополитизма и либерализма», о западных идеях, «разъедающих чувство любви к родному краю». Отсюда возникало противопоставление либерализма и патриотизма, что вело к конструированию образа либерала как «врага отечества», борьба с которым представлялась священным долгом каждого гражданина. В итоге публицистика В. П. Мещерского способствовала формированию консервативного вектора внутренней политики России конца XIX века, исключавшего возможность компромисса между властью и обществом.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, публицистика, образ либерала, патриотизм, чиновничество

В эпоху Великих реформ Александра II существенную роль в общественно-политической жизни страны стали играть либеральные идеи, что не могло не вызвать ответной реакции консервативных кругов, увидевших в либерализме угрозу самим основам существования России. Одним из видных общественных деятелей, выступивших против либерализма, был князь Владимир Петрович Мещерский. Его общественно-политические взгляды уже были объектом научного исследования [1], [3]; цель данной статьи – проследить, как в его работах формировался образ российского либерала.

Общественная деятельность В. П. Мещерского начиналась в конце 1850-х годов. К тому времени в России уже сложились представления о том, что такое либерализм [2]. Консерваторы под влиянием событий 14 декабря 1825 года понимали либерализм в революционном, радикальном смысле. О восстании декабристов Н. М. Карамзин, чьим внуком был Мещерский, писал: «Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов!» [9; 467]. Профессор А. В. Никитенко отмечал в своем дневнике, что в николаевское время понятия «либерал» и «якобинец» стали для консерваторов синонимами. В либерализме видели вредные западные влияния. «Каждая новая идея, – приводил Никитенко слова литератора М. Е. Лобанова, – заблуждение; французы подлецы; немецкая философия глупость, а все вместе либерализм» [8; 367]. По воспоминаниям Б. Н. Чичерина, в 1840-е годы любое отступление от требований правительства или норм православной церкви воспринималось как намек на «либеральный образ мыслей», с которым шла «немилосердная» борьба [12; 157].

Когда в начале правления Александра II началось оживление либеральных идей, В. П. Мещерский увидел в них «новый дух, либеральный и современный, заключавшийся в открещивании от николаевщины, в порицании его военщины, в критиковании его дисциплины» [5; 48]. Он связывал рост либеральных настроений не с объективными потребностями прогрессивного развития страны, а со случайными явлениями, прежде всего с влиянием А. И. Герцена, который, по словам князя, «основал эпоху обличения. Это обличение стало болезнью времени, и оно-то испортило нравственно и духовно ту среду, из которой должна была исходить серьезная и строго проверенная реформаторская деятельность». Мещерский полагал, что в основе взглядов Герцена лежала «мелочная, личная, а потому антипатриотическая ненависть к Николаю I». Герценовские статьи в совокупности с «послаблением дисциплины решительно во всех

© Егоров А. Н., 2013

слоях общества» привели к тому, что «умы постепенно начинали выходить из-под опеки старых преданий и переходить в новую область какого-то стремления к чему-то новому, каких-то сетований на прошлое и каких-то претензий к настоящему». Политические разговоры стали носить «характер злобы, желчи, политического недовольства»; в кругах интеллигенции «шла умственная работа обличительная и даже раздраженная против порядка вещей» [5; 97].

Не сумев адекватно оценить причины распространения либеральных идей, В. П. Мещерский посчитал, что вся проблема заключалась в падении дисциплины во всех сферах жизни общества: «Мы жили тогда (в начале 1860-х годов. – *А. Е.*) в какой-то мягкой атмосфере уступчивости и слабости относительно всего, что было принципом порядка и дисциплины. Эта-то мягкость, эта-то терпимость всего, что проявляло дух послабления дисциплины, составляли один из главных признаков политического либерализма» [5; 153]. Связывая падение дисциплины с деятельностью реформаторских кругов, князь видел либерала в любом администраторе, выступавшем за обновление страны. Чиновник, писал он, «прежде всего, либерален», но «либерализм его вредного свойства тем, что он одинаково пренебрегает интересами той власти, которой он служит и от которой получает жалование, и интересами народа, для удовлетворения которых он служит… пренебрежение к интересам власти в нем проявляется как культ либерализма, а пренебрежение к интересам народа – как культ бездушного эгоизма» [5; 548].

Исходя из таких представлений В. П. Мещерский создал в своих работах целую серию негативных образов либеральных чиновников. Так, генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева, сыгравшего существенную роль в разработке крестьянской реформы, он охарактеризовал как человека, не имеющего убеждений и нравственной стойкости, предавшего «своего монарха и благодетеля», оказавшегося одним из главных «поклонников Герцена». Опасения Ростовцева «прослыть отсталым, прослыть на страницах герценских обличений николаевцем и было причиной, почему не было принято никаких серьезных мер против распространения влияния Герцена», и в результате «либерализм в высших специальных военных школах не получил должного отпора в начальстве» [5; 48].

Видный деятель эпохи Великих реформ, министр народного просвещения в 1861–1866 годах А. В. Головнин, по словам В. П. Мещерского, являлся «главным вдохновителем крайних либеральных тенденций», «растлевал нравственность будущей России… готовил из молодежи будущих деятелей революции в России, основанной на низложении всех авторитетов, начиная с божественного» [5; 293]. Мещерский полагал, что «во имя культа к либеральному Западу» реформаторы проводили политику «попустительства решительно во всем, где сталкивался какой-нибудь представитель элемента либерализма и даже самоволия с элементом правительственной власти» [5; 155].

Красной нитью в работах В. П. Мещерского проводилась мысль о непрофессионализме либералов. Видного деятеля судебной реформы С. И. Зарудного, математика по образованию, князь называет туристом-дилетантом, нахватавшимся в зарубежных поездках западных правовых идей. «…Главное, что составляло таинственную прелесть Зарудного в то время, – писал Мещерский, – было его фантастическое обожание к иностранным судебным порядкам и полное презрение к русским порядкам, а обожание иностранных порядков, в свою очередь, происходило от мысли, что они проникнуты либерализмом» [5; 193].

В. П. Мещерский даже мысли не допускал о благотворном характере тех или иных либеральных преобразований. Поэтому в каждом действии либералов он видел коварный умысел, направленный против России. Так, инициаторы отмены крепостного права, стремясь «как можно глубже поразить дворянство», заботились не об интересах «порядка и правительства», а о том, «достаточно ли отняли у дворян земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное в своих устоях и в своих основах, достаточно ли создано для него критическое и трудное положение?» [5; 105]. Приписывая идеи дворянофобии либеральным чиновникам, Мещерский представлял их главными врагами дворянства как сословия. Далее ставился знак равенства между понятиями «поместное дворянство», «самодержавие», «Россия», а либералы превращались во врагов русского народа, подрывающих патриотические ценности. В своих работах Мещерский использовал выражения «либеральный космополитизм», «партия космополитов», «антирусская политическая партия», «партия петербургских либералов, то есть чиновников и космополитов» и т. п. Олицетворением этой партии для него служили в 1860–70-х годах П. А. Валуев и П. А. Шувалов. По убеждению Мещерского, именно благодаря происками и козням этих двух сановников попирались русские интересы на окраинах, а внутри России реформы всячески искажались и вместо усиления национально-русского начала приводили к распространению чуждого, западнического духа.

Когда с 1861 года вместо винных откупов стала вводиться акцизная система продажи спиртного, В. П. Мещерский увидел в этом коварный замысел либералов – «соблазнить мужика дешевою водкою и затем его споить». Основанием для подобных утверждений была всего лишь шутливая фраза акцизного чиновника Огрицко

о том, что в ходе проведения реформы он едет к донским казакам «учить их, как спаиваться». Зацепившись за эту фразу, князь стал рассуждать: «…как никого не беспокоил ни этот курьез, ни осуществление замысла соединить освобождение крестьян с питейною реформою… Точно какая-то таинственная сила спешила, не теряя ни одной минуты, создать для народа роковое искушение, а для правительства угрожающее положение» [5; 152]. Идеи Мещерского о «тайных врагах порядка и правительства» трансформируются в начале XX века в широко распространенную в консервативных кругах теорию «жидомасонского заговора».

В представлении В. П. Мещерского петербургские чиновники являлись «первой армией либералов». Ко «второй армии либералов» он относил прогрессивную печать во главе с «Голосом» А. А. Краевского и земских деятелей. В этих кругах «всякая консервативная мысль вызывала нервные судороги отвращения, а всякая либеральная идея – до конституции включительно, и даже до республики – находила массу лабораторий в человеческих мозгах и массу лаборантов между людьми всех возрастов и всех положений» [5; 369]. В земствах либералов, по мнению князя, интересовало не ведение народного хозяйства, а возможность через представительные органы прийти к конституции. Стремление ряда общественных деятелей ввести центральное земство он оценивал как проявление «с одной стороны полного презрения к местным нуждам России, а с другой стороны – непростительное ребячество, побуждавшее серьезных, по-видимому, людей добиваться не пользы народной или общественной, а исключительно либеральных игрушек» [5; 252].

В. П. Мещерский всячески подчеркивал несоответствие либеральных ценностей и русской жизни. Так, рассуждая о проектах ограничения власти губернаторов местными коллегиальными учреждениями, он утверждал: «…такие взгляды не потому ложны, что они либеральны, но потому, что они практически, то есть жизненно, безусловно, неверны» [5; 671]. Принцип разделения властей князь называл «практически непригодным» из-за возможной вражды и противодействия между различными властными институтами.

Ядром политической доктрины В. П. Мещерского была идея самодержавия. Отсюда вытекала его крайне негативная оценка «излишков либерализма», введенных судебной реформой 1864 года. Он с возмущением передавал слова министра юстиции Д. Н. Замятина Александру II о том, что «Государь не имеет права без суда увольнять судебных чинов от должности». Неприятие у князя вызывал и принцип всесословности судебных учреждений. Он возмущался тем, что мировые судьи, приглашая к себе генералов и сановников, «позволяли себе их заставлять сидеть на скамьях вместе с их лакеями». В этом он видел «умышленно либеральный образ действий», проявление неуважения к знатным лицам. То, что в либеральной системе ценностей является естественным (принципы несменяемости судей, равенства всех перед законом), сторонникам самодержавия казалось покушением на сами основы существования России. Характерны рассуждения Мещерского по поводу судебной реформы: «…уже с самого начала введения новых судебных учреждений я не мог понять, как можно было восхищаться таким нововведением, как суд присяжных, подходившим к русской жизни, как к корове седло; с самого начала я находил крайне несимпатичным тот дух либерализма, который побуждал судебное ведомство с отправлением правосудия соединить какую-то политическую и социальную пропаганду насчет равенства и в то же время неуважения к разным преданиям власти и социальных отличий» [5; 350].

Идеологическое неприятие либерализма оказывало определяющее влияние на конструирование образа конкретных лиц, с которыми доводилось общаться В. П. Мещерскому. Так, умеренному либералу А. В. Никитенко он давал следующую характеристику: «Слушая этого умного человека, всегда говорившего зло и насмешливо решительно о каждом и решительно обо всем, я в то время испытывал только антипатичное к нему чувство. Задавал себе наивный вопрос: неужели в эту душу никогда не входило доброе впечатление, неужели никогда из этой души не исходит мысль, согретая сердцем?» [5; 99]. Разумеется, носители либеральных ценностей должны были даже чисто внешне вызывать неприятие. Так, А. В. Головнину князь давал такую характеристику: «Глядя на его маленькую, неуклюжую и нестройную фигуру, с несоразмерною туловищу головою и с лицом, где читались сухость и что-то неприветливое, все спрашивали про Головнина: да имеет ли этот человек довольно сердца, чтобы любить учащуюся молодежь» [5; 191].

Связывая все негативные явления в бюрократической среде с пагубным влиянием либеральных идей, В. П. Мещерский наклеивал ярлык либерала на тех чиновников, которые никогда ими не являлись. Например, с 1868 по 1882 год главой Земского отдела МВД был Ф. Л. Барыков, пользовавшийся в столичном обществе скандальной личной репутацией как организатор каких-то диких оргий, циник и сочинитель сатирических стишков. Являвшийся классическим чиновником без убеждений, он «пересидел» четырех министров. В глазах Мещерского Барыков – «европейский архилиберал», один из наиболее «красных» чиновников, ненавидевший дворянина-помещика, «все старые политические предания», говоривший «с остроумием и цинизмом без малейшего стеснения о своих принципах заведования тогда крестьянским делом в ар-

хикрасном направлении» [5; 362]. Современные исследователи не нашли в деятельности Барыкова и возглавляемого им Земского отдела никаких принципиальных инициатив, расходившихся с мнением вышестоящего руководства [10; 201].

Воспитанный на идеалах эпохи Николая I, идеалах дисциплины, порядка, культа власти, В. П. Мещерский полагал, что для спасения России нужно только одно – «твердая строгость со всеми и во всем» [5; 549]. В малейших симпатиях к свободе человеческой личности он видел зародыши ненавистного ему либерализма. Характерно его отношение к писателю А. К. Толстому, не примыкавшему к либеральному лагерю. Мещерский подчеркивал «полную невозможность» примирить свои убеждения с мировоззрением Толстого, поскольку для последнего «главною духовною стихиею была свобода… и в этом культе свободы он, когда переходил на почву практическую, самым искренним и теплым образом предпочитал многое на Западе Европы многому русскому только потому, что там находил больше уважения к свободе, чем у нас» [5; 204]. Поэтому Толстой «при всей своей оригинальности скорее клонится к либералам, чем в нашу сторону». Отсюда, делал вывод Мещерский, вытекает главный недостаток Толстого – «затаенное недружелюбие к русскому существу» [5; 376, 677].

Неприятие либерализма сквозило в самой стилистике текстов В. П. Мещерского, что проявлялось во фразах о надвигающейся с Запада «тучи космополитизма и либерализма», о западных идеях, «разъедающих чувство любви к родному краю» [5; 732]. Отсюда возникало противопоставление либерализма и патриотизма, что вело к конструированию образа либерала как «врага отечества», борьба с которым представлялась священным долгом каждого гражданина. Эта идея Мещерского рассматривается в качестве основной в его публицистике современными консерваторами, назвавшими сборник избранных статей князя «За великую Россию. Против либерализма» [7].

В. П. Мещерский полагал, что революционные, нигилистические идеи возникают вследствие либеральных уступок во всех сферах жизни общества. «Непостижимая ненаходчивость всего учебного начальства дала ребяческим шалостям студентов развернуться в целую политическую революцию. Все это только потому, что в начале не нашлось ни одного энергичного и умного человека, который взялся бы весь этот мятеж затушить в корне» [5; 124]. Отсюда следовала и простая идея борьбы с революционными настроениями – строгая дисциплина и порядок, которая должна проводиться людьми твердых монархических убеждений, а не «либеральной» профессурой. Либеральную критику власти Мещерский рассматривал как антиправительственную деятельность, по многим параметрам соприкасавшуюся с революционной пропагандой. Князь не обвинял либералов в содействии революционному террору, но он полагал, что революционное движение в целом пользуется сочувствием и поддержкой «крайних либералов, фигурировавших тогда и между правительственными чиновниками, отчасти в той массе равнодушных интеллигентных людей, которые это равнодушие проявляли столько же в деле отстаивания правительственных интересов, сколько в деле противодействия всякой противоправительственной агитации» [5; 536]. В Великих реформах Мещерский увидел лишь безвластие и беспорядок, которые привели к распущенности и падению дисциплины, следствием чего и стал рост революционных настроений с закономерным итогом – убийство Александра II.

В представлении В. П. Мещерского «либерализм» (и «космополитизм» как его синоним) – это не партийно-политическая идеология, не общественное течение, связанное определенными ценностями, а некий комплекс разнообразных явлений, противостоящих таким понятиям, как «патриотизм», «нравственность», «классицизм», «идеализм», «религия» [6; 153]. Такое широкое толкование либерализма позволяло, с одной стороны, подвести под это понятие любого неугодного человека (от министра до нигилиста), чьи взгляды не вписывались в триаду «православие, самодержавие, народность», а с другой стороны, объяснить все негативные явления русской жизни влиянием «вредных западных идей» и происками «врагов отечества».

Неудивительно, что такая позиция вызывала неприятие прогрессивных кругов российского общества. Историк М. С. Корелин охарактеризовал ее как квазипатриотизм, мешающий адекватно оценивать общественные явления [11; 259]. А. А. Кизеветтер расценивал публицистику Мещерского как призывы «ату его» по адресу всех сторонников прогрессивных начал [4; 118].

Сконструированный Мещерским и другими консервативными деятелями миф о либералах как «врагах отечества» служил для защиты существующего строя, обоснования благотворности курсов Николая I и Александра III, доказательства ненужности реформ. Каналами распространения образа либерала служили печатные органы, прежде всего «Гражданин», салон Мещерского, его письма Александру III и Николаю II. В итоге не без участия князя два последних российских императора выбрали консервативный вектор внутренней политики, исключавший разумный диалог между властью и обществом и закончившийся революционными потрясениями начала XX века.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–01–00249, тема «Образ либерала в Российской империи XIX – начала XX вв.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дронов И. Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В. П. Мещерского. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009. 246 с.
2. Калашников М. В. Понятие *либерализм* в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 464–513.
3. Карцов А. С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В. П. Мещерский). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 418 с.
4. Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1996. 396 с.
5. Мещерский В. П. Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003. 864 с.
6. Мещерский В. П. Гражданин консерватор. М.: ИХТИОС, 2005. 304 с.
7. Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
8. Никитенко А. В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. 588 с.
9. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. 505 с.
10. Христофоров И. А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.
11. Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 503 с.
12. Чичерин Б. Н. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 496 с.

Yegorov A. N., Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation)

LIBERAL'S IMAGE DEVELOPMENT IN CONSERVATIVE CIRCLES OF RUSSIAN EMPIRE IN SECOND HALF OF XIX CENTURY (as exemplified by the works of Prince V. P. Meshcherskiy)

Development of a negative image of a liberal in conservative circles of the Russian Empire in the second half of the XIX century on the examples of the memoirs and political journalism of Prince V. P. Meshchersky is analyzed. The conservatives were known to evaluate "liberalism" (and "cosmopolitism" as its synonym) not as a political ideology or a social movement associated with certain values, but as a totality of various phenomena opposing the concepts of "patriotism", "morality", "classicism", "idealism", and "religion". This broad interpretation of liberalism allowed, on the one hand, to stick this label to any unwanted person (from a minister to a nihilist) in case their views did not comply with the triad "Orthodoxy, Autocracy and Nationality", and, on the other hand, to explain all negative facts of the Russian life by the influence of "adverse western ideas" and schemes of "homeland enemies". Antagonism toward liberalism was reflected in stylistics of V. P. Meshchersky's texts, which manifested itself in such phrases as "the flowing tide of cosmopolitism and liberalism" from the West and "western ideas eroding the sense of love for motherland". Starting from here the opposition of liberalism against patriotism emerged, which gradually led to the development of an image of a liberal as a "homeland enemy". The fight against liberals was declared a sacred duty of every citizen. As a result, political journalism of V. P. Meshchersky helped to form a conservative thrust in the domestic policy of Russia at the end of the XIX century, which eliminated any possibility of a compromise between ruling authorities and society.

Key words: liberalism, conservatism, political journalism, image of a liberal, patriotism, officialdom

REFERENCES

1. Dronov I. E. *Konservativnyy proekt dlya Rossii: obshchestvenno-politicheskie idei knyazya V. P. Meshcherskogo* [Conservative project for Russia: socio-political ideas of Prince V. P. Meshchersky]. Moscow, Publishing house of Moscow University for the Humanities, 2009. 246 p.
2. Kalashnikov M. V. The concept of liberalism in Russian public consciousness of the XIX century [Ponyatie *liberalizm* v russkom obshchestvennom soznanii XIX veka]. *"Ponyatiya o Rossii": K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Notions about Russia": Historical semantics of the Imperial period]. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. P. 464–513.
3. Kartsov A. S. *Russkiy konservatizm vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (knyaz' V. P. Meshcherskiy)* [Russian conservatism of second half XIX – beginning of XX century (prince V. P. Meschersky)]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 2004. 418 p.
4. Kizevetter A. A. *Na rubezhe dvukh stoletiy: Vospominaniya 1881–1914* [At the turn of two centuries: Memoirs 1881–1914]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1996. 396 p.
5. Meshcherskiy V. P. *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. 864 p.
6. Meshcherskiy V. P. *Grazhdanin konservator* [Citizen conservative]. Moscow, IKHTIOS Publ., 2005. 304 p.
7. Meshcherskiy V. P. *Za velikuyu Rossiyu. Protiv liberalizma* [For the great Russia. Against liberalism]. Moscow, Institute of Russian civilization, 2010. 624 p.
8. Nikitenko A. V. *Zapiski i dnevnik* [Notes and diary]. Vol. 1. St. Petersburg, Typography of A. S. Suvorin, 1893. 588 p.
9. Nikolay Mikhailovich Karamzin, on his writings, letters and contemporaries. Materials for biography [*Nikolay Mikhaylovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlya biografii*]. Moscow, Typography of A. I. Mamontov, 1866. Vol. 2. 505 p.
10. Khristoforov I. A. *Sud'ba reformy: Russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The fate of reforms: Russian peasants in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890's.)]. Moscow, Sobranie Publ., 2011. 368 p.
11. Tsygankov D. A. *Professor V. I. Ger'e i ego ucheniki* [Professor V. I. Gere and his disciples]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopedia Publ., 2010. 503 p.
12. Chicherin B. N. *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 1. Moscow, Publishing house named Sabashnikovykh, 2010. 496 p.

Поступила в редакцию 05.04.2013

Август, № 5 **История** **2013**

УДК 94(47)“17/1917”

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
av-pigin@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КИРИЛЛО-ЧЕЛМОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ (сочинение священника Ф. И. Гурьева, XIX век)*

Публикуется и комментируется малоизвестное сочинение, составленное каргопольским священником Ф. И. Гурьевым в 1840–50-е годы и посвященное истории олонецкого Кирилло-Челмогорского монастыря. Сохранившееся в двух автографах, оно представляет интерес для изучения краеведческой деятельности местного духовенства. Источник содержит ряд неизвестных фактов из истории монастыря и созданного на его месте прихода в XVI–XIX веках. Указаны имена настоятелей, приведены ценные сведения о церквах, иконах, книгах, монастырских грамотах, о почитании святого Кирилла Челмогорского.

Ключевые слова: монастыри Обонежья, священники-краеведы, агиография

Кирилло-Челмогорский (Богоявленский, Успенский Кирилло-Челменский) монастырь находился в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, на Челме-горе близ оз. Лекшмозера, в 60 км к северо-западу от Каргополя. Монастырь возник на том месте, где в течение 52 лет прожил в пещере святой преподобный Кирилл Челмогорский (память 8/21 декабря, 21 мая / 3 июня – в Соборе Карельских святых, 3-я неделя по Пятидесятнице – в Соборе Новгородских святых).

Основным источником сведений о святом и о монастыре служит Житие Кирилла Челмогорского, составленное на рубеже XVII–XVIII веков из двух самостоятельных частей – сказания о посмертных чудесах святого, приуроченных к XVII веку (автором этой части является священник Покровской церкви в селе Лядины близ монастыря Иоанн), и рассказа о жизни святого на Челме-горе и о его прижизненных чудесах (автор неизвестен, эта часть представляет собой переработку Жития Нила Столбенского)[1]. В Житии повествуется о столкновении святого с местными язычниками – «чудью белоглазой» и о проповеди им христианской веры. Согласно Житию, святой жил в конце XIII–XIV веке: родился около 1285 года, на Челму пришел в 1316 году, а скончался 8 декабря 1367 года. Если доверять этой хронологии, то Кирилла Челмогорского следует считать наиболее ранним святым Каргопольской земли, устроителем монашеской жизни на этой территории и первым просветителем язычников. В 1785 году представители каргопольской администрации писали в своем отчете губернскому начальству в Петрозаводск: «…манастырь Челмогорской… начало восприял от времени происходящаго в Каргополском уезде крещения. А потом и в Житии преподобны Кирилла… паки упомянуто, что были около пределов каргополских обитающие народы – чюдь белоглазая, и тогда де во окрестных местах начинала распространятця православная вера благочестия» [14; 124].

Исследование истории Челмогорского монастыря принадлежит каргопольскому краеведу К. А. Докучаеву-Баскову (1849–1916). В 1885–1895 годах в журнале «Христианское чтение» был опубликован цикл его очерков о монастырях Олонецкой губернии, объединенных общим заглавием «Подвижники и монастыри Крайнего Севера». Докучаев-Басков имел доступ к богатейшему архиву Спасо-Преображенского монастыря в Каргополе, где оказались собраны многие документы из закрытых во второй половине XVIII века каргопольских монастырей (значительная их часть в наши дни утрачена). Житию Кирилла Челмогорского и истории Челмогорского монастыря автор посвятил две работы [5], [6]. Исследователь опубликовал текст Жития со своими комментариями и целый ряд документов, касающихся истории пустыни в XVII–XVIII веках. Он пересмотрел также хронологию Жития и – не без оснований – отнес время жизни Кирилла Челмогорского к XV – середине XVI века[2] (подробнее см. [13]).

Труд Докучаева-Баскова представляет, несомненно, весомый вклад в изучение истории этой каргопольской обители. Между тем задолго до него историю Челмогорской пустыни попытался описать другой каргопольский краевед – Федор Иванович Гурьев. В 1840-е годы он составил «Историческое описание» Челмогорской пустыни, которое никогда не было опубликовано и Докучаеву-Баскову осталось неизвестно.

Ф. И. Гурьев (род. около 1799 года) – священник, служивший в разных приходах Каргопольского уезда Олонецкой епархии (в Малошальском, Устьволгском, Челмогорском, Валдиевском и, возможно, других)[3]. Гурьев при-

© Пигин А. В., 2013

надлежал к той категории русских священнослужителей, которые не довольствовались делами церковной службы и окормления паствы, но живо интересовались церковными древностями, историей, местными обычаями жителей своего прихода и даже естественно-научными вопросами. Сбор исторических сведений о приходе входил в круг обязанностей священнослужителей XIX века, епархиальное начальство периодически запрашивало в форме анкет такие данные у приходских священников. Однако интересы Гурьева явно выходили за пределы этих анкетных вопросов. В настоящее время известно всего несколько его сочинений, которые позволяют тем не менее охарактеризовать его как человека любознательного, наблюдательного, проявлявшего неподдельный интерес к вопросам истории и этнографии. В 1850 году, являясь священником Валдиевского прихода, Гурьев составил «записки» об истории этого села, куда включил фольклорные предания о чуди, о разбойниках и силачах, описал нравы и обычаи валдиевцев, привел образцы местного наречия[4]. В другом своем очерке Гурьев изложил услашанную им историю о тайной добыче крестьянами Каргопольского уезда в XVIII веке серебряной руды. Заботясь о «пользе Отечества», Гурьев призвал «занимающихся исследованиями и приисками металлов в Олонецкой губернии» лиц «обратить внимание на описанную местность» [4]. Федора Гурьева, таким образом, можно причислить к той «церковной интеллигенции» Олонецкой губернии XIX – начала XX века, которая способствовала формированию здесь исторического краеведения (см.: [8], [12]).

Литературные интересы проявились у Гурьева уже на более раннем этапе его церковной карьеры. 24 ноября 1840 года он был определен священником в Челмогорский приход, образовавшийся после закрытия монастыря в 1760-е годы, и оставался здесь по 1844 год. Любознательный священник не мог не заинтересоваться Житием Кирилла Челмогорского и историей древнейшего, как он считал, каргопольского монастыря. Не слишком обремененный, судя по всему, священническими обязанностями («приходских же душ и крестьян при сей пустыни ни одной не имеется»), он «при случаях собирал разныя той пустыни древности и записывал оныя». Прежде всего, Гурьев составил новую редакцию Жития Кирилла Челмогорского[5]. По наблюдениям А. Б. Мороза, сопоставившего «гурьевскую» редакцию с первоначальной, эта переработка преследовала цели исправления языка, уточнения исторических и географических реалий, а также придания тексту «более официального характера»[6] [10]. Кроме того, как уже было сказано, Гурьев составил «Историческое описание» Челмогорской пустыни, которое и публикуется ниже.

Сегодня известны два автографа этого сочинения – один из них черновой, другой беловой.

1) Черновой список[7] помещен вслед за Житием Кирилла Челмогорского в редакции Гурьева. Заглавие: «Историческое описание Челмогорской пустыни, что в Каргопольском уезде, собранное от разных древностей той пустыни священником Ф. Гурьевым. 1844 года февраля месяца». Над строками и на полях сделаны многочисленные исправления и дополнения. После заглавия приписано: «Следует почище переписать».

2) Беловой список на отдельной тетради[8], составленный после 1850 года, уже в бытность Гурьева священником Валдиевского прихода.

К Е. В. Барсову, известному историку и филологу, в рукописном собрании которого хранятся эти рукописи, сочинение Гурьева попало, несомненно, уже в его «петрозаводский» период (1862–1870), поскольку знакомство с ним обнаруживают некоторые его работы этого времени.

Тексты указанных двух списков не имеют полного тождества, в каждом из них содержатся фрагменты, отсутствующие в другом. Так, в беловом списке Гурьев опустил описание церковных предметов (книг, крестов, сосудов) и перечень монастырских грамот (их тексты были приложены к «описанию», но не сохранились), однако внес некоторые мелкие уточнения в другие разделы и более подробно изложил обстоятельства написания своего очерка. В окончательном варианте сочинение было перестроено и композиционно. Как следует из белового списка, Гурьев отправлял свое «описание» вместе с монастырскими грамотами архимандриту Александро-Ошевенского монастыря Анастасию, а также в редакцию «Олонецких губернских ведомостей». Однако по каким-то причинам его произведение опубликовано не было.

В чем же исторический интерес этого источника? Гурьев разыскал документы, которые позднее не попали в поле зрения Докучаева-Баскова. Наиболее ценными из них являются данные монастырю царские и владычные грамоты конца XVI–XVII века (см. их перечень ниже). По свидетельству Е. В. Барсова, этих грамот не было в монастыре уже в 1860-е годы [2; 356]. Из семи перечисленных Гурьевым грамот Докучаеву-Баскову были известны только две (1682 год, 8 февраля; 1684 год, 28 мая), причем с утратами частей текста.

Представленные в «описании» Гурьева грамоты позволяют внести в «летопись» Челмогорского монастыря ряд новых фактов, установить имена некоторых настоятелей и монахов, уточнить годы их жизни. Выясняется, что в XVI веке челмогорские монахи вели тяжбу (вероятно, из-за земельных угодий), закончившуюся в их пользу, с крестьянами из близлежащих сел Лядины и Лекшмозеро. Особый интерес представляет сообщение в челобитье строителя

Филофея (1680-е годы) о заточении в Челмогорском монастыре матери великого князя Василия Темного Софии Витовтовны и жены Ивана III Софии Палеолог. Это известие свидетельствует как будто о гораздо более раннем, нежели думал Докучаев-Басков, времени создания Челмогорского монастыря: в первой половине XV века он уже должен был существовать. Однако сведения о ссылке в Челмогорский монастырь Софии Витовтовны и Софии Палеолог не удается подтвердить другими источниками. Действительно, в летописях под 1447 годом сообщается о пребывании Софии Витовтовны в Каргополе, но Челмогорский монастырь при этом не упоминается[9]. Нет никаких известий и о ссылке сюда Софии Палеолог (женой Ивана III стала в 1472 году, умерла в 1503 году). В 1830-е годы грамоты о ссылке этих княгинь пытался разыскать в Челмогорском монастыре Я. И. Бердников, но успеха не добился [3; 269–270]. Стоит заметить также, что Е. В. Барсову была известна царская грамота (он не сообщает, какая именно), согласно которой Челмогорский монастырь был местом ссылки для одной из жен Ивана Грозного[10] [2; 356]. Такое разнообразие в указании исторических лиц в грамотах вызывает закономерное сомнение: не лежит ли в основе этих известий какое-то монастырское предание, которое связывалось в разные годы то с одной царственной особой, то с другой? Во всяком случае, принимать сообщение источника конца XVII века о ссылке в Челмогорский монастырь Софии Витовтовны за надежное доказательство его раннего происхождения, по-видимому, не стоит.

Интересным фактом в сочинении Гурьева является упоминание хранившейся в Челмогорском монастыре книги – Псалтири с восследованием – с подписью патриарха Никона 1659 года. Эта книга, по предположению Гурьева, была пожалована монастырю самим патриархом в те годы, когда пустынью управлял его ученик Филофей. В монастыре хранилась и грамота патриарха Никона, но содержание ее, к сожалению, неизвестно [5; 250].

Более подробно, по сравнению с Докучаевым-Басковым, Гурьев излагает и некоторые факты из истории пустыни уже после ее закрытия во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Он называет имена некоторых священнослужителей, иконописцев, писавших иконы для челмогорских храмов, благодетелей пустыни, на чьи деньги осуществлялось ее благоустройство, не забывает отметить и свои заслуги: «В 1842 и 43-м годах внутри св[ятаго] олтаря (Успенской церкви. – *А. П.*) с помощию трудов священника Ф. Гурьева написаны небеса, окрашен и озолочен иконостав».

Сочинение Гурьева содержит наиболее раннее свидетельство о «фольклорных» формах народной памяти о святом у окрестных жителей. Автор приводит местное название тростника, которым покрыты «пропасть» и берег озера рядом с кельей святого – «Кириллова треста» и излагает «устное предание старожилов», соответствующее житийному чуду, о победе в этом месте св. Кирилла над бесовским полчищем: «…некогда нощию вооружился на святаго князь бесовский со своим полчищем бесов и, оцепив келию блаженнаго ужищами, повлек к езеру, хотя его утопити, и, тем устрашая, хотяше его согнати отъсюду. Но пре[подобный] силою Божией дивно поразил его в бездну в том самом месте, где и ныне существует пропасть чрез пятьсот годов, не подходимая даже и скотам, покрывшаяся водой с грязью». Это устное предание до сих пор фиксируется фольклористами в соседних с бывшим монастырем деревнях [11; 226–230].

При всей заботе Гурьева о фактографической точности изложения, его исторический кругозор отличается неполнотой и противоречивостью. С одной стороны, в своей редакции Жития он пытается уточнить, пусть не без погрешностей, исторические реалии (указывает, например, имя новгородского князя и киевского митрополита, при которых родился св. Кирилл) [10; 31]; с другой – никак не комментирует явное противоречие в сообщении Жития о том, что родным братом Кирилла Челмогорского являлся Корнилий Комельский (около 1456–1538 годов). Позднее, в сочинении Докучаева-Баскова, именно это историческое несоответствие в тексте Жития и послужило главным поводом для пересмотра его хронологии. В «Историческом описании» в число современников св. Кирилла Гурьев включает еще и Никодима Кожеозерского (ум. в 1639 году): «И еще был при нем же пр[еподобный] Никодим Кожеозерский и ушел в Архангельскую губернию в отшельничество». Вряд ли эти несоответствия следует объяснять простым невежеством автора или отсутствием необходимой литературы. Совмещение в одном «времени» и «пространстве» Божиих угодников, живших в разные времена, напоминает иконы с изображением того или иного Собора святых, где господствует принцип сакрального универсума. В этом отношении позиции Гурьева и его предшественника по написанию Жития Кирилла Челмогорского священника Иоанна из Лядин обнаруживают скорее сходства, нежели различия (ср. с названием статьи А. Б. Мороза «Спор историка и художника», где под «историком» понимается Гурьев, а под «художником» – Иоанн). Гурьев, несомненно, усвоил некоторые принципы исторической литературы своего времени, но в целом, пожалуй, его сознание оставалось таким же «древнерусским» и внеисторичным, как и у книжника XVII века.

И все же почему в число современников и сомолитвенников св. Кирилла был включен именно Никодим Кожеозерский? По всей видимости,

источником для Гурьева послужил Синодик Челмогорского монастыря, в который имя Никодима Кожеозерского было помещено вслед за св. Кириллом и Корнилием Комельским. По сведениям Докучаева-Баскова, в его времена в пустыни хранился Синодик в списке 1830 года, но переписанный «с древняго, ветхаго» [5; 503, 505]. Можно предположить, что в Синодик это имя попало благодаря настоятелю Челмогорского монастыря Филофею и его брату Сергию (вторая половина XVII века) – постриженикам Кожеозерского монастыря[11], в память о святом его старце. Так синодичная запись дала жизнь агиографическому мотиву.

Текст публикуется с сохранением орфографии оригинала, но с заменой устаревших букв современными. Знаки препинания расставлены по современным правилам. В квадратные скобки заключены пропущенные в оригинале буквы. Примечания, пронумерованные римскими цифрами, принадлежат Ф. И. Гурьеву.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕЛМОГОРСКОЙ ПУСТЫНИ, СОСТОЯЩЕЙ В КАРГОПОЛЬСКОМ УЕЗДЕ[12]

Прежде бывший общежитный мужеский монастырь, а ныне Челмогорская Богоявленская пустынь, состоящая Олонецкой губернии в Каргопольском уезде, от города Каргополя прямо на север пяддесят верст растоянием, стоит при озере Челме на горе, в месте лесном и уединенном, но приятном по истоку водному и возвышенности горы Челмы. По восточной стороне сей горы течет речька, выходящая из Лекшмо-езера, и впадает при сей горе в Челмо-озеро, которое и с речкою получают название от горы Челма. Пустынь сия от соседних ей приходов отъстоит: от Лекшмозерскаго погоста двенадцать, а от селения приходскаго три версты, // (л. 1 об.) а от Лядинскаго погоста семнадцать верст, а по зимнему пути десять верст.

Место сие до 1316-го года принадлежало обитавшему здесь грубому, ни законов общества, ни чувствий христианства не знавшему народу, именуемому чуди, что самое видно ис древней писчей книги Жития и чудес преподобнаго отца Кирилла Челмогорскаго, основателя сего монастыря, и описания Спасо-Преображенскаго Каргопольскаго монастыря[13].

Первый основатель сей пустыни и просветитель грубаго народа здесь был сей преподобный отец Кирилл, Челмогорский чудотворец, постриженник новгородскаго Антониева монастыря[I]. Где же он родился и каких был родителей, того неизвестно. Он исшед из Антониева монастыря по шестилетнем там его житии и трехълетнем странствовании, по извещению и гласу Божию, пришед на гору сию, лесом заросшую и всяким ягодичием тогда исполненную. // (л. 2) Тридцати лет сый, поселился на месте сем в лето 1316-е, как пишется и на раке его образа[II], да то же и в Житии его упоминается. И по прибытии его сюда первую зиму жил он с восточной стороны горы в ископанной им пещере, потом устроил келию и часовню. По трех летех сюда его прибытия приходил к нему брат его родной Корнилий[14], и быв недолгое время у него, отшел на Обнору реку, в Вологодской губернии // (л. 2 об.) состоящую, где и св[ятыя] его мощи почивают под спудом. И еще был при нем же пр[еподобный] Никодим Кожеозерский[15] и ушел в Архангельскую губернию в отшельничество, коего там почивают св[ятыя] мощи под спудом же. А потом пр[еподобный] отец Кирилл здесь братию собрал, церковь во имя Богоявления Господня создал, монастырь устроил[16] и многая чюдеса сотворил. И при кончине был исповедан и Св[ятых] Тайн приобщен игуменом Иосифом[17] Строкиной Спасовой пустыни[III]. Жив всего 82 года и три месяца, погребен на той горе в часовне, где и ныне почивают св[ятыя] его мощи под каменной церковью, с северной стороны, под ракой, под спудом, т. е. в земле. Вид он имел благообразной, главу велику и браду долгу, на конце раздвоенну, власы с руса, взором кроток, духом крепок, чело высоко, что самое сие описано в его Житии, при конце службы ему написанной.

По пр[еподобном] отце Кирилле замечаются бывшие настоятелями сей пустыни и коих годов именно были: // (л. 3)

1. Серапион монах, пришедший с другим из Новагорода по преставлении пр[еподобнаго]. И поживше в келии его три года, а потом отъидоша, аможе восхотеша.

2. Иеромонах Арсений, строитель. При сем собрася и братии немалое число. Церковь, построенная пр[еподобным] Кирил[лом], от молнии згорела, и воздвигнута перьвая Успенская церковь, устроено общежитие, и прозвася обитель Челмогорская. А 1419-го года, от сотвор[ения] 6927-е, воздвигнута церковь Богоявления Господня с приделом св[ятой] великомученицы Екатерины.

3–4. Игумены Ефрем и Сидор. Видны в Синодике при пустыне, но в которых годах были они – того неизвестно.

5–6. Священники Алексей Черемисин и Иван Граворонов, бывшие при великом князе Иоанне Васильевиче, на коих били челом ему 1532-го года[18] лядинцы и лекшмозерцы, что самое видно из наказа Бориса Феодоровича в 1599-м году.

7. Иеромонах Евстафий, 1599 года майа 20 дня подававший челобитную царю Борису Федоровичю о обиде своей на лядинцов и лекшмозерцев. // (л. 3 об.)

8–9. Иероманах Герман, живший здесь 30 лет и скончавшийся 1627 года ноября 1 дня в сей пустыне. Иеромонах Мисаил. Видны в книге чюдес пр[еподобнаго] Кирилла 1630-го года.

10. Монах Иоаникий. Упоминается в чюде о утерявшемся зимою коне с возилом в воду, года же не видно.

11. Варлаам. 1645 года июля 24 дня, упоминается в списке с грамматы царя Михаила Феодоровича, данной ему по челобитью.

12. Игумен Никита. 1648-го года марта 25 дня, упоминается в граммате царя Алексея Михайловича, и подписавшийся на Цветной Триоде при сей пустыне по листам.

13. Строитель Макарий, обгоревший в пожаре церкви, его же исцелил пр[еподобный] Кирилл 1674 года февраля 2-го дня. Упоминается в чюдесах и еще в списке поновительной грамматы царя Феодора Алексеевича 1682 года февраля в 8-й день он же строителем.

14. Строитель Филофей. Сей ученик св[ятейшаго] Никона патриарха, упоминается 1684 года майа 28 дня в списке с царской грамматы, бывший здесь строителем 20 лет

и подписавшийся на Следо//(л. 4)вательной Псалтири при сей пустыне.

15. Строитель Иоасаф, 1732 года в генваре месяце подписавшийся по листам Общей Минеи при сей же пустыне, которую он купил в Москве на <*нрзб.*>вильные деньги, три рубля тритцать алтын.

После сего ни одного не видно начальника из монашествующих лиц при сей пустыне. Да не дошло и до рук при написании ничего мне к сведению о других, еще между сими бывших, начальниках монастырских и о протчем, служащем к яснейшему описанию сего монастыря, существующаго чрес пять столетий, никаких особенных памятников, кроме что которые здесь ныне запишутся предбудущим любопытателям памятником, собранные мною от разных лиц и мест доводы, вынувшие здесь, да и по разным окольним местам на самом упадке разрушения[IV] всего древняго. // (л. 4 об.)

О церквах сей пустыни

1. Церковь во имя Богоявления Господня, деревянная, построена была самим пр[еподобным] о[тцом] Кириллом на юге от часовни и келии его, которая по некотором времени преставления преподобнаго при собравшемся монашестве сгорела от молнии, и с часовней, при строителе Арсении; но в коем году, того не видно.

2. По сгоревшей той церкви собравшиеся монахи и братия до 24 человек воздвигнули 1-ю церковь во имя Успения Пр[есвятыя] Богородицы с теплой трапезой, деревянную. И началась сия пустынь зватися Успенская, каковая сгорела 1674-го года в декабре месяце, что видно в чюдесах пр[еподобнаго] Кирил[ла] о избавлении от смерти обгоревшаго монаха Макария в пожаре сей церкви, или другой таковой же; но естьли та самая, то существовала 300 годов.

3. Церковь во имя Богоявления Господня, на месте сгоревшей от молнии воздвигнута большая деревянная с приделом св[ятой] великомученицы Екатерины в 1419 году, освящена майа 9 дня, прешедшим по преставлении пр[еподобнаго] Кирилла 51 году. Тогда собрася и братии всей до 80 человек, составлено общежитие, устроены братские кельи, и обитель нача//(л. 5)лась зватися Челмогорская. Около сего времени написан первый образ преподобнаго о[тца] Кирилла чюдотворный, в рост его, новгородским изуграфом Иоанном, который для сего был вызван братиею, а такъже и для написания других св[ятых] икон в новоустроенных церквах сей обители. У новонаписаннаго сего образа пр[еподобнаго] о[тца] Кирилла слепой монах Антоний получил прозрение. И поселянами, за три версты живущими в деревне Труфановой, виден был в сей пустыне над поолифленным образом, стоящем навону[19] для сушки его, от небес светолучный столп огневидный. Что все сие пишется в книге Жития и чюдес пр[еподобнаго], писанной по замечанию одним из монахов сей обители[20], с приказания самаго явльшагося ему пр[еподобнаго] о[тца] Кирилла, как видно ис чюда о исцелении человека, одержимаго чревною болезнию. Но долго ли существовала и как уничтожилась сия церковь, того не значится.

4. Церковь деревянная во имя св[ятой] великомученицы Екатерины – особенная ли она, или над вратами монастырскими бывшая, того неизвестно. // (л. 5 об.) Но только видно из отрывка найденной древней граммоты Аффония[21], митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук, писаной в Каргопольской уезд в Чолменскую пустыню богоявленскому черному попу Мисаилу: «В нынешнем во 145 году бил де нам челом да тое же Челменой пустыни старец Варлаам, чтоб нам вас пожаловать благословить на новой храм лес ронить и храм совершить во имя великомученицы Христовы Екатерины, и на освящение того храма антиминс и благословенную нашу граммоту дать. И мы вас пожаловал, благословил на новой…» А далее что было писано в грамоте, то оторвано[22].

А на деревянном кресте, отъисканном мною здесь, видно было, что в сей пустыне был освящен олтарь во имя св[ятой] великому[ченицы] Екатерины, при благоверном царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Русии, при митрополите Аффонии ли или ином каком, ибо ветхость письма, чернилом писаннаго по дереву, разобрать неможно было. А освящен храм сей каким-то Иосифом[23], чина же его, а такъже и года за ветхостию не знать, месяца декабря в 13-й день. Но ис чюдес преподобнаго видно, что в сей пустыне была церковь над вратами монастырскими // (л. 6) св[ятой] в[еликомученицы] Екатерины в 1656-м году, когда принесен и образ пр[еподобнаго] Кирилла, седящим написанный Лядинскаго погоста священником Иоанном, по явлению пр[еподобнаго], по его прошению в первое обучение художества, к иеромонаху Савватию и иеродиакону Филофею, который и ныне имеется. Сколько же времени существовала и как уничтожена сия церковь, того не известно.

5. Церковь Успения Пресвятыя Богородицы – деревянная и ныне существующая. Когда и кем была построена и освящена, того при сей пустыне не отыскалось. А по древности свойства ея помечать надобно, что очень давняя, в коей была и трапеза братская с хлебопекарною печью. По ветхости же ея, съкривившуюся уже к упадку, в 1840 и 41-м годах с разрешения преосвященнейшаго Игнатия[24], архиепископа Олонецкаго, поднята на три венца новым лесом, крыша перекрыта вся и подобрана на каменный фундамент, с наружной стороны обшита тесом, покрашена желтой вохрой с помощию материалами в крашении каргопольскаго купца Семена Тереньтьева, внутри обшита тесом же, но не крашена, зделана холодной. // (л. 6 об.) В 1842 и 43-м годах внутри св[ятаго] олтаря с помощию трудов священника Ф. Гурьева написаны небеса, окрашен и озолочен иконостав. И на храмовой образ Успения Божия Матери устроена жемчюжная риза, шитая по коленгору золотом с битью в шездесят рублей серебром, усердием сей пустыни священнической жены вдовы Параскевы Петровой. В 1844-м году жертвовано на решотки железа в окошки сей церкви означенным купцом С. Тереньтьевым, и им же жертвованы ризы священнические в 50 рублей серебром. И в сии годы исправлены по церквам разныя мелочи, старыя лампады и все медныя ветхие вещи вычинены и выбелены аплекой. Длина сей церкви 5, а ширина 3 сажени, одноглавая, крыта под главой на средине бочькой на два оката чешуей по-древнему.

6. Церковь Богоявления Господня, деревянная, построена была и освящена при благочестивейшем царе и великом князе Алексие Михайловиче всея Руссии самодержце, при св[ятейшем] патриархе Иоакиме, при митрополите Корнилии[25] Великаго Новаграда и Великих Лук, 1676-го года октября 10-го дня, что видно на деревянном кресте

при сей пустыне в архиве. Она существовала до построения каменной церкви, ныне имеющейся, а при построении оной в 1818 году разобрана. // (л. 7)

7. На место разобранной церкви построена каменная, ныне существующая, над мощами пр[еподобнаго] о[тца] Кирилла, усердием каргопольскаго купца Михаила Николаевича Лыткина. Церковь длиною 9 сажен, с колокольнею над входом, а вышиною каменнаго здания три сажени. Заложена 1818 года майа 21 дня, а освящена 1823 года сентября 9-го дня при благочестивейшем государе императоре Александре Перьвом, при митрополите Новгородском и С[анк]т-Петербургском Серафиме[26] Ошевенскаго монастыря игуменом Иосифом[27]. Иконостав в церкве столярной работы с пореской[28], окрашен и позолочен на щот того же Лыткина. Св[ятыя] иконы в верхние ставы доставлены от его же, древние, но две иконы, храмовая Богоявления Господня и междувратной Бож[ией] Матери, древней живописи. А 1837-го года июля 24 дня устроен и освящен храм в трапезе той церкви во имя пр[еподобнаго] о[тца] Кирилла, Челмогорскаго чюдотворца, с благословения преосвященнейшаго Игнатия, перьваго архипастыря сей епархии, Александро-Ошевенским архимандритом // (л. 7 об.) Иосифом. На щот того ж купца дочерью Марфой Михайловной Лыткиной отделан в приделе столярной иконостав, окрашен и по резьбе вызолочен. Св[ятыя] иконы, местная пр[еподобнаго] о[тца] Кирилла и все протчие до 10 по иконоставу, написаны Вологодской[29] губернии иконописцем Киром Климовым, кроме междувратной иконы Тихвинской Богоматери, которая дана ею з дому. А 1839 года 15 генваря той же Лыткиной усердием устроена над мощами пр[еподобнаго] Кирилла рака, покрытая красным деревом и над верьхом балдахинью с завесью и кистями. Внутрь же оной над ракой росписаны небеса, у коей ныне завеса стала ветха от сырости. Вся же рака по примеру стоит до 200 руб[лей] серебр[ом]. Церковь с наружной стороны не отщекотурена, за скудостию, а такъже и крыша зделалась ветха.

О благолепии и вещах

Благолепие во св[ятых] церквах хорошее. Св[ятыя] иконы у Богоявления и Успения писаны наподобие древняго греческаго письма, из них три с подписью лет.

1-я храмовая, Богоявления Господня, писана 7188-го года древней живописи того времени. // (л. 8) 2-я ныне в трапезе теплой, Воскресения Христова, писана иеромонахом Исаакием 7196-го года. 3-я на раке пр[еподобнаго] Кирилла в рост, о коей выше сказано. Иные по церквам уже св[ятыя] иконы были чинены, а другие есть начали и перхать местами, и протчее. О крестах на святом престоле, и Евангелии, и сосудах писаное.

Кроме сих церквей были или нет другия церкви и здания при сем монастыре, о том описания на сей случай не отыскалось. Кроме что только взято из подпису з древних книг сей пустыни, как то Апостола древняго, печатаннаго в 21-е лето царствования государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, в 15-е лето патриаршества Филарета Московскаго[30]. А посему допускаем думать, что была здесь церковь и Казанской Богоматери, да и монастырь именовался иногда Успенской, иногда – Челмогорской Богоявленской, а иногда по наименованию [церкви] – и Казанской. Ибо здесь и образ Казанской Божией Матери имеется древний давняго письма, который помещен ныне в Успенской церкви на северной стране в иконоставе в ряд пономарских // (л. 8 об.) дверей. А по некоторым записан был именован и Покровским.

По пророчеству же преподобнаго Кирилла, при кончине жизни его духовному отцу его Спасовы Строкины пустыни игумену Иосифу сказанному, как пишется в Житии сего преподобнаго, что «по отшествии моем от здешних имать Бог воздвигнуть на горе сей другую церковь во имя Пресвятыя Богородицы. И место сие будет в пребывание иноком. И помале собравшеся, начнет место сие обновлятися овогда пожаром, овогда же нашествием иноплеменных за несогласие и неповиновение друг ко другу. И будут посечени, яко класы, безвременно. А инии приходящии монахи начнут владети и раззоряти пустынное сие место. Но общий наш Владыка Христос Бог не оставит им в посмеяние раззорятися месту сему святому. Такожде и поселяне, окрест живущии, по наваждению вражию изгоняти живущих здесь и обиды им творити имут, но аз не оставлю места сего, и по моем отшествии Бог восхощет». По сему пророчеству и прозрению преподобнаго о[тца] Кирилла по временам // (л. 9) обновлялось и место сие овогда пожарами, овогда нашествиями иноплеменных.

Как видно из описания Спасо-Преображенскаго монастыря, которой сначала именовался «Строкиной пустыней, что на болоте», в коей и духовный отец преподобнаго Кирилла игумен Иосиф находился, где пишет, что и та Строкина пустынь часто от набегов поляков и литовцев терпела нещастия. А именно в 1552-м году приходившие на город Каргополь войною поляки и литовцы в том монастыре ис братии иных мучили, а других посекли, казну монастырскую всю разграбили, хлеб в монастыре и по деревням стравили, скот весь с собою вывели и монастырь сожгли. И таковое ж нашествие случилось от тех же поляков 1613-го года. И еще в 1619-м году приходившие набегом на город Каргополь черкасы в том Спаском монастыре пожгли игуменскую и братские келии. Да и в книге чудес преподобнаго отца Кирилла о изгибшем коне сего монастыря в 1622 году видно, что и соседняя сей пустыне Лядинская Покровская церковь была // (л. 9 об.) сожжена литовцами до сего года за несколько времени. При том же и списки, данныя на Москве с царских граммот настоятелям сего монастыря, которые ныне отысканы у разных лиц, доказывают, что наносимы были обиды сему монастырю окрестными жителями и продчими. Как прописывает в челобитной своей сего монастыря строитель Варлаам царю Михаилу Феодоровичу 1645 года июля 24-го дня, что при пустоши деревни Неклюдовской, принадлежащей сему монастырю, сожгли двор воры, казаки и продчее.

Посему надобно полагать, что многократно страдала и сия пустынь от разных раззорений. А такъже и строитель сего монастыря иеромонах Макарий в своей челобитной к царю и великому князю Феодору Алексиевичу 1682-го года 8-го дня февраля месяца прописывает, что жалованная грамота от царя Ивана Васильевича в раззоренье сей пустыни в пожаре згорела, а на место оной даваны были поновительные грамоты и списки на Москве, с которых при окончанию сего поместятся в точности копии с найденных ныне списков для памятника, где и видно, что оные были действительно многократно поновляемы и перемениваны

на место сгоревшей той граммоты царя Иоанна // (л. 10) Васильевича Храбраго *(sic!)* последующими за ним царями, доходя и до царей Иоанна и Петра Алексеевичей.

Еще же свидетельствует на Следовательной Псалтире при сей пустыне и подпись сего монастыря строителя иеродиакона Филофея, бывшаго учеником у св[ятейшаго] Никона патриарха, которая здесь в точности вся помещается, для того чтобы не упустить вовсе из виду древности здешней, ибо лист тот обветшал на краю книги. Пишет он Филофей: «Лета 7167-го (1659) положил сию книгу Псалтирь в дом святаго Богоявления Господня в Челменской монастырь иеродиакон Филофей по брате своем иеромонахе Сергию и по своей душе в вечное поминание, ученики святейшаго Никона патриарха. Аз Филофей был в сей пустыне строитель, а всего житья дватцать лет, а 15-ть лет наездом. При моем недостоинстве церкви построены и св[ятыя] иконы живописныя, и св[ятыя] книги, и ризы. И, по нас живущие, помяните нас убогих! При нас поля распаханы и пожни разчищены…» А что дальше было писано, того под заклейкою листа бумагой и по ветхости разсмотреть нельзя. Да по той же книге в размет на листах собственноручная // (л. 10 об.) подпись и св[ятейшаго] патриарха Никона, вся цела, кроме одного заклеенного листа: «…оная св[ятейшим] Никоном патриархом положена была в Новой общежительный Иерусалим[31] в церковь с заклятием 1659-го (7167) года» А как сюда она досталась, того неизвестно. Полагать надобно, что за скудостию книг в сей пустыне не передана ли святейшаго патриархом Никоном здешнему строителю Филофею или Сергию, брату его, здесь же бывшему иеромонахом?

Более же достопримечательнаго из вещей здесь особеннаго не видится, кроме писчей книги Жития и чудес пре[подобнаго] отца Кирилла и службы ему писчей на 8-е число декабря месяца, в день его памяти, при конце коей написано о небрежении многих древних прежде бывших, не изволивших писати Жития и чудес пре[подобнаго] о[тца] Кирилла. Но токмо мало вькратце изъявлено древняго, а последи ни большие, ни меньшие монаси. Большие убо не изволиша, но понеже временни быша, зато и сами св[ятыя] обители и места лишени быша, кои где по случаю и умре. А меньшие не разумеша. Аще ли же кто богоподвижный рачитель восхощет уведати, како пре[подобный] о[тец] Кирилл подвизался, да увесть якоже есть писано в книге, идеже служба и преславная чудеса его в похвалу пре[подобнаго] положена. // (л. 11) Кроме сих естли что буде и было, то удобно при раззорениях и пожарах истреблено быть могло, а иное разсхищено разными лицами при выбытию монашества.

По наружности же ныне только видно древняго с восточной стороны горы сей находящаяся осыпная яма, обросшая муравой, над которой выросла сосна. Сия яма считается пещерою, ископанной самим пре[подобным] о[тцом] Кириллом, о коей пишется и в Житии его. На исправление сей пещеры дано и позволение преосвященнейшим Игнатием Олонецким. А притом и о месте келии пре[подобнаго] пишется в Житии, что была она с северной стороны часовни, в коей положено было и честное тело его. То место ныне значится зарозсшим черемховым кустом древним, где преподобный жил пятдесят два года и многие чудеса сотворил. От сего места келии прямо на юг к озеру, под крутизной горы Чолмы, имеется пропасть, окруженная многими мелкими таковыми же курганами, обросшая вокруг трестой травы, которая и поныне называется Кириллова треста. О сей ведется устное предание старожилов, согласное записанным в Житии преподоб[наго] чудом, // (л. 11 об.) что некогда нощию вооружился на святаго князь бесовский со своим полчищем бесов и, оцепив келию блаженнаго ужищами, повлек к езеру, хотя его утопити, и, тем устрашая, хотяше его согнати отъсюду. Но пре[подобный] силою Божией дивно поразил его в бездну в том самом месте, где и ныне существует пропасть чрез пятьсот годов, не подходимая даже и скотам, покрывшаяся водой с грязью.

Монастырскаго же строения древняго ныне никакаго не видно. В летнее же время значится только затопь по развалине оградной вокруг горы, где она существовала, и место возвышено, где была над вратами монастырскими церковь св[ятой] великомученицы Екатерины, въблизи ныне ветхаго священническаго дома прямо дверей каменной церкви.

А из описания Спасо-Преображенскаго монастыря видно, что сей монастырь находился приписным к оному, но с котораго времени и долго ли, того не видно[32]. И монашество отъсюда куда выведено, или как уничтожилось, и по какой причине, того никто из старожилов не припомнит. Только есть еще один старой человек, которой помнит, что в детстве своем был извощиком при том случае, когда ис сей пустыни везли в Спасо-Каргопольский монастырь // (л. 12) большой колокол. Посему можно полагать, что и все продчее для охранения от расхитителей отъсюда обрано в тот монастырь, а другие в небытность начальства здесь разхищено разными лицами. Да и штаты утверждены 1764-го года октября в 4-й день. Посему не тогда ли и монашество здесь уничтоже вовсе?

По выбытию монашества пустынь сия осталась в бедном положении. И св[ятыя] церкви были без священника несколько времени, в небытность коих в сей пустыне, как припомнят старые люди, управлял здесь крестьянин, по прозванию его Чортов, но почему он владел, того не помнят. А 1765 года, в котором году горел и город Каргополь, поступил сюда из Устьмоши дьячком Алексий Иванов Столбихин и жил до 1808 года, котораго род и по сие время существует, ибо преемственно внук его Михайло находится и поныне дьячком при сей пустыне.

После монашества положено быть священнику и двум причетникам, где и был первой священник Иоанн, по прозванию Козел, здесь недолгое время и выбыл в Ошевенский приход. А по некотором времени занял здесь место его священник того же имени Иоанн, но и тот чрез короткое время выбыл в Речный приход священником же. В сие время управляла // (л. 12 об.) вольность сильных людей, а наиболее Столбихиных, ибо место священническое было праздным до тридцати лет, пустынь и св[ятыя] церкви доведены были до самаго упадка. Оставшеюся монастырской мельницей на устье Челмы-реки у Лекшмозера владели священники и Столбихины, а равно и продчими всеми принадлежащему сему монастырю прежде выгодами, коих было по спискам с царских грамот во все стороны от монастыря сего на три версты семисотных по старинному счислению.

А такъже несколько времени сенными покосами владели здесь самовольно и лядинцы, но по времени с мельницы, огнившей уже, обрано все в Преображенский монастырь. Земля и все выгоды вокруг монастыря бывшие обраны в казну и состоят на оброке. И озеро Челменское отдано Каргопольскому Успенскому монастырю[33] во владение. Оставлено было при сей пустыне земли пахомой сенокосной и лесопоросшей по последней ревизии 59-ть десятин 181 сажень, и отхожей пасцовой земли 7 десятин 1724 сажен, о которой видно из отношения г[осподина] каргопольскаго исправника Симонтовскаго и уезднаго суда в 1844 году. Но по формулярам значится здесь до тридцати десятин пахомой земли и сенокосной // (л. 13) по одной стороне речьки Челмы у церкви, коею владеют священнослужители. О отхожей же неизвестно, где оная лежит, и на сию землю планов не имеется. Земля имеет почву и подпочву пещанную, посему нередко и посеянный хлеб повреждается, а в особенности яровый.

В 1807-м году ноября 10-го дня поступил сюда во священника от каргопольской Троицкой церкви дьячек Иван Никитин, которой для церкви на первой случай покупал уже и свечи на свой щот. А находился он здесь священником до 1836-го года, и апреля 28 дня здесь скончался. В сие время при сей пустыне начало возобновлятся постепенно от усердствующих людей, а особенно каргопольский купец Михайло Николаевич Лыткин доставил памятник построением каменной Богоявленской церкви с ризными по оной устройствами.

Ныне же, с 1840-го года, находится священник Феодор Гурьев и два причетника. Пропитание имеют здесь собственными трудами от землепашества // (л. 13 об.) труднаго. В пособие им положено от усердия 1838-го года Палеостровским игуменом Иоасафом[34] с 1000 р[ублей] асигнаци[ями] из ламбарта получать проценты одиннацать рублей сорок три копейки сер[ебром] в год вечно. Доходов на всех свящ[еннослужите]лей от служащих молебны пр[еподобному] о[тцу] Кириллу получается от семи до восьми руб[лей] сереб[ром][35]. Более же никаких выгод ныне нет к содержанию, посему и имеют свящ[еннослужи]тели сей пустыни состояние очень бедное. Приходских же душ и крестьян при сей пустыни ни одной не имеется по 1844-й год. А 1845-го года августа 20-го числа по указу Свят[ейшаго] Правительствующаго Синода пустынь сия со всем ея имуществом и принадлежностями приписана к Александро-Ошевенскому каргопольскому монастырю. Священносл[ужите]лям же велено приискивать в продолжении года вне оной принадлежащие себе места.

И с сей настоящий список беловой отдан и со столбцами древними архиманд//(л. 14)риту Анастасию[36] Ошевенскому, кои были съписаны, и у черновой здесь. Но в 1850-м году оная черновая из Валдиевскаго погоста уже мною послана в губернскую Олонецкую редакцию[37] вместе и с копиями грамот царских при донесении за № 3-м от 30-го числа марта *<1 слово нрзб.>*. 7-м копий въпреди у черновой записаны здесь.

Находился я нашего Каргопольскаго уезда в Челмогорской пустыне с 24-го ноября 1840-го года по 1844-й год, где проживая при случаях собирал разныя той пустыни древности и записывал оныя. Между коими дошли до рук и копии с царских граммот, писанные на древних столбцах бумажных, принадлежно даванныя сей пустыне, которые со всем имуществом той пустыни, и описанием сим въбеле зданы каргопольскаго Ошевенскаго монастыря архимандриту Анастасию при выходе моем из оной в сей приход 1845-го года в марте месяце. А оным объявлено или нет // (л. 14 об.) о том начальству, мне неизвестно.

А как ныне разбирал я свою архиву, где попались в руки черновая и точно во всем справедливая по прописанным в оной доказательствам на месте пустыни, и из слова в слово списанныя копии с граммот при оной же, каковую ныне осмеливаюсь губер[н]ской редакции при сем почтеннейши представить с нижайшим моим почтением. Не благоугодно ли будет оной возреть на маленькой мой труд истиннаго описания места и древностей, где проживал, а ныне под спудом плотию почивает чрез пять столетий тому назад, но многим и поныне еще неизвестный, первый просветитель места того и грубаго жившаго тут народа сей святый преподобный о[тец] Кирилл, Челмогорский чудотв[орец], которой и ныне нередко усердствующим по благодати Божией являет чудеса.

Писал священник Феодор Гурьев, прибыл де из Челмогорской пустыни в Валдиево 1845-го года.

ДОПОЛНЕНИЯ ИЗ ЧЕРНОВОГО СПИСКА[38]

// (л. 74) Евангелий три: одно аплекованное, второе с древними серебренными евангелистами, третие без евангелистов в бархате.

Крестов три: один древней сребренный, строен иеромонахом Сергием, ветхой; второй медной в аплеке с финивтами; третий медной небольшой; 4 – деревянный.

Сосуды сребренные, внутри золоченые – одни; 2 дарохранительницы большие, в аплеке, медные.

На раке преподобнаго образ, в рост его, с подписью лет преподобному.

Ризница порядочьная, в коей есть двои ризы древние, холщевые, с долгою фелонью.

Книги церковнаго круга служебные только имеются, и те жертвованныя в разныя времена и разными лицами с подписом к сей пустыне. А поучительных кроме одного воскреснаго поучения не имеется, а такъже нотных, // (л. 74 об.) толковаго Евангелия, четь-миней и прологов не имеется же. Из старых есть и ветхие.

Колоколов четыре, большой – четыре пуда.

***

// (л. 79 об.) Выгоды же к сему монастырю были жалованы в давние времена великим князем Иоанном Васильевичем, но котораго года и за что – того не видно[39]. А сие видно из отысканных списков с челобитных и царских граммот, кои писаны на столбцах и хранятся ныне памятником при сей пустыне. А из оных краткое здесь содержание помещается.

Наказ и списки с граммот:

1) 7107 (1599) лета майя 20 дня от царя Бориса Федоровича наказ с московским (чина же разобрать неможно его) Бахтеаром Кошуровым (ниже: «Шокуров». – *А. П.*), по челобитью сего монастыря // (л. 80) чернаго попа старца Евстафья з братьей о обиде на лединцов и лекшмозерцов, кои де били челом 7040 года великому князю Ивану Васильевичу, Сенька Михайлов с товарищи, на священников Алексия Черемисинова да на Ивана Граворонова в насиль-

стве, т. е. выгод коим велено отказать и бить батоги гораздо за ложное челобитье, пеня доправить черному попу старцу Евстафью по государеву указу, а озерком Челменским и речьками Челмою и Лядиною, пашнями, сенными покосы и рыбными ловлями, и всякими угодьи велено владеть во все стороны по три версты по-прежнему вовеки. У сей памяти Бахтеар Шокуров печать свою приложил, а память отдал для правды Челменского монастыря черному попу старцу Евстафью з братьей. И сей чиновник, как пишется, был с приставы здесь на месте.

2) Списки с граммоты даны на Москве от царя и великаго князя Михаила Феодоровича 7153 (1645) года июля 24 дня Челменской пустыни старцу Варламу с братьей. // (л. 80 об.) Велено владеть против данной им граммоты от государя царя и великаго князя Иоана Васильевича около Челменскаго монастыря озерком и речками, землею и сенными покосы, и рыбными ловлями, и всякими угодьи во все стороны на три версты.

3) Поновительная граммота государя царя и великаго князя Алексия Михайловича 7156 (1648) года марта 25 дня Челменскаго монастыря игумену Никите з братьей, или кто впредь в том монастыре игумен и братья будут, на свое его государево имя подписать против прежних граммот, и сей жалованной граммоты рудить у них не велел.

4) Поновительная граммота от государя царя Феодора Алексиевича 7190 (1682) года февраля 8-го дня Челменской Успенской пустыни строителю иеромонаху Макарию з братьей. Велено владеть по их челобитью к царю против прежних граммот царей всею монастырскою землею, пашнями, сенными покосы, и рыб//(л. 81)ными ловлями, и всякими угодьи по писцовым книгам, чем они владели наперед сего.

5) По граммоте государей царей Иоанна Алексиевича и Петра Алексиевича и Софии Алексиевны 7192 (1684) года майа 28 дня строителю иеродиакону Филофею з братьей велено давать на церковные потребы от великих государей жалованья по шти рублей по дватцати алтын на год. А впредь то иным и ружным монастырям не в пример, потому что того монастыря братье на церьковные потребы и напредь сего давано. У сей граммоты имеется и печать чернаго воска, но по ветхости ея заклеена внутри.

6) Граммота дана от тех же царей строителю тому же Филофею по челобитью, которой прописывал в оной челобитной царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, что зачался де тот монастырь из давных лет, с крещения Каргопольскаго уезда жителей // (л. 81 об.) в православную веру. И он же Филофей пишет, что в прошлых годах были присланы в сей монастырь великаго князя Ивана Васильевича Храбраго *(sic!)* всея Русии великая княгиня София[V] со снохою своею Еленой Васильевной, которые опять обращены к Москве, а в то де время игумен и вся братья высланы были вон. А прежде тех великих княгинь в сей же монастырь прислана была от князя Димитрия Шемяки великаго князя Василья Васильевича Темного мать великая княгиня София Витов[тов]на[VI]. А взята ли она обратно или тут скончалась, того неизвестно[40]. Сия граммота 1833 года лекшмозерским о[тцом] благочинным Димитрием Малининым представлена преосвященнейшему Игнатию Олонецкому и Петрозаводскому. // (л. 82)

7) Граммота 7188 (1680) года февраля 28-го жалованная преосвященнаго Корнилия, митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук, коею велено освободить с сей пустыни церковная дань, состоящая в шестнатцати алтынах четырех деньгах, а имать только дани восми алтын две деньги, за скудость монастырскую, и десятиленичих доходов и дьячих пошлин по тому же не имать.

[I] Пострижен 1306-го года.

[II] Подпись образа пр[еподобнаго] на раке: «В лето 6824 (а от Р[ождества] Х[ристова] 1316-е) пр[еподобный] отец наш Кирилл, отъкуда и каковых родителей – того неизвестно, пострижен в Великом Новеграде во обители пр[еподобнаго] Антония Римлянина. И пожив в той обители 6 лет, и 3 года во иных монастырях странствуя, и отътуду прииде в Каргопольские пределы, и вселися на место, глаголемое Челма-гора, между Лекшмо-езером, и Челмо-езером. И на той горе поживе 52 года, созда церковь во имя Богоявления Господня и монастырь устроив, братию собра. И поживе вся своя лета в великом воздержании, и трудех, и молитвах, преставися к Богу в лето 6876-е (а от Р[ождества] Х[ристова] 1368-е) декабря 8-го дня. Погребен бысть честно на той же Челме-горе игуменом Иосифом».

[III] Каргопольской Преображенской пустыни близ церкви св[ятаго] Богоявления Господня на северной стране. Поживе всех лет восемьдесят два года и три месяца.

[IV] Летописи на ветхих книгах церковных и попавшиеся мне в руки от частных лиц древние списки на столбцах с царских граммот, данныя строителям сей пустыни по временам, и некоторые старожилы, припомнившие время еще по выбытии монашества ис сей пустыни.

[V] 2-я жена сия княгиня София Фомична, дочь Фомы Палеолога, брата греческаго императора Константина XI.

[VI] Дочь литовскаго князя Витовта.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности (проект «Создание и развитие деятельности НОЦ по изучению и использованию историко-культурного наследия Европейского Севера»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Житие не имеет научного издания с учетом всех его списков. См. публикацию Жития по одному списку (Житие преподобного Кирилла, игумена Челмогорского, Каргопольского чудотворца / Публикация, подготовка текста и примечания А. Б. Мороза // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М., 1998. № 3. С. 200–236).

[2] В 1896 году под редакцией И. Токмакова было опубликовано еще одно описание Челмогорского монастыря, но оно целиком основано на работе Докучаева-Баскова и новых материалов не содержит (см. [7]).

[3] Краткие биографические сведения о Гурьеве и его семье извлекаются из архивного документа (Ревизская сказка о священно-церковно-служителях Каргопольского уезда Олонецкой епархии, 1834 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4 (Олонецкая губернская казенная палата г. Петрозаводска). Оп. 18. Д. 55/533. Л. 129 об.–130) и из его сочинений. В XIX веке в Каргопольском уезде служил также полный тезка Ф. И. Гурьева – священник Троицкого прихода Троицкой волости, 1817 года рождения, запрещенный к служению в 1850 году.

[4] Эти записки были опубликованы уже после смерти Гурьева (см. [15]).
[5] Житие Кирилла Челмогорского (в редакции Ф. И. Гурьева, 1840-е гг.) // Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва). Собрание Е. В. Барсова. № 795. Л. 23–67.
[6] Именно в этой, «гурьевской», редакции Житие и было известно Докучаеву-Баскову.
[7] «Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва). Собрание Е. В. Барсова. № 795. Л. 68–84 об.
[8] «Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва). Ф. 450 (собрание Е. В. Барсова). № 702. 14 л.
[9] Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. С. 269.
[10] Не исключено, впрочем, что Е. В. Барсов имел в виду Софию Палеолог, то есть спутал Ивана III с Иваном IV. Устное предание о заточении жены Ивана Грозного в Челмогорском монастыре до сих пор бытует в Каргополье, хотя его источником могла быть краеведческая литература (см. [9; 178]).
[11] Биографические сведения о Филофее и Сергии более подробно изложены Докучаевым-Басковым (см.: [5; 236–239]).
[12] Публикуется по рукописи: «Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва). Ф. 450 (собрание Е. В. Барсова). № 702. 14 л.
[13] Спасо-Преображенский монастырь (Строкина Вассианова пустынь) находился на противоположном от Каргополя берегу реки Онеги. Монастырь был основан старцем Вассианом Строкинским предположительно во второй половине XV – начале XVI века. Гурьев имеет в виду описание монастыря в: [1; 344–354].
[14] Святой преподобный Корнилий Комельский (ок. 1456–1538), постриженик Кирилло-Белозерского монастыря, пришедший в комельские леса (на юге Вологодского края) в 1497 году и основавший здесь монастырь во имя Введения Пресвятой Богородицы.
[15] Святой преподобный, уроженец Ростовской земли (в миру – Никита), постриженик Московского Чудова монастыря, пустынножительствовал на реке Хозьюге в окрестностях Кожеозерского монастыря в Каргопольском уезде; скончался в 1639 году.
[16] Согласно Житию, Кирилл жил на Челме один, монахи стали поселяться в его келье уже после смерти святого.
[17] Имя игумена Иосифа упоминается в Синодике Спасо-Преображенского каргопольского монастыря XVIII века со ссылкой на подпись на раке св. Кирилла (Синодик Спасо-Преображенского каргопольского монастыря, XVIII в. // Каргопольский государственный историко-художественный музей. КП-12838. Л. 13). Однако подпись на раке (она приводится у Гурьева) имеет своим источником Житие Кирилла Челмогорского.
[18] В 1532 году еще был жив великий князь Василий Иванович (ум. 4 декабря 1533 года), отец Ивана Грозного. Вероятно, Гурьев допустил ошибку в дате (1542 год – ?), поскольку грамота Ивана Грозного в Челмогорский монастырь датируется 1544 годом (см. ниже).
[19] То есть снаружи.
[20] Иоанн, автор Жития Кирилла Челмогорского (точнее, одной из его частей – сказания о посмертных чудесах святого), не был монахом Челмогорского монастыря. В 1648 году он являлся дьячком Петропавловской церкви Лекшмозерской волости близ монастыря, а в 1652 году был рукоположен в священнический сан и направлен в Покровскую церковь в селе Лядины. Он был женат, имел детей. Иоанн являлся кроме того иконописцем, им была написана икона св. Кирилла (см. у Гурьева далее: «…образ пр[еподобнаго] Кирилла, седящим написанный Лядинскаго погоста священником Иоанном»).
[21] Митрополит Новгородский и Великолуцкий (8 марта 1635 – 7 января 1649).
[22] Эта грамота (без начала) опубликована Докучаевым-Басковым (см. [5; 233–234]). Труды Гурьева и Докучаева-Баскова позволяют, таким образом, восстановить полный текст этой грамоты.
[23] Скорее всего, это игумен Александро-Ошевенского монастыря Иосиф, управлявший обителью в 1613–1639 годах (см. [16; 995]).
[24] Игнатий (Семенов), первый архиепископ Олонецкий, на Олонецкой кафедре находился с 22 мая 1828 года по 17 октября 1842 года.
[25] Митрополит Новгородский и Великолуцкий (6 августа 1674 – 3 марта 1695).
[26] Серафим (Глаголевский), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (19 июня 1821 – 17 января 1843).
[27] Никольский Александро-Ошевенский монастырь был основан в середине XV века постриженником Кирилло-Белозерского монастыря Александром Ошевенским, находится на левом берегу реки Чурьеги в 42 верстах к северу от Каргополя. Иосиф являлся игуменом, а позднее архимандритом этого монастыря в 1820–1842 годах (см. [1; 996]).
[28] То есть «порезкою», резьбой, узором.
[29] В черновом списке слово «Вологодской» зачеркнуто, а сверху написано «Владимирской» («Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва). Собрание Е. В. Барсова. № 795. Л. 73 об.).
[30] Имеется в виду издание: Апостол. М.: Печатный двор, 1633. В черновом списке изложение здесь более подробное: «…на древних книгах сей пустыни, а имянно на св[ятом] Евангелии и на Апостоле подпись, что жертвованы они благотворителями в Челмогорскую Казанскую пустынь в дом Пресвятыя Богородицы Казанския и св[ятой] великомученицы Христовы Екатерины 7145 года» («Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва). Собрание Е. В. Барсова. № 795. Л. 74 об.). По сведениям Докучаева-Баскова, эти две книги хранились в пустыни «до 1873 или начала 1874 г., а в это время были самовольно проданы бывшим управляющим пустынью иеромонахом Мисаилом… известному здесь скупщику подобных вещей крестьянину Ошевенской волости Ушакову» [5; 234].
[31] Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, основанный патриархом Никоном в 1656 году под Москвой на берегу р. Истры.
[32] По сведениям Докучаева-Баскова, Челмогорский монастырь был приписан к Спасо-Преображенскому монастырю 20 апреля 1721 года, в июле 1727 года получил самостоятельность, а 28 марта 1748 года вновь был приписан к тому же монастырю и состоял приписным вплоть до упразднения в 1764 году [5; 255, 481].
[33] Успенский монастырь находился в южной части Каргополя, был основан св. Ионой (Иоанном) Власатым. О времени основания монастыря точных данных нет; вероятно, он возник во второй половине XVI века. Первоначально был мужским, в 1649 году преобразован в женский.
[34] Палеостровский Рождества Богородицы монастырь был основан на острове Палей (Вспалье) в Онежском озере св. Корнилием Палеостровским во второй половине XIV – начале XV века. Иоасаф являлся строителем, а затем игуменом Па-

леостровского монастыря в 1811–1840 годах (см. [16; 998]).

[35] В черновом списке имеется продолжение: «Сверх сего на Рождество Христово и Святую Пасху от соседних поселян хлебным подаянием, когда ходят со крестом, получают печенаго хлеба до 20 пу[дов] в оба праздника. И деревни имеются: за 4 версты от пустыни называемая Козариновская или Труфанова, где состоит всех 115 душ, кои и церковь снабдевают дровами и мытьем своего усердия в сей пустыни; а другая – Орлова за 6 верст, имеющая 200 душ. А притом наиболее от трудолюбия своего и рукоделий имеют пропитание».

[36] Архимандрит Александро-Ошевенского монастыря в 1846–1852 годах (см. [16; 996]).

[37] То есть в редакцию газеты «Олонецкие губернские ведомости».

[38] Публикуется по рукописи: «Историческое описание» Челмогорской пустыни (автор – Ф. И. Гурьев, 1840-е гг.) // Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва). Собрание Е. В. Барсова. № 795. Л. 68–84 об.

[39] Согласно грамоте 1684 года, сохранившейся в списке XVIII века (Царская грамота Челмогорскому монастырю 1684 г. в списке XVIII в. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Собрание Русского Археологического общества. № 56. Л. 18–19 об.), грамота Ивана Васильевича была дана Челмогорскому монастырю в 1544 году.

[40] София Витовтовна была захвачена в плен Дмитрием Шемякой во время его конфликта с Василием Темным (1440-е годы). Спасаясь от великого князя, Шемяка направился в Галич, оттуда на Чухлому и, взяв там Софию Витовтовну, бежал в Каргополь, однако через некоторое время ее отпустил (см.: Повесть об ослеплении Василия II // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 504–520).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. 892 с.
2. Барсов Е. В. Преподобные обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Новый Олонецкий патерик / Сост. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 341–394.
3. Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. 668 с.
4. Гурьев Ф. Предания о добыче серебряной руды в Каргопольском уезде в прошлом столетии // Олонецкие губернские ведомости. 1859. № 41. С. 198–199.
5. Докучаев-Басков К. А. История Челменской пустыни // Христианское чтение. 1889. № 9/10. С. 223–256, 477–512.
6. Докучаев-Басков К. А. Челменский пустынник, преподобный чудотворец Кирилл, и его пустынь // Христианское чтение. 1889. № 3/4. С. 469–510.
7. Историко-статистическое и археологическое описание Челмогорской мужской пустыни Каргопольского уезда Олонецкой губернии / Под ред. И. Токмакова. М., 1896. 72 с.
8. Калашникова Р. Б. Священники-бытописатели Олонецкой губернии середины XIX века (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. Вып. 8. С. 36–47.
9. Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. 616 с.
10. Мороз А. Б. Спор историка и художника (Литературная история Жития Кирилла Челмогорского) // Христианство и Север. М., 2002. С. 29–37.
11. Мороз А. Б. Святые Русского Севера: народная агиография. М.: ОГИ, 2009. 526 с.
12. Пашков А. М. Православно-церковное краеведение Карелии XIX – начала XX в. // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 97–106.
13. Пигин А. В. Заметки к статьям К. А. Докучаева-Баскова об истории Челмогорского монастыря // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 33–39.
14. Пигин А. В. Каргополь и Каргопольский уезд в конце XVIII века: по сведениям вновь найденной рукописи из собрания Археологического общества // Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности: Материалы XI Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2011. С. 105–128.
15. С-в И. Валдиево (сельский приход Каргопольского уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 46. С. 486–487; № 47. С. 498–499; № 48. С. 509–510.
16. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. 726 стб.

Pigin A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MATERIALS PERTAINING KIRILLO-CHELMOGORSKY MONASTERY'S HISTORY (the work of priest F. I. Gur'ev, XIX century)

A little-known work compiled by Kargopol clergyman F. I. Gur'ev in 1840–1850 is researched and published. It is dedicated to the history of Olonets Kirillo-Chelmogorsky monastery. Preserved in two manuscripts, the work will be instrumental in the research and study of the local clergy activities. The source contains a number of unknown facts from the history of the monastery and its parish, which was organized on its territory and functioned in the XVI–XIX centuries. The names of the abbots are listed, and valuable information on churches, icons, books, monastic charters, and the worship of St. Cyril of Chelmogora is provided.

Key words: monasteries of Obonezhje, priests knowledgeable about local history, hagiography

REFERENCES

1. Amvrosiy (Ornatskiy), archimandrite. *Istoriya Rossiyskoy ierarkhii* [The History of Russian Hierarchy]. Moscow, 1812. P. 4. 892 p.
2. Barsov E. V. Reverend Hermits of Lake Onega Land. Materials for the History of Lake Onega Land Colonization and Culture [Prepodobnye obonezhskie pustynnozhiteli. Materialy dlya istorii kolonizatsii i kul'tury Obonezhskogo kraya]. *Novyy Olonetskiy Paterik* [New Olonets Patericon]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013. P. 341–394.
3. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy P. M. Stroeva* [P. M. Stoev's Life and Works]. St. Petersburg, 1878. 668 p.
4. Gurjev F. Legends about Last Century Silver Ore Mining in Kargopol county [Predaniya o dobyche serebryanoy rudy

v Kargopol'skom uezde v proshlom stoletii]. *Olonetskie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Gazette]. 1859. № 41. P. 198–199.
5. D o k u c h a e v - B a s k o v K. A. The History of Chelmogora Hermitage [Istoriya Chelmenskoy Pustyni]. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 1889. № 9/10. P. 223–256, 477–512.
6. D o k u c h a e v - B a s k o v K. A. Chelmogora Hermit, Reverend Miracle Worker Cyril, and His Hermitage [Chelmenskiy pustynnik, prepodobnyy chudotvorets Kirill, i ego pustyn']. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading]. 1889. № 3/4. P. 469–510.
7. *Istoriko-statisticheskoe i arkheologicheskoe opisanie Chelmogorskoy muzhskoy pustyni Kargopol'skogo uezda Olonetskoy gubernii* [Historical, Statistical and Archeological Description of Chelmogora Male Hermitage in Kargopol County, Olonets Province]. Moscow, 1896. 72 p.
8. K a l a s h n i k o v a R. B. Priests-Chroniclers of Olonets Province in the Middle of XIX Century (A. Petropavlovsky, I. Ivanovsky, A. Georgievsky) [Svyashchenniki-bytopisateli Olonetskoy gubernii serediny XIX veka (A. Petropavlovskiy, I. Ivanovskiy, A. Georgievskiy)]. *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Herald]. Petrozavodsk, 2003. № 8. P. 36–47.
9. Kargopolje: Folklore Guide. Traditions, Legends, Stories, Songs and Sayings [*Kargopol'e: fol'klornyy putevoditel'. Predaniya, legendy, rasskazy, pesni i prislov'ya*]. Moscow, OGI Publ., 2009. 616 p.
10. M o r o z A. B. Dispute between a Historian and an Artist (A Literary History of the Life of St. Cyril of Chelmogora) [Spor istorika i khudozhnika (Literaturnaya istoriya Zhitiya Kirilla Chelmogorskogo]. *Khristianstvo i Sever* [Christianity and North]. Moscow, 2002. P. 29–37.
11. M o r o z A. B. *Svyatye Russkogo Severa: narodnaya agiografiya* [Saints of the Russian North: Folk Hagiography]. Moscow, OGI Publ., 2009. 526 p.
12. P a s h k o v A. M. Orthodox Church Local History of Karelia in XIX – the Beginning of XX Century [Pravoslavno-tserkovnoe kraevedenie Karelii XIX – nachala XX v.] *Pravoslavie v Karelii: Materialy respublikanskoy nauchnoy konferentsii* [Orthodoxy in Karelia: Rep Conf Proc]. Petrozavodsk, 2000. P. 97–106.
13. P i g i n A. V. Notes to K. A. Dokuchaev-Baskov's Articles about the History of Chelmogora Monastery [Zametki k stat'yam K. A. Dokuchaeva-Baskova ob istorii Chelmogorskogo monastyrya]. *Pravoslavie v Karelii: Materialy III regional'noy nauchnoy konferentsii* [Orthodoxy in Karelia: III Regional Conf Proc]. Petrozavodsk, 2008. P. 33–39.
14. P i g i n A. V. Kargopol' and Kargopol' County at the End of the XVIII Century: According to the Data Contained in the Newly Found Manuscript from the Collection of Archeological Society [Kargopol' i Kargopol'skiy uezd v kontse XVIII veka: po svedeniyam vnov' naydennoy rukopisi iz sobraniya Arkheologicheskogo obshchestva]. *Kul'tura Poonezh'ya X–XXI vekov: obshcherusskie cherty i regional'nye osobennosti. Materialy XI Kargopol'skoy nauchnoy conferentsii* [The Culture of Poonezhje in X–XXI Centuries: Common Russian Features and Regional Peculiarities. XI Kargopol Conf Proc]. Kargopol, 2011. P. 105–128.
15. S-v I. Valdievo (Rural Parish in Kargopol county) [Valdievo (sel'skiy prikhod Kargopol'skogo uezda]. *Olonetskie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Gazette].1892. № 46. P. 486–487; № 47. P. 498–499; № 48. P. 509–510.
16. S t r o e v P. M. *Spiski ierarkhov i nastoyateley monastyrey Rossiyskoy tserkvi* [Lists of Russian Church Bishops and Abbots]. St. Petersburg, 1877. 726 columns.

Поступила в редакцию 22.03.2013

Август, № 5 **История** **2013**

УДК 339.1(470)1

АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ РАЗДОРСКИЙ
кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии, Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
razdor@nlr.ru

КНИГИ ПЕТРОЗАВОДСКОЙ ТАМОЖНИ 1739 ГОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Представлены общие сведения о таможенных книгах XVII–XVIII веков, которые являются основными массовыми источниками по истории торговли, купечества и таможенного дела России этого периода. Приведен географический и количественный состав таможенных книг Карелии XVIII века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Эти документы, представляющие большой интерес для изучения социально-экономической истории Карелии, до сих пор не изучены, не опубликованы и не введены в научный оборот. Основное внимание в статье уделено трем таможенным книгам Петрозаводска 1739 года. Подробным образом проанализированы структура и содержание этих источников, приведено их археографическое описание, представлены фрагменты содержащихся в них отдельных таможенных статей. Отмечено, что эти документы позволяют проследить торговые связи Петрозаводска в сфере оптовой товарной торговли, выявить персональный и социальный состав торговцев, ассортимент, объемы и стоимость привозимых товаров, установить порядок таможенного обложения. Намечены перспективы изучения и публикации таможенных книг Петрозаводска и Карелии в целом.

Ключевые слова: экономическая история, региональная история, источниковедение, археография, таможенные книги, торговля, Карелия, Петрозаводск

Таможенные книги, составлявшиеся в местных таможнях, располагавшихся до таможенной реформы 1753 года по всей территории страны, являются ценным источником по социально-экономической истории России XVII – первой половины XVIII века (см.: [1], [2], [3], [4], [5], [6]). Составление товарных таможенных книг продолжалось до 1754–1755 годов. Однако в ряде городов книги, в которых фиксировались некоторые специальные виды таможенных сборов, в частности с конской торговли, продолжали вестись вплоть до начала 1770-х годов.

В рассматриваемых документах содержатся сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц, бытовавших на данной территории. Имеющиеся в таможенных книгах данные о социальном и персональном составе участников торговых операций придают этим памятникам значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий. Важно подчеркнуть, что таможенные книги включают материалы по истории торговли, купечества и таможенного дела не только того города, в таможне которого они были составлены, но и других населенных пунктов, поддерживавших с этим городом торговые связи.

Таможенные книги разных городов, обладая общими чертами, свойственными данной категории документов в целом, имеют вместе с тем индивидуальные специфические особенности, связанные с местными традициями ведения таможенного делопроизводства. Реформы таможенной системы не привели к унификации практики составления таможенных книг и выработке их общего формуляра. Поэтому таможенные книги, составленные иногда в соседних уездах, могут значительно отличаться между собой.

Подавляющее большинство таможенных книг хранятся в различных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Точный количественный состав таможенных книг XVII–XVIII веков до сих пор неизвестен. По европейской части России в РГАДА выявлено, например, 1242 книги XVIII века [8]. Можно предположить, что общее количество сохранившихся таможенных книг России XVII–XVIII веков приближается примерно к трем тысячам.

Таможенные книги XVII века изучены в целом несравненно лучше, чем аналогичные источники первой половины XVIII века. Кроме того, до самого последнего времени таможенные книги XVIII века не публиковались (в 2007 году нами опубликована таможенная книга Курска 1720 года). На то были свои причины. Одна из них – идеологического свойства – состоит в том, что долгое время внимание историков было приковано к XVII века, к которому В. И. Ленин отнес в свое время начало процесса складывания единого всероссийского рынка. Поиски признаков существования такого рынка в указанном столетии с целью доказательства правильно-

© Раздорский А. И., 2013

сти ленинского тезиса стимулировали активное изучение таможенных книг именно XVII века. Исследование же памятников XVIII века такой серьезной идеологической основы под собой не имело, а следовательно, считалось менее актуальным. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что основное внимание историков, обращавшихся к первой половине XVIII века, традиционно занимали социально-политические и военно-исторические сюжеты, связанные в первую очередь с Петровскими реформами, в силу чего вопросы развития торговли и экономики страны раз за разом оказывались на обочине историографии (см. [7; 5–10]).

В РГАДА сохранился уникальный комплекс таможенных книг Карелии XVIII века. Всего он насчитывает 36 документов, относящихся к 11 таможням (Андомская, Кижская, Олонецкая, Оштинская, Петрозаводская, Повенецкая, Пудожская, Святнаволоцкая Лопская, Толвуйская, Шальская, Шунская). Все карельские таможенные книги датированы 1739 года. Эти источники до сих пор не изучены, не опубликованы и не введены в научный оборот.

В настоящей статье рассматриваются три таможенные книги Петрозаводской таможни 1739 года. Эти документы, как и остальные таможенные книги карельских таможен, хранятся в 829-м фонде РГАДА («Таможни и кружечные дворы»).

Все три петрозаводские таможенные книги написаны одним почерком. Их формат – in folio. Снизу у переплетного края листов имеются четыре отверстия от шнура. На последних листах книг сохранились фрагменты печатей (Олонецкой воеводской канцелярии?) красного сургуча, скреплявших шнур. По листам книг имеются скрепы: на нижнем поле – бурмистра Захара Быкова («К сей книге бурмистр Захар Быков и вместо ларешного [вариант: ларечного] Прокопья Козьмина по его прошению руку приложил»), на правом поле – секретаря (воеводской канцелярии?) Демида Дьяконова («секретарь Демид Дьяконов»). В конце после текста таможенных статей имеются записи делопроизводственного характера: «Сия книга в ревизской канторе свидетельствована и для всяких справок послана в Олонецкую воевоцкую канцелярию обратно [вариант: по прежнему]. Секретарь Василий Попов» и «Подканцелярист Иван Домашнев». Под ними почерком XIX века сделаны записи архивариусов-канцеляристов: «Итого в сей книге номерованных двенадцать листовека. Верно: канцелярский служитель Василий Крючков» (варианты: «Стало в сей книге номерованных семь листовека. Верно: канцелярский служитель Крючков»; «Итого в сей книге номерованных пять листовека. Верно: канцелярский служитель Крючков»).

Рассматриваемые документы имеют бланковый формуляр (это один из признаков, отличающий большинство таможенных книг XVIII века от аналогичных источников XVII столетия). Листы разделены по вертикали на шесть столбцов разной ширины: 1) номер записи; 2) число месяца (название месяца указано в центре листа); 3) текст таможенной записи; 4) рубли; 5) копейки; 6) номер листа.

Первый документ – «Книга явочная российским товаром и в ней досмотров Петрозавоцкой таможни нынешнего 1739 году» (кн. № 1469) – насчитывает 14 листовека. Первый и последний листы пронумерованы римскими цифрами (I, II), остальные – арабскими (1–12). Заглавие приведено на л. I. Тексты таможенных статей имеются на л. 1–7; л. II, 8–12 – пустые (содержат только скрепу Д. Дьяконова).

Книга включает 18 статей о явках оптовых партий российских товаров (стоимостью свыше 1 руб.), зарегистрированных в Петрозаводской таможне. Отдельные таможенные статьи имеют, например, такой вид: «27 [декабря] явил каргополец купецкой человек Федор Семиголов по каргопольской таможенной отпускной выписи одну половинку сукна карнового, тритцать аршин сукон аглецких, два пуда краски брусковой, сто полиц железа белого да привозного по макарьевской зачетной выписи три пуда воску. К сей явке вместо Федора Семиголова и по его прошению каргополец Алексей Белоусов руку приложыл. Для досмотру послан целовальник Кирила Нестеров и по досмотру явилось сходно. Вместо целовальника Кирилы Нестерова по его прошению Петр Козлов [в ркп.: Кокозлов] руку приложил. С вышеписанного товару пошлинное взятье в торговой книге значит на листе 5 и 6». Рукоприкладства в книге подлинные. 4-й, 5-й и 6-й столбцы бланка в данной книге оставлены незаполненными, поскольку суммы собранных таможенных пошлин в ней не фиксировались.

Второй документ – «Книга записная из явки российских товаров торгам и росценки и взятье пошлин Петрозавоцкой таможни збору бурмистра Захара Быкова нынешнего 1739 году» (кн. № 1470) – насчитывает 8 листовека. На первом листе, пронумерованном римской цифрой I, приведено заглавие. Тексты таможенных статей имеются на л. 1–7 (листы пронумерованы арабскими цифрами).

В этой книге зафиксирован сбор таможенных пошлин с продажи товаров, зарегистрированных в первой («явочной») книге. Оба документа связаны между собой перекрестными ссылками. Статья в «торговой» книге, к которой содержится отсылка в приведенной выше статье «явочной» книги, выглядит так: «№ 10. По явке книге декабря [27] дня на листу 7 с каргопольца купетцкого человека Федора Семиголова у продажи ево при Петровских заводах петрозавоцкому жителю Ивану Колыпанину краски брусковой один пуд, тритцать фунтов ценою по тритцати

по семи рублев пуд, да в разне три пуда воску ценою по пяти рублев по пятидесяти по пяти копеек пуд, сукон аглинтцких десять аршин ценою по осмидесяти по шти копеек аршин, итого по цене на девяносто рублевека. Пошлин с продавца по пяти копеек с рубля четыре рубли пятьдесят копеек, вещих перекупных с осмидесяти с одного рубля сорока копеек по три четверти копейки с рубля шестьдесят одна с четвертиною копейки, канцелярских с весу по деньги с пуда две с половиною копейки, накладные пятьдесят одна с четвертиною копейки, нужнейших две и три четверти копейки, итого пять рублев шестьдесят семь и три четверти копейки». Всего в «торговой» книге 12 статей. Суммы пошлин, приведенные в тексте таможенных статей, повторены также арабскими цифрами в столбцах «рубли» и «копейки».

Третий документ – «Книга записная конских и пошерстных пошлин Петрозавоцкой таможни збору бурмистра Захара Быкова с товарыщи 1739 году и при том же мелочного ящичного збору вышеявленного году» (кн. № 1470) – насчитывает 7 листовека. Первый и последний листы пронумерованы римскими цифрами (I, II), остальные – арабскими (1–5). Заглавие приведено на л. I. Тексты таможенных статей имеются на л. 1–5 об.

Книга состоит из двух разделовека. В первом разделе (л. 1–2 об.) отражены торговые операции по купле-продаже лошадей. Отдельные статьи этого раздела имеют следующий вид: «Каргопольского уезду Кенорецкой волости житель Алексей Кондратьев продал коня шерстию вороного четырех лет, грива на обе стороны, во лбу лысина, в задней ноги в правой половина копыта белого, Новгороцкого уезду Ярославского погоста Ивана Скобельцына крестьянину Савы Михайлову, цены взял семь рублев, пошлин с продавца по пяти копеек с рубля, трицать пять копеек, на купце пошерстных четыре копейки, накладных четыре копейки, нужнейших четверть копейки, итого сорок три с четвертиною копейки». В течение года на петрозаводской конской площадке было продано семь лошадей на общую сумму 40 руб. 70 коп. (стоимость одной лошади колебалась от 1 руб. 20 коп. до 13 руб.).

Во втором разделе (л. 3–5) зафиксирован сбор пошлин с мелочного торга. Розничные торговые операции, размер которых не превышал 1 руб., в таможенных книгах не фиксировались. Деньги с торгующих на рыночных площадях взимали «в ящик» без записи особые «ходячие» целовальники. Вся информация о розничной торговле в таможенных книгах ограничивается, как правило, лишь обобщенными помесячными данными о сумме собранных пошлин. Не является исключением и петрозаводская книга. Отдельные статьи выглядят в ней, например, так: «В генваре месяце собрано мелочного ящичного збору при Петровских заводах у разных приезъжих и туточных обывателей таможенных пятикопеещных с рублевого числа пошлин с разных продаж с хлеба, с рыбы, и с мяса, и с протчего один рубль двацать копеек, накладных двенацать копеек, нужнейших половина копейки, итого один рубль трицать две с половиною копейки». На основании приведенной записи можно установить, что в течение января на петрозаводском базаре было продано товаров на общую сумму 24 руб. (1 руб. 20 коп. составляют 5 % от данной суммы).

Несмотря на небольшой объем, петрозаводские таможенные книги 1739 года являются ценным источником по социально-экономической истории Петрозаводска и отчасти всей Карелии второй четверти XVIII века. В этих документах получила отражение торговая жизнь Петрозаводской слободы после того, как в 1734 году основное производство на Петровских заводах было свернуто и развитие данного населенного пункта вступило в период стагнации.

«Явочная» и «торговая» книги позволяют проследить торговые связи Петрозаводской слободы в сфере оптовой товарной торговли, выявить персональный и социальный состав торговцев, ассортимент, объемы и стоимость привозимых товаров, установить порядок таможенного обложения. Сравнение данных «явочной» и «торговой» книг дает возможность определить баланс товарных масс, привезенных на продажу и фактически реализованных. «Конская» книга содержит сведения о количестве проданных лошадей, ценах на них, оборотах конской торговли и персональном составе ее участниковека. На основании «книги мелочного торга» можно рассчитать ежемесячные и годовой обороты розничной торговли и сезонные колебания в ее деятельности.

Весьма перспективной задачей представляется сравнительное изучение и публикация всего комплекса таможенных книг Карелии 1739 года, имеющихся в РГАДА (в том числе и петрозаводских). Это позволит, в частности, определить место Петрозаводской слободы в системе торговых связей данного региона, а также оценить масштабы происходивших в ней торговых операций относительно других населенных пунктов Карелии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилевич К. В. Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1933. Сб. 1. С. 110–129.
2. Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Сб. 2. С. 71–90.
3. Кафенгауз Б. Б. Таможенные книги XVIII века // Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Наука, 1958. С. 127–137.

4. К о т к о в С. И. Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // Русское и славянское языкознание: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 1972. С. 135–143.
5. М а л ы ш е в а И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск: Изд-во Хабаровского пед. ун-та, 1997. 182 с.
6. М е р з о н А. Ц. Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М.: Московский гос. историко-архивный ин-т, 1957. 68 с.
7. Р а з д о р с к и й А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 623 с.
8. Р а з д о р с к и й А. И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // Археографический ежегодник за 2005 год. М.: Наука, 2007. С. 394–462.

Razdorskiy A. I., Russian National Library (St. Petersburg, Russian Federation)

PETROZAVODSK CUSTOMS BOOKS OF 1739 AS HISTORICAL SOURCES

General information on customs books dating back to the XVII–XVIII centuries is presented. Customs books of the above-mentioned period are viewed as a main mass source on the history of trade, merchantry, and customs affairs of Russia during this period. The geographical and quantitative structure of Karelian customs books of the XVIII century is presented. The ancient acts are stored in the Russian State Archive of Ancient Acts in Moscow. These documents constituting a great interest for the research of social and economic history of Karelia are under-explored. They have not been introduced into the scientific circulation. The article focuses on three customs books of Petrozavodsk issued in 1739. The structure and maintenance of these sources are analyzed in details; their archeographic description is provided; fragments of separate customs articles contained in them are presented. It is noted that these documents help to track commercial relations of Petrozavodsk in the sphere of wholesale commodity trade, to reveal personal and social background of dealers, assortment, volumes, and cost of delivered goods, as well as to establish the order of customs taxation. It is planned to study and publish customs books of Petrozavodsk and Karelia.

Key words: economic history, regional history, sources study, archaeography, customs books, trade, Karelia, Petrozavodsk

REFERENCES

1. B a z i l e v i c h K. V. Customs books as source of economic history of Russia [Tamozhennye knigi kak istochnik ekonomicheskoy istorii Rossii]. *Problemy istochnikovedeniya*. Moscow; Leningrad, Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1933. F. 1. P. 110–129.
2. B a z i l e v i c h K. V. To the question of studying XVII century customs books (The problem of internal criticism of a source) [K voprosu ob izuchenii tamozhennykh knig XVII v. (Problema vnutrenney kritiki istochnika)]. *Problemy istochnikovedeniya*. Moscow; Leningrad, Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1936. F. 2. P. 71–90.
3. K a f e n g a u z B. B. XVIII century customs books [Tamozhennye knigi XVIII veka]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1957 god*. Moscow, Nauka Publ., 1958. P. 127–137.
4. K o t k o v S. I. Customs books of Cameras boards – sources on Russian language history [Tamozhennye knigi Kamer-kollegii – istochniki po istorii russkogo yazyka]. *Russkoe i slavyanskoe yazykoznanie: K 70 letiyu chl.-kor. AN SSSR R. I. Avanesova*. Moscow, Nauka Publ., 1972. P. 135–143.
5. M a l y s h e v a I. A. *Pamyatniki delovoy pis'mennosti XVIII veka kak ob"ekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya* [Antiquities of the XVIII century business writing as an object of linguistic source study]. Khabarovsk, Publishing house of the Khabarovsk Pedagogical University, 1997. 182 p.
6. M e r z o n A. Ts. *Tamozhennye knigi XVII veka* [Customs books of the XVII century]. Moscow, Moscow State Historical and Archival Institute, 1957. 68 p.
7. R a z d o r s k i y A. I. *Kniga tamozhennogo i piteynogo sbora Kurska i Kurskogo uezda 1720 g.: Issledovanie. Tekst. Kommentarii* [Book of customs and drinkable duty of Kursk and Kursk district of 1720: Research. Text. Comments]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. 623 p.
8. R a z d o r s k i y A. I. Customs books of XVIII century on European Russia in RGADA funds (the quantitative, chronological and geographical characteristic) [Tamozhennye knigi Evropeyskoy Rossii XVIII v. v fondakh RGADA (kolichestvennaya, hronologicheskaya i geograficheskaya kharakteristika)]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2005 god*. Moscow, Nauka Publ., 2007. P. 394–462.

Поступила в редакцию 19.11.2012

Август, № 5 **История** **2013**

УДК 630.26

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СПИРИДОНОВ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aspir211@gmail.com

КОЛОНИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ ПРИ УСТЬЕ ШУИ ПОД ПЕТРОЗАВОДСКОМ*

В статье, посвященной памяти Глеба Сергеевича Лебедева (1943–2003), анализируются предметы вооружения и украшения эпохи викингов из грабительских раскопок могильника близ Петрозаводска. Коллекция (комплекс, не связанный с конкретными погребениями) включает 25 предметов. Хронология находок определена в рамках X – начала XI века (в целом, во всяком случае, до 1050 года). Большая часть предметов имеет широкий общебалтийский круг аналогий эпохи викингов (с акцентом на Юго-Западную Финляндию и Среднюю Швецию). При этом в Восточной Европе аналогии концентрируются в курганах Юго-Восточного Приладожья. Некоторые находки выстраиваются в географически логичные цепочки по маршруту: р. Паша – р. Свирь – Онежское озеро. Автор приходит в выводу о финско-скандинавском характере могильника, других находок в пос. Шуе и соотносит их с деятельностью кюльфингов/колбягов древнесеверных источников.

Ключевые слова: Прионежье, эпоха викингов, колонизация, колбяги

В конце 2010 года нам стало известно о находках поисковиками на северной окраине пос. Шуя серии раннесредневековых бронзовых украшений и предметов вооружения. Несмотря на то что предметы были обнаружены при обследовании территории с помощью металлоискателей, что вполне попадает в разряд «черной археологии», исходя из редкости и важности вещей было принято решение пойти на контакт с находчиками. В результате удалось на время получить предметы для фотографирования и зарисовки (на предложения передать коллекцию в музей последовали отказы), а после выезда на место путем опроса трех информаторов – достаточно точно локализовать место обнаружения артефактов (рис. 1). Находки «черных копателей» не стали полной неожиданностью. В 1997 году в пос. Шуе, в 3,5 км ниже по течению реки, при случайных обстоятельствах был найден меч эпохи викингов (рис. 2:1), в 2000-х годах археологическими экспедициями ПетрГУ в нижнем течении р. Шуи было исследовано поселение древнерусского времени, выявлен ряд других пунктов с керамикой и иными вещами рубежа I–II тыс. н. э. [9; 62–64], [41]. Геологи КарНЦ РАН выявили на оз. Логмозере следы земледельческой практики, начавшейся в 800–900-е годы [18]. Вспомнилась находка еще в 1849 году монетного клада X (?) века в устье р. Неглинки в Петрозаводске [25; 29, № 158].

В 2011 году был снят инструментальный план участка и примерно в центре его заложена разведочная траншея площадью 20 м^2, в которой обнаружены сожженные кости, несколько металлических предметов, черепки лепной керамики, на материке выявлена канавка, предположительно определенная как сегмент ровика снесенной

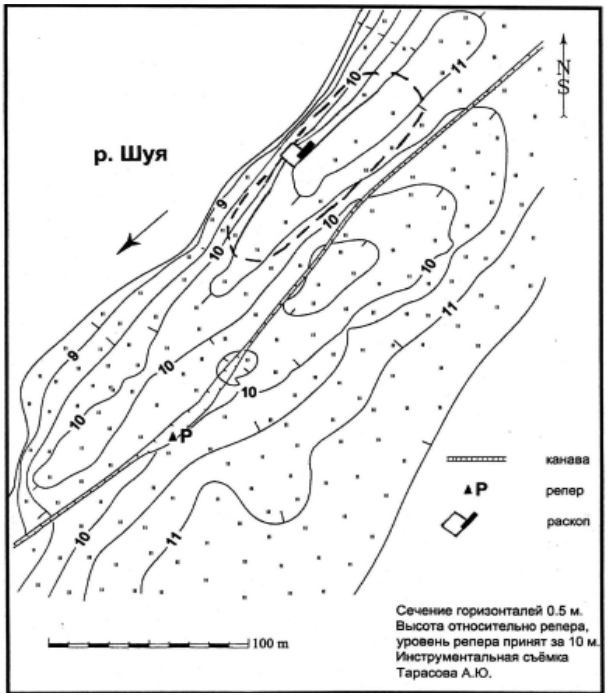


Рис. 1. План разрушенного могильника в Шуе. Пунктиром обозначена площадка, на которой в ходе грабительских раскопок были собраны вещи

курганной насыпи. В 2012 году с привлечением студентов (археологическая практика) на памятнике был размечен раскоп с целью исследования основания разведанного погребального сооружения[1].

В данной статье речь пойдет исключительно о коллекции вещей «черных копателей». Она заслуживает отдельного рассмотрения по двум связанным причинам: 1) обстоятельства проис-

© Спиридонов А. М., 2013

хождения; 2) предметы, собранные с помощью металлоискателей в разных частях площадки, не связаны с отдельными погребениями, представляют собой *случайную выборку* и потому так или иначе до раскопок характеризуют могильник в целом.

Вещи происходят с занятой лугом площадки на южной оконечности вытянутого вдоль берега слабого возвышения высотой около 2 м над уровнем воды. Указанное место обнаружения находок имеет размеры приблизительно 120 х 30–40 м. С востока возвышение ограничено низиной, по которой проложена мелиоративная канава (рис. 1). Топографические приметы нехарактерны (в сравнении, скажем, с Юго-Восточным Приладожьем) для раннесредневекового курганного могильника. Более возвышенные места, казалось бы, предпочтительные для устройства кладбища, есть в окрестностях, но эти возвышенности являются песчано-гравийными завалуненными образованиями, не устроившими древних обитателей.

Коллекция включала 24 находки, несколько вещей были очищены от окислов, но большая часть инвентаря покрыта патиной и имела признаки недавнего извлечения из земли. Представлены следующие предметы.

1. Меч, очевидно, с намеренно (ритуально) сломанным клинком (длина сохранившейся части 33 см), верхняя часть навершия рукояти отсутствует, перекрестье сдвинуто с первоначального места (рис. 2:2). Клинок (где могло быть клеймо мастера), гарда и сохранившаяся часть навершия рукояти (возможно, с серебряной орнаментальной инкрустацией) по понятным причинам не расчищались, что не позволяет точно определить тип меча. Предположительно укажем на близкую находку типа Т-2 или V, по Я. Петерсену, из района среднего течения р. Паши в Юго-Восточном Приладожье [12]. С могильником, вероятно, но не наверняка[2], может быть связан уже упомянутый первый меч из Шуи (рис. 2:1) – сравнительно легкий, весом 880 г, длиной без обломанного острия клинка 76 см. По форме навершия рукояти его следует отнести к типам V или U. Географически ближайшей аналогией является меч, найденный при грабительских раскопках кургана у д. Ручьи на р. Свирь (Uособый) [31; 107–108, 160], [15; рис. 81:10]. Датировка этих типов на древнерусской территории определяется А. Н. Кирпичниковым [11; 31–32] концом IX–X веком, Ф. А. Андрощук [1; 80–82, табл. 1, рис. 4] по скандинавским материалам относит их к средней и поздней эпохе викингов (900–1050 годы).

2. Боевой топор, относящийся к типу VI по А. Н. Кирпичникову [11], датируемый X–XI веками (рис. 2:3).

3. Обломок бронзовой тордированной гривны с граненой головкой без шипов («глазовского» типа) (рис. 3:1). М. В. Фехнер [43; 56–59, 75–76, рис. 7] со ссылками на работы Х. Салмо, М. Стенбергера и Э. Кивикоски указала на происхождение гривен этого типа из Юго-Западной Финляндии, где они датируются IX–X (XI?) веками. Лидирующее место по числу находок гривен «глазовского» типа в Восточной Европе занимает Юго-Восточное Приладожье, в курганных могильниках которого, по подсчетам С. И. Кочкуркиной [15; 262, рис. 82:1], их найдено 22 экземпляра в комплексах конца IX – начала XI века. К учтенным приладожским находкам надо добавить 2 гривны того же типа из могильника у д. Кривой Наволок на р. Паше [30; 116].

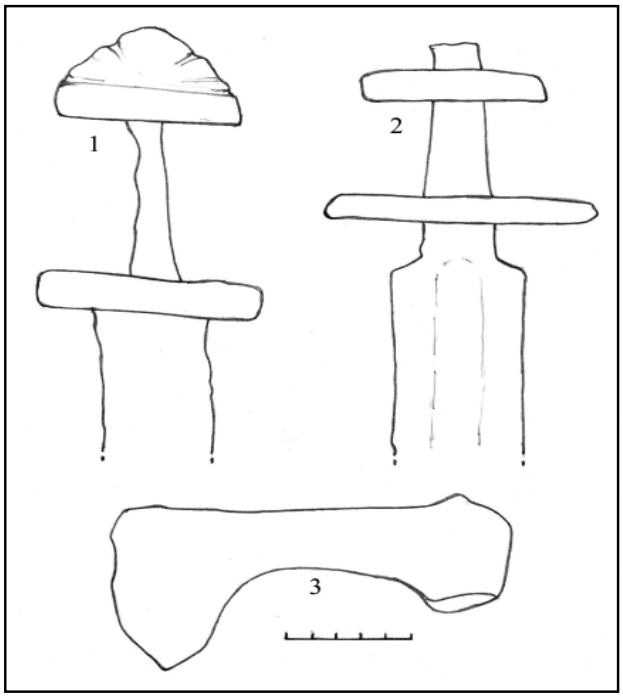


Рис. 2. Мечи и боевой топор

4. Пять и, видимо, обломок дуги шестой бронзовых подковообразных фибул с гранеными головками. У двух застежек головки украшены шипами (у одной из них шипы оформлены после отливки двумя косыми надпилами), у одной плоские верхние грани украшены четырьмя точечными углублениями, у двух верхние грани головок гладкие, в одном случае головки фибулы соединены. Иглы сохранились лишь у двух экземпляров (рис. 3:4–8, 11). М. В. Фехнер [43; 59] была подмечена стилистическая связь головок этого типа фибул с гранеными головками описанных выше тордированных гривен, подтверждаемая их совместными находками в погребениях древнерусского времени. Вслед за Х. Салмо [46; 28, 38, 50] она посчитала такие застежки «чисто финским типом, характерным для X в.».

Последняя полная сводка по фибулам данного типа, предпринятая в связи с анализом находок на Рюриковом городище под Новгородом, принадлежит Н. В. Хвощинской [44; 60–63, fig. 1]. Ею

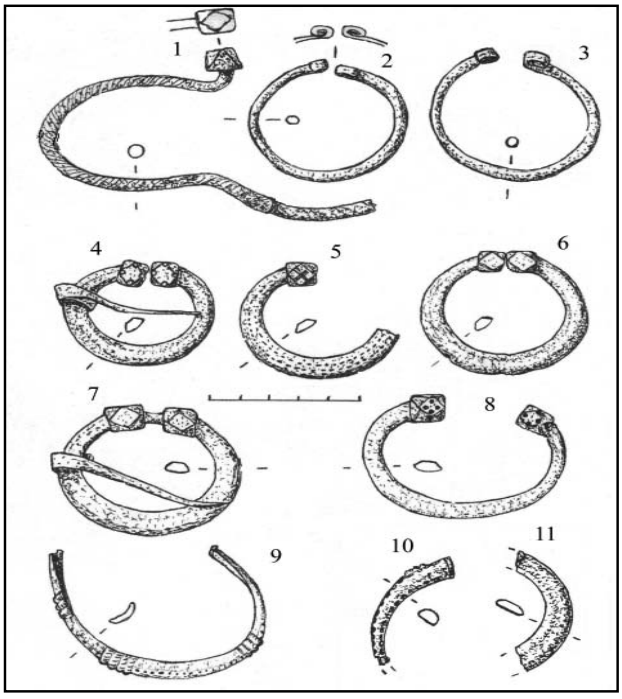


Рис. 3. Бронзовые гривна (1), фибулы (2–8, 10–11) и браслет (9) из грабительских раскопок

показано, что фибулы с гранеными головками являются одним из характерных элементов общебалтийской культуры / дружинно-купеческой субкультуры эпохи викингов, они встречены в десятках экземпляров в странах Балтии, Финляндии (более 100 экз.), Швеции, Норвегии и на древнерусской территории, датируются IX–X (XI?) веками. В России находки концентрируются в Юго-Восточном Приладожье (44 экз.) [14; 29–30], [15; 265, рис. 83:8, 9], встречены на Карельском перешейке (5), на Рюриковом городище (19), в Новгороде (4), в Белозерье (2), на Сарском городище в Верхнем Поволжье (9), в могильниках Ярославского Поволжья (7). Прослежено, что и в регионе Балтики, и на древнерусской территории такие же, как в Шуе, крупные фибулы обычно встречаются в мужских захоронениях [24; 159–162], [23; 43], [44; 62–63]. Добавим, что помимо шести шуйских фибул в Прионежье известны еще четыре находки подковообразных застежек с гранеными головками: у массивных украшений из окрестностей Повенца [42; 99, рис. 3] и с оз. Водлозера [40; 246–247, рис. 4:29] головки украшены шипами, у экземпляра из Челмужей (курган 1) [15; 250] – соединены и гладкие, у обломка более миниатюрной фибулы из приустья р. Суна [13; 202, рис. 63:91] граненая головка гладкая.

5. Две бронзовые подковообразные спиралеконечные фибулы с круглым сечением дуг (рис. 3:2, 3) относятся к наиболее широко распространенному типу, встречающемуся в могильниках и на поселениях Восточной и Северной Европы в комплексах X (и ранее) – XIII веков [24; 152–153], в Новгороде – в слоях до 1268 года [21; 75]. В культурном плане тип нейтрален.

6. Обломок орнаментированного щитка бронзовой овально-выпуклой фибулы (рис. 4:11). По небольшому фрагменту тип изделия абсолютно точно не определим, но наиболее вероятно фибула относится к широко распространенному типу 51, по Я. Петерсену, датирующемуся в основном X веком. В Восточной Европе находки застежек женских платьев этого типа, как и других скандинавских типов, концентрируются в основном в курганах Юго-Восточного Приладожья (37 экз.) [15; 260, рис. 80:2] и Гнездово под Смоленском [7; 191–206]. В Прионежье две такие фибулы были найдены при грабительских раскопках курганов Кокорино в Уницкой губе [33; 169–171].

7. Обломок бронзового предмета, который с большой долей уверенности определяется как часть круглой ажурной фибулы (рис. 4:3). По Э. Кивикоски, подобные украшения являются обычными для древностей Финляндии (более 320 экз.), за ее пределами известны единичные находки в Швеции, Юго-Восточной Прибалтике и на севере России (приводится по: [37; 67]). Последние происходят из Юго-Восточного [15; 260, рис. 80:11, 12] и Западного [37; 62–68, рис. 13:6, 7] Приладожья. Все четыре приладожские находки датируются X веком.

8. Обломок бронзовой фибулы с утолщенными концами, дуга украшена четырьмя рядами точечных вдавлений (рис. 3:10). В. А. Мальм [24; 152–153], приведя немногочисленные сведения о находках таких фибул на древнерусской территории, склонялась к мнению об их происхождении из Юго-Восточной Прибалтики и датировала их XI–XII веками.

9. Горизонтальный игольник в виде трубочки из тонкого бронзового листа, два из трех типичных накладных утолщений, в том числе центральное, с петлей для привешивания, утрачены (рис. 4:4). Он относится к типу 1 по классификации Л. А. Голубевой [4; 202], имевшему в эпоху викингов общебалтийское распространение. Пятнадцать таких игольников происходят из комплексов в основном X – начала XI века курганов Юго-Восточного Приладожья [15; 268, рис. 85:1].

10. Смятый колоколовидный бронзовый бубенчик с отверстием в верхней части для продевания шнура (рис. 4:5).

11. Бронзовая буса-«флакончик» (рис. 4:9). Эти бусы на рубеже I–II тыс. были характерны для оятских могильников Юго-Восточного Приладожья, где С. И. Кочкуркина [14; 26–27] предполагает центр их производства, датируя в основном X веком. Ожерелья из бус-«флакончиков» входили в состав инвентаря двух других курганных групп, известных на Онежском озере [33; 170], [6; 114], [39; 35, 39, рис. 3:7, 8:4–17].

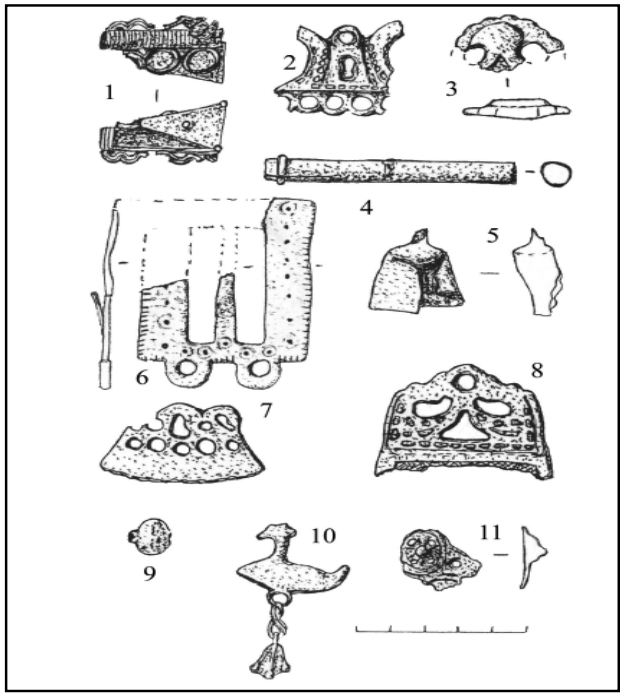


Рис. 4. Бронзовые подвески (1, 2, 5, 10), фибулы (3, 11), игольник (4), часть пояса или портупеи (6), огнива с бронзовыми рукоятями (7, 8) и бусина (9) из грабительских раскопок

12. Бронзовая полая орнитоморфная подвеска с привеской в виде утиной лапки, вторая петля для подвешивания обломана (рис. 4:10). Украшение относится к группе VI, типу XVIII, варианту 3 по Е. А. Рябинину [35; 37, табл. XVIII:7–13, XIX:1]. Из 23 известных подвесок данного варианта 10 происходят из Юго-Восточного Приладожья, 8 – из Вологодской, Архангельской и Костромской областей, остальные найдены в Западном Приуралье. Дата по Е. А. Рябинину – XI–XII века.

13. Бронзовая шумящая подвеска из рубчатой трубочки, украшенной сверху припаянной «волной» из двучастного дрота, с одной из трех сохранившихся привесок треугольной формы (рис. 4:1). Это единственный предмет из коллекции «черных копателей», который имел явные следы пребывания в огне. Тип имеет истоки в волжско-финских древностях рубежа I–II тыс. [36; 228–229], однако единичные подобные подвески известны в Восточном (комплекс около 1000 года) [32; 30, табл. IX:4] и Северном [37; 74–75] Приладожье.

14. Обломанная бронзовая плоская двуконьковая подвеска (рис. 4:2) принадлежит к группе II, типу VI по Е. А. Рябинину [35; 19–21, табл. VI:7–9]. Тип появляется в Прикамье в позднеломоватовкое время, находки концентрируются в Верхнем Прикамье, суммарно, включая зауральские экземпляры, насчитывается более 120 таких подвесок [3; 94–97]. Из них только 4 встречены на древнерусской территории: три в двух приладожских курганах на р. Паше, одна в Тверской губернии, все датируются временем около 1000 года.

15. Огниво с остатками стальной пластины для высекания огня и бронзовой рукоятью, изображающей фигуры двух борющихся медведей (?) в половину корпуса с поднятыми передними лапами, туловища украшены рядами выпуклых прямоугольников (рис. 4:8). Оно относится к типу 3 группы II по классификации Л. А. Голубевой [2; 124, рис. 2:8], [5; 99]. Были известны девять экземпляров огнив этого типа, из которых пять найдены в разных могильниках в Прикамье (два X века, остальные вне комплексов), по одному на р. Печоре и в Нижнем Приобье, еще два в Приладожье и Прионежье.

С учетом значительной разбросанности (но серийности) указанных Л. А. Голубевой далеких «восточных» находок тем более интересны географически близкие аналогии этому редкому типу кресал. Одно происходит из комплекса женского трупоположения кургана CXVII (по Н. Е. Бранденбургу) у д. Вахрушево на р. Паше с младшей монетой 995–1002 годов, железной гривной с подвеской, парными «карельскими» фибулами, соединенными цепью, колесовидной и тристной фибулой типа 90. По этим предметам инвентаря А. Стальсберг [47; 275–277, 290] атрибутирует данное погребение как скандинавское, и с ней склонна согласиться С. И. Кочкуркина [14; 29], [15; 180–182]. Еще одно кресало типа 3 найдено в мужском трупоположении (3) кургана № 2 в Челмужах на северном побережье Онего. В общей погребальной домовине того же кургана женское погребение по младшим саманидской и германской монетам датируется рубежом X–XI веков [15; 250–252, 271, рис. 85:11]. Полная до мелких деталей схожесть этого последнего огнива коллекции с зарисованным и сфотографированным шуйским экземпляром позволяет утверждать, что при отливке их бронзовых рукоятей использовалась одна форма. Приладожская и прионежская аналогии шуйской находке требуют особого внимания, поскольку все четыре известные огнива типа 2 той же группы II по Л. А. Голубевой [2; 123], [5; 99] («схематическое изображение двух противостоящих зверей в рост») происходят из курганов на р. Паше (Валданица 1, X век [16; 110–111]), на р. Свирь (Подъяндебское, около рубежа X–XI веков [15; 222]) и севернее снова на берегах Онежского озера – в Челмужах (мужское трупоположение 2 кургана № 2, около рубежа X–XI веков) и Кокорино (курган № 5, не позднее начала XI века [39; 39–44, рис. 8:1]).

16. Второе огниво из грабительских раскопок в Шуе к моменту фотографирования и зарисовки было очищено от окислов, бронзовая рукоять схематично изображает фигуры двух разъезжающихся всадников (рис. 4:7). Оно относится к варианту 2 группы IV [5; 103–104, рис. 4:11–13]. Л. А. Голубева в статье 1993 года

(ср.: [2; 130–131]) последовала за классификацией П.-Л. Лехтосало-Хиландер, основанной на 50 учтенных последней находках огнив этой группы, самые ранние из которых в могильнике Луйстари датируются первой половиной X века [22; 88–89, рис. 6], [45; 74–75]. Исходя из указанной ранней даты и концентрации находок наиболее реалистичных изображений всадников на рукоятях первого варианта в Юго-Западной Финляндии финляндская исследовательница считает эту территорию исходной для типа. Ко второму, более схематичному варианту (к которому принадлежит шуйская находка) отнесены восемь известных экземпляров огнив группы IV: в Швеции, Финляндии и Латвии (всего 6 экз.), на р. Ветлуге (1) и в скандинавском камерном погребении в Гнездово. Все аналогии датируются второй половиной X века [30; 10–11]. Оценивая, помимо хронологии, находку в Шуе (девятую по счету), следует отметить нечеткие и, на наш взгляд, не «работающие» критерии для выделения трех вариантов огнив группы IV.

17. Бронзовый ладьевидный браслет с сужающимися концами, украшенный тремя поперечными зонами утолщений и двумя продольными рядами точечных насечек по дуге (рис. 3:9). В. П. Левашова [20; 243–245] учла на древнерусской территории всего 29 экземпляров ладьевидных браслетов четырех разновидностей, отметила их происхождение из Скандинавии и Финляндии, концентрацию восточноевропейских находок в курганах Юго-Восточного Приладожья. На деле их значительно больше: только в приладожских курганах, по подсчетам С. И. Кочкуркиной [15; 266], 44 браслета из комплексов в основном X века. Географически ближайшие аналогии – в курганах Кокорино в Уницкой губе Онего [32; 169–171].

18. Обломанная массивная плоская прорезная платина из бронзы – часть пояса или портупеи, продевавшаяся в ремень, украшенная циркульными и точечными насечками, с двумя петлями для привешивания (рис. 4:6). Полные аналогии не укажем, подобные части пояса встречены на памятниках Юго-Восточной Прибалтики.

Хронология предметов из описанной коллекции укладывается в X – начало XI века. Чуть более поздние даты (но комплекс – в любом случае до 1050 года) могут иметь лишь боевой топор (рис. 1:3), обломок одной фибулы (рис. 3:10) и шумящие подвески (рис. 4:1, 10).

Большая часть вещей имеет очень широкий, общебалтийский (с акцентом на Юго-Западную Финляндию и Среднюю Швецию) круг аналогий. При этом массовые параллели тому же большинству предметов в Восточной Европе концентрируются именно в Юго-Восточном Приладожье. Это убедительно демонстрируют два меча (приладожские курганы – самые «вооруженные» на древнерусской территории, в них найдены 24 меча), ладьевидный браслет, кресала, гривна, обломок овально-выпуклой застежки и шесть массивных подковообразных фибул с гранеными головками. Неслучайность шуйских находок «приладожских» украшений подтверждают ближайшие соответствия им, обнаруженные в курганах и на поселениях в разных пунктах Прионежья. Но культура курганов Юго-Восточного Приладожья конца IX–XII века, по признанию всех исследователей, представляет собой сложное, многокомпонентное и динамичное явление. Поэтому просто отнести шуйские находки к приладожской курганной культуре, даже на уровне вещеведения, значит не сказать ничего или почти ничего. Попытаемся более конкретно определить предметы из комплекса могильника.

О социальном статусе погребенных колонистов много говорят два меча. Меч в погребении – престижный атрибут воина, показатель его ранга, нередко дружинника [19; 290–308]. Приведем известные характеристики ведущего отечественного оружиеведа А. Н. Кирпичникова: «Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно; в погребениях меч – признак не этнический. Решать племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря». И далее: «Находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли» [11; 25, 49]. При этом и этнический признак в случае с половинкой меча, найденной на могильнике «черными археологами» (рис. 1:2), все же есть: клинок был преднамеренно сломан, что сигнализирует о скандинавском ритуале при совершении захоронения [19; 300].

Среди «приладожских» вещей в коллекции обращают на себя внимание два предмета, узко датирующиеся временем около 1000 года: двуконьковая подвеска и огниво с бронзовой рукоятью, изображающей борющихся медведей. Подмеченное сходство (до тождества) последнего с кресалом, найденным в челмужском кургане на северном берегу Онего, уже само по себе указывает на системность ладожско-онежских связей на рубеже I–II тысячелетий. С другой стороны, типы подвески и огнива имеют явно верхнекамские истоки. Ряд онежско-приладожско-западноуральских параллелей могут продолжить обнаруженные в Кокорино и Челмужах подвески – «всадницы на змее» [35; каталог, № 224–242], в какой-то мере – орнитоморфная подвеска из Шуи (рис. 4:10)[3].

Если искать в Приладожье могильники с набором инвентаря, близко напоминающим шуйский, то это, например, курганы с «финско-скандинавскими» погребениями X – начала XI века у д. Подъелье в среднем течении р. Паши (раскопки Н. Е. Бранденбурга) или у д. Заозерье на ее притоке р. Капше (раскопки В. И. Равдоникаса): в них найдены и мечи, и гривны «глазов-

ского» типа, и фибулы с гранеными головками, и овально-выпуклые фибулы типа 51, и соединенные цепью с последними двуконьковые прикамские подвески (см.: [15; 170–176, 192–196], [19; 495–504, цв. илл. во вклейке]). Помимо памятников р. Паши, нельзя не заметить большого сходства шуйской коллекции и вещей из грабительских и неквалифицированных раскопок курганов в среднем течении р. Свирь, где в X–XI веках существовала группа особых поселений, контролировавших движение торговцев и товаров по водному пути в Прионежье и, вероятно, далее на север [38; 147–153]. В. А. Назаренко аргументированно локализует на р. Паше «ядро» приладожской курганной культуры X века [28; 235–236]. В средних течениях рек Паша и Свирь сосредоточены находки кладов монетного серебра и украшений XI века, в том числе громадные сокровища, насчитывавшие по несколько тысяч монет. На этом фоне вовсе не случайной выглядит описанная выше короткая цепочка находок огнив типа 2, группы II (рис. 4:8): Паша – Свирь – Онежское озеро.

Колония в приустье р. Шуи (напомним, что ее следы – это не только разрушенный могильник, но также селища и клад монетного серебра с арабскими дирхемами, найденный в Петрозаводске) предстает, таким образом, как звено в цепи налаженной в X веке системы связей, завязанной на дальнюю международную торговлю. Археологически изучены и следующие (последние?) звенья этой цепи – поселения местных охотников и промысловиков X–XI веков на оз. Сямозере в бассейне Шуи и севернее, на которых найдены импортные украшения (включая сломанную подвеску «гнездовского» типа) и предметы обихода, полученные в обмен на пушнину [13; 82–101], [41].

Вещи немы, и нам остается догадываться, каким был mother tongue колонистов в устье Шуи тысячу лет назад – прибалтийско-финским или скандинавским. По происхождению и специфике занятий (в плане социокультурной идентификации) они были более всего *kylfingar / колбяги* – в том виде и роде деятельности на севере Фенноскандии, как их описывает древнеисландская «Сага об Эгиле Скаллагримссоне» (kylfingar, как и норвежец Торольв с дружиной, занимались торговлей с местным населением, «а коегде – грабежами») [10; 78–79], [8; 109–112]. «Русская Правда» и византийские источники XI века видят приладожских колбягов в другом ракурсе и, соответственно, знают в иной ипостаси – как членов наемных дружин древнерусских князей и византийских императоров, упоминая их в паре с варягами [34; 511–513], [26; 52–54] (об этимологии kylfingar / колбяги / кулпинги см. также [17; 210–215]). И сложись иначе судьбы шуйских меченосцев, их могилы могли бы быть где-нибудь на долгом пути «из варяг в греки».

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (подпрограмма «Carelica»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Далее началась история с участием Министерства культуры Карелии, «подключенного» им РОВД, Прионежского районного суда и автора этих строк. По вполне формальному поводу (задержка с получением из Министерства культуры России Открытого листа на право проведения археологических раскопок – ситуация, увы, хорошо знакомая многим российским археологам в последние годы) Минкультуры республики, зная о предшествовавших и продолжающихся грабительских раскопках на могильнике, в сопровождении вооруженного майора полиции доставило на раскоп предписание прекратить «земляные работы», РОВД завело дело об административном правонарушении. Мировой судья Прионежского района в конце августа вынесла вердикт: «Производство по делу об административном правонарушении в отношении Спиридонова А. М. по ч. 1 ст. 19,5 КоАП прекратить по малозначительности», но раскоп пришлось законсервировать до следующего сезона. Документы и переписка, касающиеся этой истории, приложены к полевому отчету: Спиридонов А. М. Отчет о раскопках могильника Шуя и разведочных работах в Прионежском районе Республики Карелия в 2012 году (Архив Института археологии РАН).

[2] Вблизи места случайной находки этого меча на трех распахивающихся селищах собрана лепная раннесредневековая керамика.

[3] В статье не место углубляться в эту тему, но все же напомним замечания Е. А. Мельниковой о скоплении кладов восточных монет к востоку от Ярославского Поволжья, зарытых около середины IX века, и о находке в погребении поблизости от современной Перми подвески второй половины X – начала XI века с изображением знака Рюриковичей на одной стороне и молоточка Тора – на другой [24; 162–163]. Ср. намек Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской в связи с анализом находок огнив с рукоятями, изображающими разъезжающихся всадников, от Урала до Скандинавии: «Картина в принципе может оказаться даже более сложной, чем она представляется сейчас» [26; 11]. Можно вспомнить об Одине и кресалах Прикамья, о женщинах-литейщицах, а мы укажем на пока уникальное огниво с бронзовой рукоятью в виде повернутых друг к другу стилизованных птичьих голов, найденное в 20 км к северу от Шуи на поселении Суна VI [12; рис. 63:1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрощук Ф. А. Мечи и некоторые проблемы хронологии эпохи викингов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. Посвящается 80-летию А. Н. Кирпичникова. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 72–93.
2. Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятями // Советская археология. 1964. № 3. С. 115–132.
3. Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология. 1966. № 3. С. 80–98.
4. Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 199–204.

5. Голубева Л. А., Варенов А. Б. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями // Российская археология. 1993. № 4. С. 94–109.
6. Гроздилов Г. П. Курганы у д. Челмужи // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 111–114.
7. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 191–206.
8. Джаксон Т. Н., Спиридонов А. М. Древнескандинавские письменные источники // Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 97–137.
9. Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 130 с.
10. Исландские саги / М. И. Стеблин-Каменский. М.: Госиздат, 1956. 784 с.
11. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли X–XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–36. Л.: Наука, 1966. 187 с.
12. Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Меч с именным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 336–338.
13. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1992. 222 с.
14. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
15. Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
16. Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.
17. Кулешов В. С., Мачинский Д. А. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 207–227.
18. Лаврова Н. Б., Демидов И. Н., Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. К вопросу о начале земледелия на севере Онежского озера по палинологическим данным // Геология и полезные ископаемые Карелии. Вып. 10. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2007. С. 194–206.
19. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.
20. Левашова В. П. Браслеты // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.
21. Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 29–98.
22. Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 130–137.
23. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.
24. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевые застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 149–190.
25. Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. 148 с.
26. Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 44–58.
27. Мельникова Е. А. Ладога и формирование Балтийско-Вожского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 157–165.
28. Назаренко В. А., Селин А. А. Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 232–247.
29. Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 6–17.
30. Носов Е. Н., Хвощинская Н. В., Янссон И. Могильник у деревни Кривой Наволок в Юго-Восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: Изд-во Института истории материальной культуры РАН, 1994. С. 107–132.
31. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1899 г. СПб.: Изд-во ЕИВ Двора, 1902.
32. Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // Известия ГАИМК. Вып. 94. М.; Л.: ОГИЗ. Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 73 с.
33. Равдоникас В. И. Скандинавские находки в курганах Прионежья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 169–171.
34. Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу: Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. Ч. 1 // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. общ. наук. 1934. № 7. С. 485–532.
35. Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 123 с.
36. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
37. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
38. Спиридонов А. М. К истории Посвирья: опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: РИО ПетрГУ, 1989. С. 146–159.
39. Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежье (Заонежский сборник). Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1992. С. 29–48.
40. Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники в приустье р. Илексы // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2001. С. 246–254.
41. Спиридонов А. М. Поселение Пичево под Петрозаводском и проблемы изучения «саамского железного века» в южной Карелии // Кижский вестник. Вып. 14. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2013 (в печати).
42. Станкевич Я. В. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 94–110.
43. Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 55–87.

44. K h v o s h c h i n s k a y a N. V. Penannular brooches from Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th – 13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 60–69.
45. L e h t o s a l o - H i l a n d e r P.-L. Luistari II: The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 82:2. Helsinki, 1982.
46. S a l m o H. Finnische Hufeisenfibeln // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 56. Helsinki, 1956.
47. S t a l s b e r g A. Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: The archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. № 3. P. 267–295.

Spiridonov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VIKING AGE COLONY NEAR SHUYA CREEK IN VICINITY OF PETROZAVODSK

The analysis of weapons and ornaments dating back to the Viking Age found during robbery excavations of the burial grounds near Petrozavodsk is presented in the article. The collection (a complex without any connection to a particular burial) includes 25 items. The found items were allegedly produced at the end of the X and beginning of the XI centuries (in general, they were created before 1050). The majority of the items share wide analogies characteristic of the Viking Era in the Baltic Sea region (with multiple features inherent to southwestern Finland and central Sweden). At the same time, east European analogies are concentrated in the burial mounds of the southeastern region of Ladoga Lake. Some findings can be traced along a geographically logical route: Pasha River – Svir' River – Lake Onego. The author claims that the found burial grounds together with the findings excavated around Shuya creek have Finnish-Scandinavian origin. The author correlates them with the activity of kylfingar as they are mentioned in the Old Norse sources.

Key words: Lake Onego region, Viking Age, colonization, kylfingar

REFERENCES

1. A n d r o s h c h u k F. A. Swords and some problems of the Viking Age chronology [Mechi i nekotorye problemy khronologii epokhi vikingov]. *Kraeugol'nyy kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran. T. I* [Corner-Stone. Archaeology, history, arts and culture of Russia and its neighbours. Vol. I]. Moscow, Lomonosov Publ., 2010. P. 72–93.
2. G o l u b e v a L. F. Steels with bronze handles [Ogniva s bronzovymi rukoyatyami]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1964. № 3. P. 115–132.
3. G o l u b e v a L. A. Horse pendants of Upper Kama region [Kon'kovye podveski Verkhnego Prikam'ya]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1966. № 3. P. 80–98.
4. G o l u b e v a L. A. Needle holders of East European North (X–XIV centuries) [Igol'niki vostochnoevropeyskogo Severa X–XIV vv.]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy* [Questions of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1978. P. 199–204.
5. G o l u b e v a L. A., V a r e n o v A. B. New on steels with bronze handles [Novoe ob ognivakh s bronzovymi rukoyatyami]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1993. № 4. P. 94–109.
6. G r o z d i l o v G. P. Burial mounds near Chelmuzhy [Kurgany u d. Chelmuzhy]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Collected archaeological articles]. Petrozavodsk, Karelian-Finnish State Publ., 1947. P. 111–114.
7. D e d y u k h i n a V. S. Fibulae of Scandinavian type [Fibuly skandinavskogo tipa]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Essays on the history of the Russian village (X–XIII centuries). Transactions of State History Museum]. Vol. 43. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 191–206.
8. J a c k s o n T. N., S p i r i d o n o v A. M. Old Scandinavian written sources [Drevneskandinavskie pismennye istochniki]. *Kochkurkina S. I., Spiridonov A. M., Jackson T. N. Pis'mennye izvestiya o karelakh* [Written News on Karelians]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990. P. 97–137.
9. Z h u l ' n i k o v A. M., S p i r i d o n o v A. M. *Drevnosti Perozavodska* [Petrozavodsk antiquities]. Perozavodsk, Scandinaviya Publ., 2003. 130 p.
10. *Islandskie sagi* [Islandic sagas]. Moscow, Gosizdat Publ., 1956. 784 p.
11. K i r p i c h n i k o v A. N. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 1. Mechi i sabli X–XIII vv.* [Old Russian Weapon. Vol. 1. Swords and sabres of the 10–13th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1966. 187 p.
12. K i r p i c h n i k o v A. N., N a z a r e n k o V. A. Sword with name-mark from southeastern Lake Ladoga region [Mech s imennym kleymom iz Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya]. *Kochkurkina S. I. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya X–XIII vv.* [Monuments of the southeastern Lake Ladoga and Lake Onego regions of the X–XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. P. 336–338.
13. K o s m e n k o M. G. *Mnogosloynye poseleniya yuzhnoy Karelii* [Multilayer settlements of South Karelia]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 1992. 222 p.
14. K o c h k u r k i n a S. I. *Yugo-Vostochnoe Priladozh'e v X-XIII vv.* [SE Lake Ladoga region in the X–XIII centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 150 p.
15. K o c h k u r k i n a S. I. *Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya X–XIII vv.* [Monuments of the SE Lake Ladoga and Lake Onego regions of the X–XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. 348 p.
16. K o c h k u r k i n a S. I., L i n e v s k i y A. M. *Kurgany letopisnoy vesi X – nachala XIII v.* [Mounds of Chronicle's *ves'* of the X – the beginning of the XIII centuries]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 223 p.
17. K u l e s h o v V. S., M a c h i n s k i y i D. A. Kolbiagi [Kolbyags]. *Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chteniya pamyati Anny Machinskoy* [Ladoga and Gleb Lebedev. The Eighth readings in memoriam of Anna Machinskaya]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004. P. 207–227.
18. L a v r o v a N. B. et al. On the beginning of land cultivation in the North of Lake Onego according to palynological data [K voprosu o nachale zemledeliya na severe Onezhskogo ozera po palinologicheskim dannym]. *Geologiya i poleznye iskopaemye Karelii* [Geology and useful minerals of Karelia]. Vol. 10. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2007. P. 194–206.
19. L e b e d e v G. S. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [Viking Age in Northern Europe and in Rus']. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005. 639 p.
20. L e v a s h o v a V. P. Bracelets [Braslety]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Essays on the history of the Russian village (X–XIII centuries). Transactions of State History Museum]. Vol. 43. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 207–252.

21. Lesman Yu. M. Novgorod jewelry items chronology [Khronologiya yuvelirnykh izdeliy Novgoroda]. *Materialy po arkheologii Novgoroda* [Materials on Novgorod archaeology]. Moscow, University Publ., 1990. P. 29–98.
22. Lehtosalo-Hilander P.-L. On the connections of western finns with Eastern Europe in the Viking Age [Svyazi zapadnykh finnov s Vostochnoy Evropoy v epokhu vikingov]. *Finno-ugry i slavyane* [Finno-ugrians and slavs]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. P. 130–137.
23. Makarov N. A. *Kolonizatsiya severnykh okrain drevney Rusi v XI–XIII vv. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozer'ya i Poonezh'ya* [Colonization of the Northern Periphery of ancient Russia. 1000–1300 A. D. In the light of archaeological data from the portages of Beloozero and Onega river regions]. Moscow, Scriptorium Publ., 1997. 368 p.
24. Mal'm V. A. Crescent and ring brooches [Podkovoobraznye i kol'tsevye zastezhki-fibuly]. *Essays on the history of the Russian village.* Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1967. P. 149–190.
25. Markov A. K. *Topografiya kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh)* [Hoards topography of eastern coins]. St. Petersburg, 1910. 148 p.
26. Machinskiy D. A., Machinskaya A. D. Northern Rus', Russian North and Old Ladoga in the VIII–XI centuries [Severnaya Rus', Russkiy Sever i Staraya Ladoga v VIII–XI vv.]. *Kul'tura Russkogo Severa* [Culture of the Russian North]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. P. 44–58.
27. Mel'nikova E. A. Ladoga and the formation of the Baltic-Volga Way [Ladoga i formirovanie Baltiysko-Volzhskogo puti]. *Ladoga i istoki rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury* [Ladoga and sources of Russian statehood and culture]. St. Petersburg, Vesti Publ., 2003. P. 157–165.
28. Nazarenko V. A., Selin A. A. SE Ladoga Lake region in the light of archaeological data and written sources [Yugo-Vostochnoe Priladozh'e v svete dannykh arkheologii i pis'mennykh istochnikov]. *Ocherki istoricheskoy geografii: Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Essays on historical geography: North-West of Russia. Slavs and Finns]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2001. P. 232–247.
29. Nosov E. N., Khvoshchinskaya N. V. Connections of the Central Ilmen' Lake region population with Western Finland and Estonia in the context of international trade in the Baltic region in the IX–X centuries [Svyazi naseleniya tsentral'nogo Priil'men'ya s Zapadnoy Finlyandiey i Estoniey v kontekste mezhdunarodnoy torgovli v regione Baltiki v IX–X vv.]. *Severnaya Rus' i narody Baltiki* [Northern Rus' and peoples of the Baltic]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. P. 6–17.
30. Nosov E. N., Khvoshchinskaya N. V., Jansson I. Burial mounds near the village of Krivoy Navolok in SE Lake Ladoga region [Mogil'nik u derevni Krivoy Navolok v Yugo-Vostochnom Priladozh'e]. *Novye istochniki po arkheologii Severo-Zapada* [New sources on archaeology of the Noth-West]. St. Petersburg, Institute on the history of material culture, 1994. P. 107–132.
31. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1899 g.* [Report of Imperial Archaeological Commission for the year 1899]. St. Petersburg, 1902.
32. Ravdonikas V. I. Monuments of feudalism epoch in Karelia and southeastern Lake Ladoga region [Pamyatniki epokhi vozniknoveniya feodalizma v Karelii i Yugo-Vostochnom Priladozh'e]. *Izvestiya GAIMK* [Proceedings of the State Academy on the history of material culture]. Vol. 94. Moscow; Leningrad, OGIZ Publ., 1934. 73 p.
33. Ravdonikas V. I. Scandinavian finds in the mounds of Lake Onego region [Skandinavskie nakhodki v kurganakh Prionezh'ya]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of pre-capitalist societies history]. 1934. № 9–10. P. 169–171.
34. Rydzevskaya E. A. On the question of Varangians. Local place-names of Scandinavian origin in connection with the question of Varangians in Rus'. Part 1 [K varyazhskomu voprosu. Mestnye nazvaniya skandinavskogo proiskhozhdeniya v svyazi s voprosom o varyagakh na Rusi. Chast' 1]. *Izvestiya AN SSSR* [Proceedings of the USSR Academy of sciences]. Series VI. Department of humanity sciences. 1934. № 7. P. 485–532.
35. Ryabinin E. A. *Zoomorfnye ukrasheniya drevney Rusi X–XIV vv.* [Zoomorphic jewelry of ancient Rus' (X–XIV centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 123 p.
36. Ryabinin E. A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevney Rusi. K istorii slavyano-finskikh etnokul'turnykh svyazey. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Finno-ugrian tribes in structure of Old Rus'. On the history of slavonic-finnish ethnic and cultural relations. Historical and archaeological essays]. St. Petersburg, University Publ., 1997. 260 p.
37. Saksa A. I. *Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n. e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli* [Ancient Karelia at the end of I – the beginning of II millennium A. D. Origin, history and culture of the population of Chronicle's Karelian land]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2010. 398 p.
38. Spiridonov A. M. On the history of Svir' River region: model of complex data approach [K istorii Posvir'ya: opyt kompleksnogo privlecheniya dannykh]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa* [Questions of the European North history]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1989. P. 146–159.
39. Spiridonov A. M. Early Medieval monuments of Kokorino [Rannesrednevekovye pamyatniki Kokorino]. *Zaonezh'e.* Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 1992. P. 29–48.
40. Spiridonov A. M. Early Medieval monuments at Ileksa River mouth [Rannesrednevekovye pamyatniki v priust'e r. Ileksa]. *Natsional'nyy Park "Vodlozerskiy": prirodnoe raznoobrazie i kul'turnoe nasledie* [National Park "Vodlozerskiy": Natural diversity and cultural heritage]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2001. P. 256–254.
41. Spiridonov A. M. Pichevo site in the vicinity of Petrozavodsk and prodlems of "Sami Iron Age" studies in South Karelia [Poselenie Pichevo pod Petrozavodskom i problemy izucheniya "saamskogo zheleznogo veka" v yuzhnoy Karelii]. *Kizhskiy vestnik* [Kizhi bulletin]. Vol. 14. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Publ., 2013 (in print).
42. Stankevich Ya. V. Mounds of southeastern Lake Ladoga region and Karelian-Finnish SSR [Kurgany Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Karelo-Finskoy SSR]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Collected archaeological articles]. Petrozavodsk, Karelian-Finnish State Publ., 1947. P. 94–110.
43. Fekhner M. V. Neckrings [Sheynye grivny]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X– XIII* [Essays on the history of the Old Russian village (10–13th centuries)]. Moscow, Sovetskaya Rossia Publ., 1967. P. 55–87.
44. Khvoshchinskaya N. V. Penannular brooches from Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi 1997. Cultural Contacts in the Area of the Gulf of Finland in the 9th – 13th Centuries. Helsinki, 1999. P. 60–69.
45. Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari II: The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 82:2. Helsinki, 1982.
46. Salmo H. Finnische Hufeisenfibeln // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. № 56. Helsinki, 1956.
47. Stalsberg A. Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: The archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. 1982. Vol. 13. № 3. P. 267–295.

Поступила в редакцию 08.05.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 5 **Педагогика** **2013**

УДК 378.22

ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ГЛАДКАЯ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики психолого-педагогического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
12ivg@mail.ru

УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

Представлен анализ условий становления профессиональной компетенции студентов в педагогическом вузе. Под компетенцией понимается личностная составляющая, связанная с умением достигать значимых результатов с учетом новых ценностных оснований профессиональной деятельности, проявляющаяся в умении решать профессиональные задачи в реальных ситуациях профессиональной деятельности. Процесс становления профессиональной компетенции рассмотрен через интеграцию познавательных и профессиональных мотивов. Интеграция осуществляется в процессе обучения, в котором выделены три этапа – 1–2-й курсы, 3-й курс, 4-й курс. Каждый этап характеризуется своеобразием содержания, технологий и организации процесса, то есть связан с созданием определенных условий. В статье выявлены две группы условий становления профессиональной компетентности: организационно-педагогические и дидактические. Динамика процесса становления профессиональной компетенции студента в образовательном процессе выстраивается через решение академических задач, выявляющих знание теории и решение практических профессиональных задач, посредством включения студентов в тренинги, анализ кейсов и др.

Ключевые слова: профессиональная компетенция, становление, познавательные и профессиональные мотивы, условия становления, этапы обучения

При рассмотрении особенностей организации процесса подготовки в педагогическом вузе необходимо рассмотреть условия профессионального становления компетентного специалиста и определить профессиональную позицию понимания сущности становления профессиональной компетенции.

Вопросам исследования понятия «профессиональная компетентность» в последние годы уделяется внимание во многих работах по проблемам высшего профессионального образования.

Кроме когнитивной (что?) и операционной (как делать?) составляющих в компетентность сегодня включаются мотивационные (почему?), этические (как отнесутся?), социальные (с кем?) и ценностные (что в основе?) элементы. То есть, говоря о компетентности, подразумевают профессионально-личностные ее компоненты, связанные с целями и умениями достигать значимых результатов, использованием новых педагогических средств обучения и умения владеть данными средствами, а также новые ценностные основания профессиональной деятельности при наличии необходимых личностных качеств специалиста.

Все исследователи, изучавшие природу компетенции, обращают внимание на ее многосторонний, разноплановый и системный характер. Понятие «компетентность», которое появилось в работах зарубежных исследователей, означает «углубленное знание», «состояние адекватного выполнения задачи», «способность к актуальному выполнению действия» (G. K. Britell, R. M. Jueger, W. E. Blank). Это понятие постоянно расширяется за счет исследований, проводящихся в разных странах. Нам близки позиции А. Г. Бермуса, который рассматривает «компетентность как системное единство, интегрирующее личностные, предметные и инструментальные особенности и компоненты» [1], и М. А. Чошанова, который указывает, что компетентность – постоянное стремление к обновлению знаний и использованию в конкретных условиях. Последний вывел формулу компетентности, которая выглядит следующим образом: мобильность знания плюс гибкость метода плюс критичность мышления [7].

Мы исходим из определения профессиональной компетентности, предложенного исследователями РГПУ им. А. И. Герцена (В. А. Козыревым, Н. Ф. Радионовой, А. П. Тряпицыной и др.): профессиональная компетентность – характеристика качества подготовки специалиста, которая определяется совокупностью знаний, умений, обеспечивающих возможность решения профессиональных задач в реальных ситуациях профессиональной деятельности [4].

На основе анализа рассмотренных работ мы выдвинули частную гипотезу о том, что профессиональную компетентность можно рассматривать как характеристику качества подготовки современного специалиста, которая определяется:

© Гладкая И. В., 2013

- совокупностью общекультурных, общепрофессиональных и специальных знаний и умений,
- особенностями построения образовательного процесса, способствующего развитию интеграции познавательных и профессиональных мотивов, что, в свою очередь, обусловливает развитие готовности к решению профессиональных задач учителя.

Процесс становления профессиональной компетенции необходимо рассматривать через интеграцию мотивов (познавательных и профессиональных).

Обоснование строится на позиции психологов и педагогов, исследовавших процесс становления в профессиональном обучении. Нам близка позиция А. К. Марковой, которая рассматривает профессиональное развитие как систему отношений субъекта (в эмоциональном, когнитивном, поведенческом аспектах) к профессии, себе, детям, преподаваемым дисциплинам [6]. В экспериментах, проведенных А. К. Марковой, выявлено, что профессиональная направленность может изменяться на всем протяжении вузовского обучения под влиянием социально-психологических процессов в студенческих группах. Однако мы предполагаем, что профессиональная компетентность студента развивается под влиянием организационно-педагогических и дидактических условий организации образовательного процесса, которые обусловливают развитие познавательных и профессиональных мотивов обучения в вузе.

Обоснование процесса становления профессиональной компетенции мы выстраиваем на соотношении познавательных и профессиональных мотивов студентов. Через влияние на познавательную сферу и на сферу профессиональной деятельности мы изменяем мотивацию современных студентов и способствуем развитию их профессиональной компетенции.

Познавательные мотивы выступают источником формирования профессиональных мотивов, первоначальной их формой в профессиональном обучении. Кроме того, важна мысль о взаимообусловленности познавательных и профессиональных мотивов: выраженность познавательной мотивации на начальных этапах обучения студентов способствует формированию положительного отношения к профессии.

В рассмотрении понятия «становление» мы базируемся на позиции Э. Ф. Зеера, который рассматривает становление как непрерывный процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, собственной активности, совершенствования и самоосуществления [3].

В процессе исследования мы определили три этапа профессионального становления в процессе обучения – 1–2-й, 3-й и 4-й курсы.

ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

1-й и 2-й курсы – происходит развитие познавательных мотивов, осмысление выбора высшего учебного заведения, начальное прогнозирование собственного профессионального пути в педагогической профессии.

3-й курс – осуществляется осознание профессиональных мотивов в вузовском обучении, осмысление результатов первых профессиональных проб – решение профессиональных задач в учебно-профессиональном контексте.

4-й курс – происходит развитие профессиональных мотивов в вузовском обучении во взаимосвязи с развитием познавательной мотивации к непрерывному образованию, анализ соответствия самооценки и внешней оценки результативности профессионального становления, коррекция избранного профессионального пути.

Нам важна позиция Ю. Н. Кулюткина, который отмечает, что на развитие мотивации учения субъекта влияет уровень подготовки, в зависимости от которого меняется вся совокупность учебных мотивов, их системная соотнесенность и тем самым отношение к учению [5].

Каждый этап характеризуется своеобразием содержания, технологий и организации процесса, то есть связан с созданием определенных условий.

При исследовании процесса становления профессиональной компетенции студентов необходимо выявить условия становления профессиональной компетенции. Мы выделили две группы.

1-я группа – организационно-педагогические условия

1. Первое условие – условие обеспечения выбора. Педагогический университет предоставляет обучающимся возможности выбора содержания образования, технологий и форм организации его освоения, вариантов оценки образовательных достижений, что реализуется в рамках образовательной программы и позволяет построить индивидуальный образовательный маршрут обучающегося, ориентированный на личностное и профессиональное становление.

Условием реализации индивидуального маршрута студента является введение модульного учебного плана, состоящего из учебных дисциплин и курсов, объединенных в модули. Модули представляют собой совокупные единицы образовательной программы, которые сочетаются блоками и способствуют профессиональному становлению бакалавров. Студент имеет право изучать любое число вариативных модулей. После успешного освоения необходимого числа модулей и успешной защиты выпускной квалификационной работы студент получает диплом об освоении образовательной программы.

В случае модульного освоения программы индивидуальный образовательный маршрут

студента выстраивается с учетом индивидуального выбора вариативных модулей.

2. Второе условие – ориентация преподавателей на новые профессиональные роли, отражающие новые структурные образования в вузе – службы сопровождения и консультирования.

Необходимость создания новых организационных структур, способствующих появлению новой ответственности преподавателя, обусловлена следующими причинами.

Во-первых, студент, обучающийся в современном университете, сталкивается с необходимостью проектирования и реализации индивидуального образовательного маршрута (условие 1). Во-вторых, в новых условиях обучения увеличивается значимость и объемы самостоятельной работы студента по учебным предметам. Появляются современные виды самостоятельной работы, преподаватели используют модернизированные формы ее организации. Мы можем говорить о необходимости введения новых профессиональных ролей – тьютора, академического консультанта, ментора, модератора и др. Сегодня функции тьютора частично осуществляются научными руководителями курсовых работ студентов, а также преподавателями, которые в существующих условиях организуют самостоятельную работу студентов через подготовку докладов и статей, руководят индивидуальными и групповыми исследовательскими проектами и пр. Однако тьютор в современном вузе – это вполне самостоятельная, необходимая должность с определенными функциями.

3. Третье условие также связано с появлением новых университетских структур, способствующих междисциплинарной интеграции, и проведением коллективных исследований по актуальным проблемам образования. В качестве таких организационных мер необходимо рассматривать создание методического или научно-образовательного центра. Такой центр будет осуществлять интеграцию общекультурной, общепрофессиональной и специальной подготовки, которая обеспечивает как единство подхода к построению содержания подготовки, так и вариативность содержания в формах основных учебных курсов и спецкурсов по выбору, спецсеминаров, факультативов, в том числе межфакультетских и межкурсовых.

Трудность в реализации данного условия заключается в необходимости координации действий кафедр, обеспечивающих комплексное базовое знание, в разработке программ проблемно-тематического и содержательного единства, в разработке обязательного образовательного минимума базовых знаний и обеспечении возможности и потребности в их развитии.

2-я группа – это дидактические условия

1. Первое условие. Изменение содержания образования. Переход к новым стандартам образования на основе компетентностного подхода предполагает: обновление содержания образования путем усиления практической направленности профессионального образования, междисциплинарных связей циклов учебных дисциплин и курсов, разнообразие контекстов рассмотрения будущей профессиональной деятельности студента.

В этом вопросе мы опираемся на концепцию А. А. Вербицкого о содержании модели контекстного профессионального образования. Суть данной концепции в последовательном моделировании предметного и профессионального содержания в различных усложняющихся формах учебной деятельности. В результате происходит динамическое движение деятельности студента: «деятельность академического типа → квазипрофессиональная → учебно-профессиональная → профессиональная» [2].

Ориентация на формирование личностного знания, то есть зависящего от типа мышления, характера личности, мотивации в профессиональной деятельности и эмпирического знания, полученного опытным путем, в том числе в результате включения в профессиональную деятельность, приобретает особую значимость в процессе профессионального становления в вузе.

2. Второе условие. Использование разнообразных и динамично сочетающихся технологий обучения по учебным курсам. Мы предполагаем, что динамика использования технологий, их содержательное усложнение зависят от этапа профессиональной подготовки, то есть содержания решаемых учебных задач, и определяются ожидаемыми на каждом этапе промежуточными результатами. Пока, как свидетельствует анализ существующей образовательной практики, с 1-го до 4-го курса используются одни и те же технологии, в одном и том же формате.

3. Третье условие. Диагностика процесса и результата становления профессиональной компетентности. Основываясь на позиции, что ядром профессионального становления является мотивационная сфера студентов, преподавателям необходимо выявлять закономерности изменения познавательных и профессиональных мотивов.

Диагностика познавательных мотивов осуществляется посредством включения в образовательный процесс заданий, направленных на развитие общекультурных компетенций (умение высказывать свою позицию, умение критически мыслить, умение анализировать, сравнивать различные позиции, умение взаимодействовать с другими и т. д.). Диагностика профессиональных мотивов осуществляется посредством решения студентами профессиональных задач, учитывающих различные контексты образования. Диагностика характера взаимосвязи познавательных и профессиональных мо-

тивов осуществляется посредством включения в образовательный процесс усложненных задач, а также проведения промежуточной и итоговой аттестаций, включающих тесты, эссе, кейсы и портфолио.

Динамика процесса становления профессиональной компетентности студента в образовательном процессе выстраивается на основе выявления знаний теории (решение академических задач) и решения практических задач (с помощью кейсов, тестов, тренингов), что дает возможность выявления умения применять знания непосредственно в профессиональной деятельности.

Итак, определяя условия становления профессиональной компетентности будущего учителя, необходимо основываться на сущности понятия «профессиональная компетентность», определять значимость мотивационного компонента в профессиональной компетентности специалиста, выявлять этапы становления профессиональной компетентности в процессе обучения в вузе, определять методики диагностики развития профессиональной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910–12.htm
2. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования: Учеб. пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 480 с.
4. Козырев В. А., Радионова Н. Ф., Тряпицына А. П. Компетентностный подход в подготовке специалиста в области образования // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике (опыт Герценовского университета). СПб., 2009. С. 18–23.
5. Кулюткин Ю. Н. Изменяющийся мир и проблема развития творческого потенциала личности. Ценностно-смысловой анализ. СПб.: СПбГУПМ, 2002. 83 с.
6. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 184 с.
7. Чошанов М. А. Гибкая технология проблемно-модульного обучения: Методическое пособие. М.: Народное образование, 1996. 160 с.

Gladkaya I. V., State Pedagogical University named after A. I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

CONDITIONS OF PROFESSIONAL COMPETENCY DEVELOPMENT IN FUTURE TEACHER

The analysis of conditions sufficient and necessary for professional competency development in students trained at higher pedagogical educational institution is presented. The category of competence is understood as a personal component associated with the ability to reach significant results, taking into account new set of values inherent to professional activity, and revealed in the ability to solve professional problems in real-life situations of professional context. The process of professional competency development is considered through integration of informative and professional motives. The process of integration is achieved in the course of professional training consisting of three stages – 1–2 year of study, the 3rd year, and the 4th year of study. Each stage is characterized by the originality of the content, employment of pedagogical technologies, and organization of educational process, i. e. it is connected to construction of certain conditions. There are two sets of conditions necessary for professional competency development – organizational-pedagogical and didactic. Dynamics of professional competency development in students during educational process is determined by the ability to solve academic tasks revealing knowledge of the theory and ability to solve practical professional assignments, as well as by students' inclusion into trainings, case analysis, and etc.

Key words: professional competency, development, informative and professional motives, conditions of development, grade levels

REFERENCES

1. Bermus A. G. *Problemy i perspektivy realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Problems and prospects of realization of the competence approach in education]. Available at: http://www.eidos.ru/journal/2005/0910–12.htm
2. Verbitskiy A. A. *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active learning in Higher Education: contextual approach]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 207 p.
3. Zeer E. F. *Psikhologiya professional'nogo obrazovaniya. Uchebnoe posobie* [Psychology of professional education. Textbook]. Moscow, Publishing House of Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh, NGO "MODEK", 2003. 480 p.
4. Kozyrev V. A., Radionova N. F., Tryapitsyna A. P. Competence approach to training in the area of education [Kompetentnostnyy podkhod v podgotovke spetsialista v oblasti obrazovaniya]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v epokhu peremen: rezul'taty nauchnykh issledovaniy i ikh ispol'zovanie v obrazovatel'noy praktike (opyt Gertsenovskogo universiteta)* [Teacher Education in Times of Change: the results of the research and their using in educational practice (experience Herzen University)]. St. Petersburg, 2009. P. 18–23.
5. Kulyutkin Yu. N. *Izmenyayushchiysya mir i problema razvitiya tvorcheskogo poten-tsiala lichnosti. Tsennostno-smyslovoy analiz* [The changing world and the problem of creative potential development. Value and meaning analysis]. St. Petersburg, SPbGUPM Publ., 2002. 83 p.
6. Markova A. K. *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow, Znanie Publ., 1996. 184 p.
7. Choshanov M. A. *Gibkaya tekhnologiya problemno-modul'nogo obucheniya: Metodicheskoe posobie* [Flexible technology of the problem-modular training: a study guide]. Moscow, "Narodnoe obrazovanie" Publ., 1996. 160 p.

Поступила в редакцию 08.11.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 5 **Педагогика** **2013**

УДК 378

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ЕРШОВА
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационно-измерительных систем и физической электроники физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ershova@psu.karelia.ru

АЛГОРИТМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ ПРОГРАММЫ ДИСЦИПЛИНЫ*

Рассмотрен алгоритм проектирования компетентностно ориентированной рабочей программы на примере дисциплины «Микропроцессорная техника» бакалавриата по направлению «Информатика и вычислительная техника». Отмечена важность выбора компетенций, формируемых дисциплиной, из общекультурных и профессиональных компетенций, приведенных в стандарте направления подготовки. Для одной из формируемых дисциплиной профессиональной компетенции показано, как спланировать основные и промежуточные образовательные результаты, определить показатели и формы оценивания компетенции, выстроить модульную структуру и тематическое содержание дисциплины, выбрать образовательные технологии, используемые в преподавании, и разработать оценочные средства и недостающие учебные материалы. Представлено описание учебно-методического обеспечения дисциплины «Микропроцессорная техника».

Ключевые слова: компетентностно ориентированные рабочие программы, образовательные результаты, оценочные средства

При проектировании рабочей программы дисциплины (РПД) разработчик, как правило, руководствуется шаблоном, предоставленным учебно-методическим управлением вуза [4]. РПД содержит информацию о целях и задачах дисциплины и компетенции, формируемые «в процессе изучения дисциплины через результаты обучения в виде знаний, умений и навыков на основе предметного содержания». Именно компетенции обучающегося и отличают компетентностно ориентированную (КО) рабочую программу от разрабатываемых ранее РПД, в которых перечислялись формируемые знания, умения и навыки (ЗУН). Но простая замена ЗУН на компетенции в рабочей программе дисциплины не делает ее компетентностно ориентированной, поэтому целью данного исследования является разработка алгоритма, позволяющего преподавателю спроектировать КО РПД, объясняющую студенту, какие образовательные результаты должны быть достигнуты им в ходе изучения данной дисциплины и как эти результаты будут оцениваться. Продемонстрируем основные шаги на примере РПД «Микропроцессорная техника» образовательного модуля «ЭВМ и периферийные устройства» бакалавриата по направлению «Информатика и вычислительная техника».

В настоящее время преподаватели высшей школы уже имеют некоторый опыт создания РПД, отвечающих требованиям федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), и понимают, что практически самым ответственным шагом является выбор компетенций, формируемых дисциплиной, из общекультурных (ОК) и профессиональных компетенций (ПК), приведенных в стандарте направления подготовки. Заметим, что принцип «чем больше, тем лучше» здесь не работает. Как правило, преподаватели выбирают две или три профессиональные компетенции, если это дисциплина профессионального цикла. Можно определить еще и сопутствующие компетенции, формируемые дополнительно к основным как результаты применения соответствующих технологий преподавания и не связанные с предметным содержанием. Например, для дисциплины «Микропроцессорная техника» выбраны: а) основные компетенции: осваивать методики использования программных средств для решения практических задач (ПК-2); использовать современные инструментальные средства и технологии программирования (ПК-5); сопрягать аппаратные и программные средства в составе информационных и автоматизированных систем (ПК-10); б) сопутствующие компетенции: осознавать сущность и значение информации в развитии современного общества; владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации (ОК-11); владеть навыками работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-12); работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-13).

Следующий шаг – определение основного и промежуточных образовательных результатов и входных требований для успешного освоения дисциплины. Тщательная проработка этого шага позволяет: 1) уточнить выбранные ранее компетенции; 2) определить показатели и формы оценивания компетенций; 3) выстроить

© Ершова Н. Ю., 2013

модульную структуру дисциплины; 4) спланировать содержание и определить образовательные технологии, используемые в преподавании; 5) разработать оценочные средства и недостающие учебные материалы.

В силу важности данного этапа остановимся на нем подробнее. В качестве образовательного результата данного этапа можно определить: профессиональную компетенцию, общекультурную компетенцию, умение или знание. Формулировка планируемого образовательного результата должна: описывать результат, а не процесс; однозначно представлять вид деятельности, предусмотренный стандартом и позволяющий проверить достижение обучаемым указанного результата; четко указывать на каждый элемент содержания, включенный в результат; конкретно и однозначно пониматься всеми участниками образовательного процесса.

Рассмотрим вышесказанное на примере одной профессиональной компетенции. Определяя конкретный образовательный результат, приходим к уточнению формулировки ПК-2 – осваивать методики использования языков программирования низкого уровня – ассемблера микроконтроллеров (МК) семейства MCS-96 фирмы Intel и AtMega16 фирмы Atmel для практического использования встроенных устройств МК.

Знание принципов составления блок-схем или словесно-формульного описания алгоритмов является входным. Знания организации памяти, системы команд, способов адресации данных, типов данных микроконтроллеров 80С196КС и AtMega16, их архитектуры, алгоритмов функционирования встроенных устройств и организации прерываний формируются в процессе изучения дисциплины и указывают на тематические модули содержания. Кроме знаниевой компоненты в качестве образовательного результата можно использовать умения: разрабатывать алгоритмы программ для МК 80С196КС и AtMega16, программировать на ассемблере МК 80С196КС, AtMega16 и опыт практической деятельности, а именно опыт программирования встроенных периферийных устройств МК 80С196КС и AtMega16.

Для определения уровня овладения студентом данной профессиональной компетенцией задаем показатели оценки результатов:

- соблюдение правил построения блок-схем или словесно-формульного описания алгоритмов программ для микроконтроллеров (МК) 80С196КС и AtMega16;
- оптимальность алгоритмов программ на ассемблере для МК 80С196КС и AtMega16, использующих встроенные периферийные устройства микроконтроллеров.

Основными формами оценки компетенции будут отчеты по лабораторным работам, индивидуальные или групповые проекты и тестирование.

Выстроив содержание курса, преподаватель выбирает используемые образовательные технологии. Например, по дисциплине «Микропроцессорная техника» в учебном процессе применяются электронные лекции с использованием видеофрагментов, деловая игра «Шесть шляп мышления» по теме «Тенденции развития микропроцессорных средств», лабораторные занятия, игровое и онлайн-тестирование, балльно-рейтинговая система оценивания образовательных результатов, самостоятельная работа студентов. Выбранные преподавателем технологии обучения формируют сопутствующие компетенции. Так, на деловой игре студенты демонстрируют владение общекультурными компетенциями, представляя переработанную информацию о перспективных технологиях развития микропроцессорной техники, найденную в глобальных компьютерных сетях благодаря навыкам работы с компьютером, освоению способов получения и хранения информации.

Далее проектируются оценочные средства. Формой проверки знаний может быть тест. Умение разрабатывать алгоритмы программирования встроенных периферийных устройств и программировать на ассемблере может оцениваться только в практической деятельности. В соответствии со стандартом по направлению подготовки это проектно-технологическая деятельность, а оценочное средство формирования профессиональной компетенции – продукт в виде алгоритмов и текстов программ. При необходимости нужно разработать недостающие учебные материалы.

Учебно-методическое обеспечение курса «Микропроцессорная техника» в настоящее время включает:

1. Электронные ресурсы по дисциплине, представленные на сайте кафедры информационно-измерительных систем и физической электроники (http://dfe.karelia.ru): электронный учебник; презентации к лекциям для студентов заочного отделения; методические рекомендации к лабораторному практикуму.

В настоящее время заканчивается содержательное наполнение образовательного модуля «Микропроцессорная техника» в системе дистанционного обучения BlackBoard.

2. Средства оценивания образовательных результатов, представленные двумя типами тестов, имеющих единую базу вопросов.

Тест «Микропроцессорная техника» в системе онлайн-тестирования IQ, содержащий вопросы закрытого типа с одиночным или множественным выбором правильного ответа, предусматривающий режимы самотестирования и контрольного тестирования в присутствии преподавателя.

Игровой тест в жанре квест для самоподготовки к контрольному тестированию. Игровой тест позволяет абстрагироваться от конкретной цели ответов на вопросы и избавиться от психологического напряжения, давая тем самым устойчивую подготовительную базу.

3. Балльно-рейтинговую систему, отражающую достижения студентов в процессе изучения дисциплины. На первой встрече со студентами подробно объясняется распределение баллов между результатами обучения:

- когда и какой суммой баллов будет оцениваться тот или иной вид деятельности студента;
- какие критерии оценки использует преподаватель для устного ответа и при проверке самостоятельной домашней работы на лабораторных занятиях;
- критерии оценки дополнительных видов работ (устное сообщение на лекции, подготовка презентаций, разработка новых лабораторных работ и т. д.).

Для усиления мотивации студентов к освоению дисциплины и стимулирования выполнения всех видов деятельности в установленные сроки применяется балльно-рейтинговая система [2]. В ней предусмотрена система штрафов, а за самостоятельную подготовку дополнительных заданий – поощрения в виде бонусных баллов. Студенты могут набрать 70 баллов за работу в семестре по основным видам деятельности и 30 баллов на экзамене. Выполняя дополнительные задания, можно заработать баллы для получения оценки по дисциплине без сдачи экзамена. Общий рейтинг студента отображается в специализированной автоматизированной информационной системе «Кондуит», являющейся частью комплекса многоплановой поддержки образовательного процесса (см. рисунок) [1].

Хорошо спроектированная компетентностно ориентированная рабочая программа дисциплины позволяет достаточно легко определить и однозначно интерпретировать планируемые образовательные результаты, пути их достижения и способы оценивания, что важно как для преподавателя, так и для учащихся. В большинстве случаев оценочным средством формирования профессиональной компетенции является продукт, оформленный в виде отчета по лабораторной работе, текста программы, схемы, стенда, эссе и т. д.

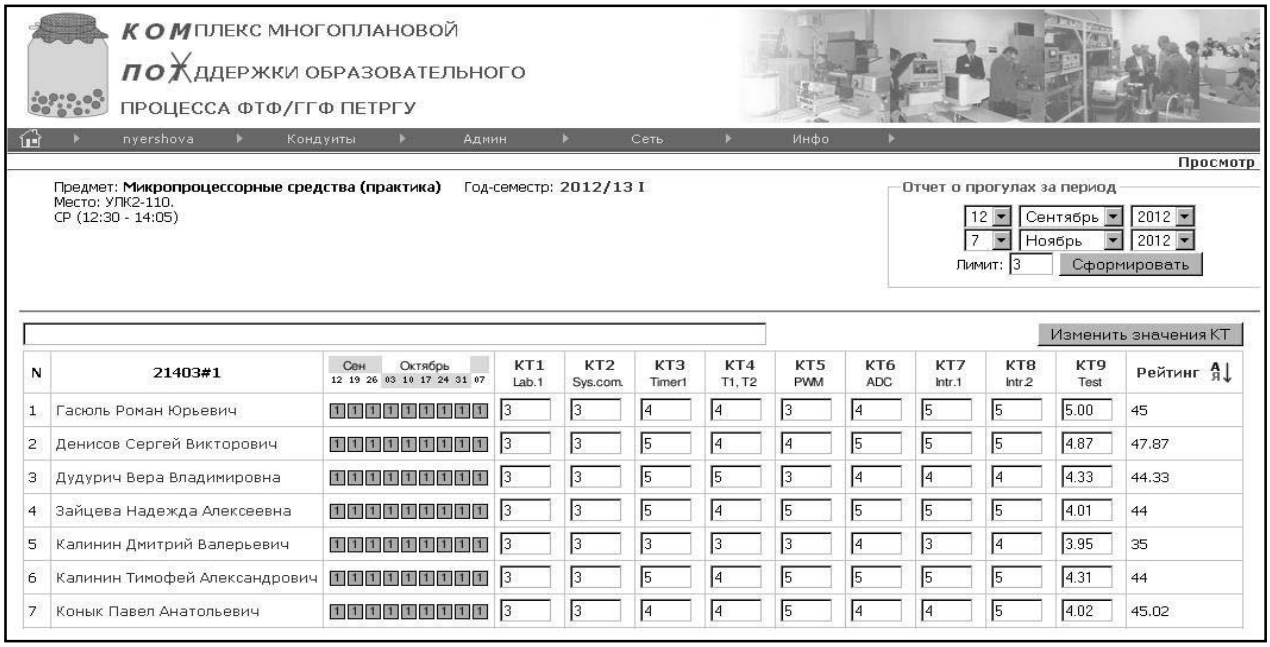
Таким образом, алгоритм проектирования компетентностно ориентированной рабочей программы включает следующие этапы:

1. Формулирование цели и задач дисциплины.

2. Определение места дисциплины в учебном процессе.

3. Выбор из приведенных в стандарте направления подготовки профессиональных и общекультурных компетенций, формируемых как в процессе изучения дисциплины через результаты обучения в виде ЗУН на основе предметного содержания модуля, так и дополнительно к основным как результаты применения соответствующих технологий преподавания и не связанных с предметным содержанием модуля [3].

4. Планирование основного и промежуточных образовательных результатов и определение входных требований для успешного освоения



N	21403#1	Сен / Октябрь 12 19 26 03 10 17 24 31 07	КТ1 Lab.1	КТ2 Sys.com.	КТ3 Timer1	КТ4 T1, T2	КТ5 PWM	КТ6 ADC	КТ7 Intr.1	КТ8 Intr.2	КТ9 Test	Рейтинг
1	Гасюль Роман Юрьевич	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	4	4	3	4	5	5	5.00	45
2	Денисов Сергей Викторович	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	5	4	4	5	5	5	4.87	47.87
3	Дудурич Вера Владимировна	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	5	5	3	4	4	4	4.33	44.33
4	Зайцева Надежда Алексеевна	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	5	4	5	5	5	5	4.01	44
5	Калинин Дмитрий Валерьевич	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	3	3	3	4	3	4	3.95	35
6	Калинин Тимофей Александрович	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	5	4	5	5	5	5	4.31	44
7	Конык Павел Анатольевич	1 1 1 1 1 1 1 1 1	3	3	4	4	5	4	4	5	4.02	45.02

Фрагмент кондуита по дисциплине «Микропроцессорная техника»

дисциплины, включающее уточнение выбранных компетенций, определение показателей и форм оценивания компетенций.

5. Выстраивание модульной структуры и содержательное наполнение модулей.

6. Выбор образовательных технологий, используемых в преподавании.

7. Формирование учебно-методического, информационного и материально-технического обеспечения дисциплины.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершова Н. Ю., Кипрушкин С. А., Соловьев А. В. Практика использования современных педагогических технологий в преподавании компьютерных дисциплин // Открытое и дистанционное образование. 2010. № 1 (37). С. 43–49.
2. Ершова Н. Ю., Назаров А. И., Соловьев А. В. Практика организации учебного процесса с применением специализированных средств сетевого обучения // Материалы V Международной научно-практической конференции «Электронная Казань-2013». 2013. Вып. № 1(11). Ч. II. С. 58–64.
3. Лисицына Л. С., Лямин А. В., Шехонин А. А. Разработка рабочих программ дисциплин (модулей) в составе основных образовательных программ, реализующих ФГОС ВПО: Методическое пособие. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2011. 63 с.
4. Шаблон рабочей программы дисциплины, бакалавриат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petrsu.ru/Structure/EduDep/FGOS.html

---

Yershova N. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ALGORITHM OF ENGINEERING COMPETENCE-ORIENTED WORKING PROGRAMS FOR BACCALAUREATE DISCIPLINES

An algorithm for designing competence-oriented working programs, on the example of a baccalaureate discipline “Microprocessor Technology” mastered in the process of getting a baccalaureate degree in “Computer Science”, is proposed. The importance of orienting on the set of key and professional competences developed by means of the studied discipline is stressed. Considering one of the competences mastered during the course of studies final and ongoing educational outcomes are planned. Efficiency criteria and assessment forms helping to evaluate the level of targeted competency development are proposed. The module structure, topical content of the discipline, educational technologies inclusive of assessment techniques employed in the process of training are presented. A description of the study guide for “Microprocessor Technology” discipline is provided.

Key words: competence-oriented working programs, educational results, assessment means

REFERENCES

1. Ershova N. Yu., Kiprushkin S. A., Solov’ev A. V. Practice of using modern pedagogical technologies in teaching computer sciences [Praktika ispol’zovaniya sovremennykh tekhnologiy v prepodavanii komp’yuternykh distsiplin]. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie* [Open and distance education]. 2010. № 1 (37). P. 43–49.
2. Ershova N. Yu., Nazarov A. I., Solov’ev A. V. The practice of the educational process with the use of specialized tools online learning [Praktika organizastii ychebnogo prostessa s primeneniem spestializirovannykh sredstv setevogo obycheniya]. Proceedings of the V International scientific-practical conference “Electronic Kazan-2013”. 2013. Is. 1 (11). Part II. P. 58–64.
3. Lisitsyna L. S., Lyamin A. V., Shekhonin A. A. Development of the disciplines’ working programs (modules) as part of the basic educational programs implemention GEF VPO [Razrabotka rabochikh programm dictsiplin (moduley) v sostave osnovnykh obrazovatel’nykh programm, realizuyushchikh FGOS VPO]. St. Petersburg, SPbGU ITMO Publ., 2011. 63 p.
4. Shablon raboghey programmy distsipliny, bakalavriat. Available at: http://petrsu.ru/Structure/EduDep/FGOS.html

Поступила в редакцию 13.06.2013

Август, № 5 **Социология** **2013**

УДК 393(470.21)

ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА БАРАБАНОВА
аспирант, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
barabu45@gmail.com

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр РАН, профессор кафедры философии и социологии, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ С ПОЗИЦИЙ ЕГО УЧАСТНИКОВ*

Представлены результаты социально-антропологического исследования современного городского погребального ритуала. Исследование выполнено с использованием стратегии case-study на материале похорон жертв одной автомобильной аварии в Мурманской области. Смерть была коллективной, трагической и безвременной, погибли молодые люди. Вследствие этого случай имел общественный резонанс и был связан с участием в погребении большого числа социальных представителей «группы умершего». В качестве основных социальных субъектов – участников погребения выступали семья, учебное заведение, в котором учился погибший, дружеское сообщество. Рассматриваются социальные роли, характер взаимодействия, поведение, оценка ритуальных действий с позиций различных участников. Специфика ритуального сценария была связана с типом смерти, личностью и социальным статусом умершего, возрастным составом участников. Если в традиционной культуре причастность к «группе умершего» определяется статусами родственников и ритуальных специалистов, то в современном городском ритуале она прерывается отношениями, основанными на других социальных связях. По сценарию погребения выявляется структура социального пространства покойного. В рассмотренном случае большую роль играли друзья. Подобно членам семьи, друзья частично оказываются в роли объекта ритуала. Высокая степень интеграции дружеского молодежного сообщества явилась одной из отличительных черт данных похорон.

Ключевые слова: современный городской ритуал, погребение, социальные субъекты

УЧАСТНИКИ ПОГРЕБЕНИЯ

Динамика современных российских погребальных практик до известной степени соответствует общемировым тенденциям, включающим плюрализацию ритуальных форм, совершенствование технологий погребения, распространение кремации, изменение отношения в обществе к смерти и др. [6], [7], [8]. Вместе с тем история погребального обряда в России новейшего времени имеет специфику, связанную, в первую очередь, с формированием в предреволюционный и советский периоды гражданской похоронной обрядности [2], [4]. Распространение гражданского ритуала, его взаимодействие с традиционными народными и церковно-каноническими сценариями породило многообразные симбиотические формы.

Особенности ритуальных сценариев во многом определяются составом и характером взаимодействия их участников. В традиционном погребальном ритуале участники распределяются на условные группы «своих» и «чужих» в зависимости от их причастности к основному объекту – умершему. В «группу умершего» входят родственники, ритуальные специалисты, а также лица, принадлежащие к особым социальным категориям (старшему поколению, нищим и пр.) [1; 196], [3; 97–104].

Исключение родных из числа действующих лиц погребального сценария иногда рассматривается этнографами как свидетельство редукции обряда, сужения сферы бытования (см., например, [5; 99]). Фактически же в процессе трансформации процедур погребения меняется структура посреднического социального пространства, которое в традиционном ритуале включало односельчан, плакальщиц, представителей религиозных институтов. «Достойное» проведение обряда предполагает общественное представительство.

Выделение ритуальной службы в самостоятельную отрасль, в первую очередь коммерческую, отчасти – государственную и муниципальную, особенно усложнило ролевую структуру социального пространства в ситуации погребения.

Выявление состава, характера взаимодействия, поведения участников погребения и стало целью нашего эмпирического исследования. Объектом изучения была конкретная ситуация погребения в г. Апатиты Мурманской области. В результате автомобильной аварии 28 ноября 2010 года погибли четверо молодых людей: три

© Барабанова Л. А., Разумова И. А., 2013

жительницы Кировска и житель Апатитов (рассмотренный случай касался последнего). Это был особый случай, который связан с участием в погребении большего, чем это происходит в ситуациях типовых частных похорон, количества социальных представителей. Для исследования были отобраны представители студенческой группы, администрации университета, дружеской общности, прессы, неформальной молодежной организации. Позиция семьи выявлялась по косвенным данным. Помимо интервьюирования осуществлялся анализ пресс-публикаций, информации социальных сетей, видеоматериала.

ОБЪЕКТ РИТУАЛА: УМЕРШИЙ

Характер данных похорон определялся прежде всего типом смерти. Смерть была коллективной, «неестественной» и «безвременной». Большое значение имело то, что погибшие были членами городской команды КВН и ехали с областного конкурса. Прижизненная включенность объекта погребения в социальные связи является важным фактором, влияющим на состав участников, структуру, оформление ритуала. В целом общественный резонанс был ограничен молодежно-студенческой средой, но погибшие были активно вовлечены не только в общение со сверстниками. В малом городе, процент молодежи в котором достаточно высокий, жизнь многих горожан, во-первых, связана с университетской средой, во-вторых, объединяется вокруг таких культурных мероприятий, как КВН. В силу этого гибель и похороны молодых людей стали событием городского масштаба. Похороны имели публичный характер, получили освещение в местной прессе. Приехали иногородние участники (не родственники), что рассматривается как важный показатель отношения к умершим. Публичность и многолюдность похорон можно отнести к основным признакам рассматриваемого случая: *«...народу было, я такого никогда, если честно, не видела, полгорода было. Молодежь, очень много было молодежи. <...> Ну, во-первых, в газету сразу напечатали, во-вторых, много было разговоров об этом. <...> Если хоть и приезжий человек, он хоть раз все равно был на КВНе, что-то слышал, кто-то что-то рассказывал»* (И1) и т. п.

В целом процедура разделилась на два основных этапа: коллективная панихида в г. Кировске и индивидуальные погребения на разных кладбищах Кировска и Апатитов – по месту жительства погибших. Апатитчанином был один – студент университета. По наблюдению участников, именно ему из четверых погибших уделялось большее внимание на этапе коллективного прощания. Фотокорреспондент, который ранее не был знаком ни с одним из умерших, заметил: *«...то, что мне показалось странным не во всей процессии, а в этом случае, не то чтобы странным, а бросилось в глаза, – это то, по сути, погибло четыре человека, а говорили о смерти одного, который там был известен, занимался КВНом, а все остальные трое погибли и погибли»* (И7). Примерно так высказывались и другие информанты. Это свидетельствует об осознании (или ощущении) чего-то не вполне нормативного, что становится очевидным в случае коллективного прощания: «*…я считаю, что это правильно. Ну, такая ситуация – они погибли вместе и, считаю, что все сделали правильно, и хоронили их вместе, и прощание вместе, да. И тем не менее, что акцент был сделан на Никиту – это было явно*» (И4). По тем или иным причинам представительство одного из умерших на коллективной панихиде оказывается численно большим, и вследствие «перевеса» возникает противоречие между одним из смыслов ритуала погребения («смерть уравнивает») и реальной социальной ситуацией, в которой «вес агента» определяется «символическим капиталом» (П. Бурдье).

Образ умершего всегда идеализирован. Важно, насколько в личности умершего отмечаются конкретные, индивидуальные качества. Погибший единодушно характеризовался в первую очередь свойствами коммуникабельности, активности, талантливости, разносторонности интересов: «*…он был действительно уникальный человек, ему не было двадцати лет, и вся область знала его, и по телевидению показывали, в газетах печатали. <...> ...И вот он очень одаренный человек был*» (И2); «*…он был очень веселый, позитивный, душой компании, его очень любили*» (И3) и т. п.

КВН – главный знак покойного. По мнению информантов, игра была его призванием. Символично, что и гибель связана с поездкой на КВН. Прощание после панихиды сопровождалось аплодисментами, как на похоронах актеров.

СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ РИТУАЛА

Особенность субъектно-объектных отношений в ритуале заключается в том, что на разных его этапах объектом, на который направлены обрядовые действия, выступает не только умерший, но и те, кто входят в его группу, в первую очередь родственники [1; 197]. Члены семьи оказываются более объектом помощи, чем действующими лицами. В рассказах о погребении акцент делается не столько на их действиях, сколько на состоянии. Состояние «ни живы, ни мертвы» в речи молодежи чаще всего обозначается эпитетом «*никакие*». По неписаному правилу, самых близких нельзя оставлять одних и без внимания в период погребальных мероприятий и в последующее время: «*…маму мы не оставляли, каждый день в гости приходили. У нас такие смены были, сегодня вот мы пойдем, завтра другие... приходили, спрашивали, чем помочь, потому что мама никакая была, мы как-то ее, ну, разговаривали с ней, общались*» (И2). Со-

стояние родителей, особенно матери умершего, было самым сильным впечатлением участников от всей процедуры: «*…на кладбище, когда были последние прощания самые, там мама, ну, у нее истерика, можно сказать, случилась, она кидалась, не хотела отпускать, кричала, рыдала, ее как-то попытались там подойти, успокоить, но там решили, что не надо, чтобы мама выплакалась, чтобы уже отпустила человека*» (И1). Организаторы погребения отмечали, что родители «*были не в состоянии общаться*» с ними.

Необходимость избавить родных от хлопот мотивируется большой эмоциональной нагрузкой, которая усиливается при столкновении с бюрократическими и ритуальными службами, формально выполняющими свои обязанности: «*И отношение у самих работников такое: мы вот вам все делаем, а вы неблагодарны, когда ты в таком состоянии, ты еще должен этим всем заниматься, это очень сложно. Нагрузка эмоциональная ужасная*» (И1).

Участники погребения вольно или невольно примеряют ситуацию на себя и смотрят на происходящее с позиции родственников умершего. Это позволяет увидеть самые проблемные аспекты проведения погребальных мероприятий. В данном случае одну из проблем составляет соотношение публичности и интимности в процедуре погребения. С одной стороны, массовый характер похорон – знак уважения к покойному, присутствие на похоронах призвано поддержать близких. Например, говоря о состоянии отца, один из информантов – друзей погибшего не без удовлетворения заметил: «*…он не ожидал, что у Никиты столько много друзей, столько знакомых, которые собрались и помогали во всем*» (И2). С другой стороны, многолюдность мешает родным проститься с умершим и выразить горе без посторонних. По этому поводу у некоторых присутствовавших возникала рефлексия: «*И как бы, не знаю, мне такая публичность показалась чрезмерной. Потому что это очень личное, и хоть они таким образом и высказали свое... свою скорбь, но тем не менее мне кажется, что мальчик молодой, и у него друзья, естественно, все – молодежь, это больше их выражение. А со стороны родственников, ну, как мне показалось, наверное, неоднозначно было воспринято, ну это личное, и мне кажется, что это должно быть приватно все, нежели общественно. Хотя такая двоякая ситуация*» (И4). Вопрос о допустимости и границах публичности касается освещения смерти и похорон в печати. Как пояснил корреспондент городской газеты, его издание исходит из того, «*чтобы лишний раз там не травмировать родных*» (И7).

Неоднозначно оценивалась и коллективность панихиды. Размышляя над этим вопросом, информанты склонялись скорее к тому, что похороны должны быть индивидуальными: «*…мне сложно судить, насколько в каких отношениях они* (погибшие в аварии. – *Л. Б., И. Р.*) *были до этого, но если бы я это организовывал, я бы организовал отдельные штуки. То есть мне не критично, я не особо протестую против этого, но тем не менее вот я бы сделал раздельные похороны*» (И7). Индивидуализация погребения предполагает разделение участников по группам эксклюзивных представителей каждого погибшего, а ядро таких групп составляют родственники. Между тем причастность к «группе умершего», определяемая юридическими или фактическими статусами родственников, во многих случаях прерывается отношениями, основанными на других социальных связях: дружеских, коллегиальных, субкультурных.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО УМЕРШЕГО: ОРГАНИЗАЦИЯ

Коллективность смерти сказалась не только на массовости погребального мероприятия, но в первую очередь на его сценарии. Были организованы общая панихида, общее отпевание всех четверых погибших. Для проведения панихиды был выбран Дворец культуры г. Кировска. Местом работы трех погибших было ОАО «Апатит», местом учебы четвертого – Кольский филиал ПетрГУ. Между этими организациями распределились функции по проведению похорон. Степень участия зависела как от числа погибших, так и от социально-экономического статуса организаций. Большую часть расходов и видов деятельности взял на себя комбинат при участии университета. Распределение обязанностей является неформальным. Участие учреждений в погребении квалифицируется законом[2] и рассматривается населением как «помощь» семье и близким умершего. Это помощь прежде всего материальная и организационная. Представители организаций выполняют роль посредника взаимодействия семьи с теми, кто непосредственно осуществляет юридическое и ритуальное обеспечение похорон: государственными учреждениями, ритуальными службами, при необходимости – с церковью. Специалист по связям с общественностью КФ ПетрГУ определила главные моменты такого посредничества со стороны ОАО «Апатит»: *«... она как большая организация брала на себя всю основную организацию похорон. Они организовывают прощание, они организовали батюшку, они организовывали поездки, они организовывали кладбище»* (И5). Посредническая помощь выражается в конкретных действиях: «связались», «ходили», «ездили», «писали служебные записки», «заказывали», «созванивались» и т. д. В случае коллективного ритуального мероприятия организациям приходится дополнительно согласовывать свои действия: *«Нужно было скоординировать свои действия с комбинатом “Апатит”. Одно дело, когда это свой человек,*

и ты ни от кого не зависишь, и не надо ни с кем вот это вот согласовывать, просто делаешь это для своего человека и все» (И6). Отметим это разделение погибших на «своих» и «не своих» – по признаку корпоративной принадлежности. Учебное заведение приняло на себя обязанности в отношении семьи «своего» погибшего: *«…я беседовала с организатором похорон от факультета, они действительно много сделали, они и гроб заказали, и крест, всю эту атрибутику, и со справками помогли, чтобы родные Никиты меньше бегали»* (И5). Представители университета обеспечили информацию в прессе.

Внутри учреждения учитывается место умершего в организации: обязанности распределяются по степени близости к объекту погребения. Имеют значение структурное подразделение, статус. Так, работники организационного отдела университета не ездили на кладбище, в отличие от представителей факультета и кафедры. Распределение функций и положение умершего в организации позволяют им это. Ситуация типична для городских похорон: участники условно делятся на тех, кто приходит только на панихиду, и тех, кто едет на кладбище. Среди первых многие испытывают потребность оправдаться (как заметила одна из информантов, это «*морально тяжело*»). Присутствие на кладбище – знак особого уважения, близости к умершему и его родным, свидетельство неформальных отношений или особого переживания «долга». Место проведения панихиды, кладбище, место поминок в день похорон – это три ритуальных пространства, различающиеся по степени публичности – приватности. Представитель факультета пояснила, что *«именно поминками уже занимались родственники, потому что это очень личное дело. Мы туда, значит, были приглашены как люди, которые знали его очень хорошо*» (И6). Ритуальное обережное предписание не приглашать на поминки (как и на похороны) чаще не соблюдается. Тем более это относится к поминкам, которые проводятся в частном доме, квартире. Приглашение в особенности требуется для участников, недостаточно знакомых с родственниками умершего, поскольку они были связаны с ним в основном по роду деятельности. В более поздние сроки умерших принято поминать на месте работы, учебы: «*…в годовщину мы ставим у себя на факультете фотографию с цветами в знак того, что мы о нем помним*» (И6).

Участие большого числа субъектов-организаторов минимизировало деятельность семьи, особенно на подготовительном этапе погребения. Момент получения известия о смерти и первый отрезок времени, непосредственно приближенный к нему, – это критическая фаза для живых. Именно в это время необходим модератор, который если и переживает утрату, то не столь остро, как близкие. Он призван стабилизировать ситуацию, для начала – определить действия по ее упорядочению: «*Мы об этом узнали утром, когда мы пришли на работу. Для нас это было, конечно, ужасно, вот первые, наверно, где-то полчаса мы не знали за что хвататься, вот, так-то, действительно, шоковое состояние, потому что мы все его хорошо знали, такой человек. Ну, потом уже связались с родственниками… спросили, что, чем мы можем конкретно помочь, вот, сами уже начали у себя на факультете, значит, обмениваться информацией, как и что, так как каждый из нас через это проходил, чтобы вычленить какую-то последовательность действий*» (И6).

Виды деятельности по обеспечению похоронного ритуала разнообразны: от литературной (написание некролога) до физической (для переноски погребальной утвари требуется мужская сила). Хлопоты, связанные с организацией погребения, оцениваются представителями учреждения как «неприятные». И не только потому, что они связаны с горестной ситуацией, но и в силу сложности бюрократической процедуры: «*…везде, значит, все строго для людей, которые работают в этих службах, это рутина, их можно понять, потому что, если вникать в каждого, то с ума можно сойти*» (И6). По мнению информантов, у тех, кто по роду занятий выполняет ритуальные функции, должно отсутствовать эмоциональное восприятие погребения. Вместе с тем положительная оценка действий ритуальной службы основывается на том, что работники проявили неформальное отношение к клиентам: сотрудница фирмы дала для связи свой личный номер телефона; когда возникли проблемы со сменой гроба и с отсрочкой оплаты, в фирме «*пошли навстречу*». Если речь заходит о «своем» случае, от служащих требуют не столько соблюдения профессиональных нормативов, сколько «понимания». Рутинизация и стандартизация процедур оформления кончины и погребения являются обязательными условиями сглаживания критической ситуации смерти, травмирующей непосредственно или опосредованно. Убеждение в стандартности действий служит психологической защитой тем, кто занимается организацией похорон: «*В мои задачи входит, понятно, что все печально, грустно и нелегко дается, такие вещи. Но я пытаюсь абстрагироваться… Поэтому нельзя сказать, что что-то запомнилось, все было, как всегда, стандартно»* (И5). Стандартность представляется информантом в виде своеобразной последовательности действий и атрибутов похорон: «*…это куча людей, слезы, отпевание, погрузка в машины и поездка на кладбище*».

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО УМЕРШЕГО: ДРУЗЬЯ

Одной из отличительных черт рассматриваемого случая является высокая степень интегра-

ции дружеского молодежного сообщества. Друзья принимали деятельное участие в ритуальных мероприятиях на всех этапах, оказывали организационную, финансовую, психологическую помощь семье погибшего. Четкое взаимодействие в дружеской сети было обеспечено современными средствами коммуникации. Территориальная отдаленность места аварии, которая произошла на трассе около Мурманска, почти не повлияла на скорость распространения известия о смерти благодаря мобильной связи и социальным сетям. Информационные сети сыграли большую роль в координации действий молодых участников погребально-поминальных мероприятий. Они способствовали четкому взаимодействию: «связались», «созвонились», «договорились». Сетевые возможности были широко использованы для выражения скорби друзей и знакомых умершего. К специфическим способам можно отнести, в частности, обращение к умершему через страницу в социальной сети «ВКонтакте», выставление фото умершего на аватаре. Многие размещали фотографии, на которых они запечатлены вместе с погибшим.

Согласовав свои действия через социальную сеть, друзья погибшего провели спонтанную панихиду. *«Это был какой-то сабантуйный митинг, через социальные сети они как-то договорились»*, – заметил один из наблюдателей, знакомый с ситуацией, но не с умершим и его друзьями. Стихийная гражданская панихида составила своеобразную альтернативу аналогичному официальному мероприятию, включенному в сценарий общественного прощания. «Митинг» проводился на площади перед Дворцом культуры г. Апатиты. На него была приглашена мама покойного. Местное телевидение осветило данное событие в хронике новостей. Несанкционированное собрание привлекло внимание милиционеров, но, узнав причину, они не стали ему препятствовать.

По сценарию погребения выявляется структура социального пространства покойного, которая может быть представлена как система взаимно пересекающихся кругов: друзья детства, одногруппники, одноклассники, члены команды КВН и причастные к ней лица, коллектив учебного заведения и др. Центральные позиции в этой сети заняли КВНщики. Особенность ситуации одновременных похорон сказалась на том, что некоторым присутствующим пришлось или разделиться на этапе индивидуального погребения (на кладбище) и поминовения, или распределять время между участием в мероприятиях, которые проводились в близлежащих городах. Это были в основном члены круга КВНщиков, хорошо знакомые со всеми погибшими.

На похоронах достаточно четко обозначены границы между «близкими» и «дальними», «своими» и аутсайдерами. Работник прессы признался, что не принес цветы на прощание, поскольку находился там по заданию редакции и не был уверен в этичности этого действия. Таким образом, разграничиваются личное и служебное участие в погребении. Рассказывая о реакции в университете на событие, представитель студенческой группы заметил, что «*на похороны они тоже пришли*». Имелись в виду преподаватели и работники кафедры и факультета – официальное представительство, противопоставленное «нам» – дружескому, студенческому, молодежному сообществу. Выстраивается определенная иерархия, соответствующая сложной системе социальных связей умершего, включая шкалу по степени знакомства. Она накладывается на традиционное разделение участников погребения на родственников и остальных. Взаимную ревность неродственников, их скрытое соперничество по поводу того, кто ближе был умершему, можно наблюдать, в частности, по поминальным речам и их оценке. К устойчивым формам выражения и демонстрации статусов относятся очередность прощания, пространственное размещение участников церемонии, последовательность ритуальных речей и т. д. Друзьями покойного ритуальная регламентация поведения воспринимается как избыточная, ненужная, хотя и неизбежная («*ничего тут не сделаешь*»). Дружеские отношения предполагают неформальную связь с умершим и не терпят «процедурности». Признавая функциональные обязанности работников кладбища, друзья тем не менее испытывают потребность собственноручно хоронить умершего: «*…рабочие начали закапывать, но мы их в сторону и сами начали закапывать, насколько сил хватило, кое-как закопали его, сделали, я не знаю, как это называется, чтобы красиво было*» (И2).

Подобно членам семьи, друзья частично оказываются в роли объекта ритуала и сами нуждаются в поддержке. Об этом свидетельствуют описания их эмоционального потрясения. Острота восприятия ситуации связана с возрастом данной категории участников похорон. Многие из них впервые столкнулись со смертью близкого человека и впервые оказались на погребении, то есть в роли, характерной для старшей возрастной группы. Все молодые участники подчеркивали, что они поддерживали и утешали друг друга. В ситуации утраты общность должна быть сплоченной. Если с позиций сторонних наблюдателей, официальных организаторов и лиц, для которых ритуальная процедура более или менее привычна, достойное погребение отличает «*четкая организация*», то с позиции близких или тех, кто впервые были на похоронах, *«все зависело не от того, насколько все организовано хорошо, а насколько люди чувствуют хорошо. Чувство вот такого вот сплочения, да. И так как чувствовалось вот это единение, я считаю, что именно по этому критерию похороны прошли хорошо»* (И4).

* Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Погребально-мемориальная культура “советских” городов в XX – начале XXI вв.».

ИНФОРМАНТЫ

И1 – женщина, 1991 г. р., подруга детства.
И2 – мужчина, 1985 г. р., друг по молодежному объединению КВН.
И3 – мужчина, 1990 г. р., соученик по университету.
И4 – женщина, 1990 г. р., знакомая, работник редакции.
И5 – женщина, 1985 г. р., специалист по связям с общественностью.
И6 – женщина, 1982 г. р., заведующая лабораторией факультета.
И7 – мужчина, 1989 г. р., корреспондент городской газеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Индексами обозначены информанты, тексты которых цитируются в статье, их статусы указаны в списке.
[2] Федеральный закон от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле (с изменениями и дополнениями)» // Гарант. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/105870/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
3. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
4. Соколова А. Похороны без покойника // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.
5. Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (Традиции и процессы обновления). Ижевск: Удмуртия, 1984. 128 с.
6. Kawano S. Nature’s Embrace: Japan’s Aging Urbanites and New Death Rites. Honolulu: University of Hawaii Press, 2010. 240 p.
7. Howarth G. Death and Dying: a sociological introduction. Cambridge: Polity Press, 2007. 312 p.
8. Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63. P. 123–145.

Barabanova L. A., Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russian Federation)
Razumova I. A., Kola Science Centre of RAS, Kola Branch of Petrozavodsk State University (Apatity, Russian Federation)

CONTEMPORARY FUNERAL RITUALS AND INVOLVEMENT OF MOURNING PARTICIPANTS

The paper provides some results of the social-anthropologic study concerning contemporary urban funeral rituals. The research uses case-study strategies. The case in focus is a funeral ceremony of the car crash victims in Murmansk region. This collective tragic death of the group of young people had a deep public resonance, which can be explained by a versatile social representation of the funeral participants associated with the “group of the deceased”. The main participants of the funeral were family members, friends, and representatives of the educational institution where the deceased studied. The paper analyzes social roles, relations, behavior, and assessment of ritual actions from the perspective of involved participants. A specific character of the ritual scenario was associated with the type of death, personality, social status of the deceased, and participants’ age. In traditional culture, family members and funeral experts determine representation of the “deceased person” during funeral ceremony. In contemporary funeral ceremony other social relations defined this representation. The funeral scenario reveals the structure of social space that used to exist around a deceased person. In the studied case, friends of the deceased made up the biggest part of the group of mourners. Together with the family members, friends of the deceased became a part of the funeral ritual. A high degree of integration among mourning friends was one of the distinguishing features of this funeral procedure.

Key words: modern urban ritual, burial, social subjects

REFERENCES

1. Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoy cul’ture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Rituals in Traditional Culture: the structural-semantic Analysis of the East Slavs’ Rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 240 p.
2. Polishchuk N. S. Rite as a Social Phenomenon (Evidence from “Rot Funeral”) [Obryad kak sotsial’noe yavlenie (na primere “krasnykh pokhoron”)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1991. № 6. P. 25–39.
3. Sedakova O. A. *Poetika obryada. Pogrebal’naya obryadnost’ vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [Poetics of the Rite. Funeral Ritualism of the East and South Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 320 p.
4. Sokolova A. *Pokhorony bez pokoynika* [Funeral without Defunct]. *Antropologicheskiy Forum*. 2011. № 15. P. 187–202.
5. Khristolyubova L. S. *Semeynye obryady udmurtov. (Traditsii i protsessy obnovleniya)* [Family Rites of the Udmurts (Traditions and renewal processes)]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1984. 128 p.
6. Kawano S. Nature’s Embrace: Japan’s Aging Urbanites and New Death Rites. Honolulu, University of Hawaii Press, 2010. 240 p.
7. Howarth G. Death and Dying: a sociological introduction. Cambridge, Polity Press, 2007. 312 p.
8. Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63. P. 123–145.

Поступила в редакцию 15.03.2013

Август, № 5 **Социология** **2013**

УДК 316.354:353

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРОВСКАЯ
кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социальной работы факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
julia_petrovskaya@yahoo.com

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ПЕТУХОВА
студентка 4-го курса факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Irochka_kem@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Представлен анализ теоретических подходов к изучению социального капитала детей-сирот, а также результаты эмпирического исследования, нацеленного на анализ влияния социального капитала на социальную адаптацию в условиях сиротского учреждения (на примере Республики Карелия) и, как следствие, на социальную безопасность в целом. В рамках исследования проведено анкетирование 180 детей, воспитывающихся в 14 детских домах республики, а также структурированные интервью с директорами образовательных учреждений для детей-сирот. На основе результатов исследования предлагаются рекомендации по профилактике социального сиротства, а также по совершенствованию адаптационной работы с детьми в условиях сиротского учреждения.

Ключевые слова: социальная безопасность, сиротство, социальный капитал

По мнению ряда ученых, одним из критериев социальной безопасности является недопущение деградации социальной структуры: как ее нивелирования, так и развития процессов поляризации, маргинализации и люмпенизации; обеспечение устойчивой социальной структуры при нормальной вертикальной и горизонтальной социальной мобильности; поддержание адекватной системы ценностных ориентаций и культуры общественного поведения.

Достижение названных критериев возможно при условии нормальной социализации и адаптации членов общества. Состояние социальной дезадаптации отдельных категорий граждан, в первую очередь молодого и подрастающего поколения, представляет собой угрозу стабильности и развитию общества.

В настоящее время система учреждений для детей-сирот построена таким образом, что не позволяет сформировать у ребенка необходимый социальный опыт, обеспечивающий его полноценную социализацию, развитие и взаимодействие с социальной средой. Многие выпускники детских домов с трудом адаптируются в обществе, подвержены высокому риску социальной дезадаптации и девиантного поведения с воспроизведением моделей деструктивного поведения в последующих поколениях.

В России число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2011 году составило 654,4 тыс. человек. По данным Отдела опеки и попечительства Министерства образования Республики Карелия, на 1 января 2012 года общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 2826 человек. В Республике Карелия 14 образовательных учреждений для детей-сирот; по состоянию на 1 января 2012 года на воспитании в них находится 595 детей.

Авторами статьи было проведено эмпирическое исследование на тему «Социальный капитал как инструмент социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» на базе всех детских домов Республики Карелия. Исследование включало в себя анкетирование детей в возрасте от 10 до 18 лет и глубинные интервью со специалистами детских домов.

Отбор детей-сирот для анкетирования осуществлялся методом доступного массива. Выборка составила 40 % от генеральной совокупности. Большинство респондентов – мальчики (60 %). Их средний возраст составил 14,4 года. Наибольшим количеством респондентов представлены возрастные группы 12–13 лет и 15–16 лет. Примерно 85 % опрошенных имеют родителей и систематически поддерживают с ними отношения, несмотря на факт проживания в детском доме.

Для понимания и интерпретации данных, полученных в ходе анкетирования, использовались различные теоретико-методологические подходы, в первую очередь концепция социального капитала, а также теоретические подходы классиков социологии и психологии к процессу социальной адаптации. Важным методологическим инструментом при анализе причин социальной дезадаптации детей может послужить

© Петровская Ю. А., Петухова И. С., 2013

теория социального капитала [1], [4], [5], [6]. В нашей работе особое внимание уделено способам формирования, накопления и активизации социального капитала детей.

Социальным капиталом можно называть совокупность социальных связей и отношений, взаимодействий, контактов, а также накопленных взаимных ожиданий определенного поведения от вовлеченных в эти связи людей и их определенных взаимных обязательств [1]. Понятие социального капитала связывается исследователями прежде всего с социальными отношениями, которые могут послужить источником, ресурсом для получения индивидами выгод. Объем социального капитала, которым располагает конкретный ребенок, зависит от количественного и качественного состава сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического и человеческого), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан.

Американский социолог Дж. Коулман особо выделяет возможность влияния социального капитала на создание человеческого капитала в последующих поколениях [1]. Социальный капитал в семье и в обществе играет определенную роль в создании человеческого капитала в подрастающем поколении. Несомненно, что эта характеристика социального капитала связана с его функцией обеспечения стабильности и безопасности современного общества.

Наиболее распространенную форму накопления и использования социального капитала представляет семья. С другой стороны, в ней же наиболее часто возникают проблемы, связанные с использованием социального капитала, с его дефицитом. В частности, именно в семье недостаток доверия и тесноты духовных связей между детьми и родителями предопределяет те условия, которые ведут к появлению феномена социального сиротства. У детей-сирот ситуация усугубляется не только тем, что оба или один родитель ребенка физически отсутствует, что у детей не сформированы прочные и тесные связи с семьей, но также и самим фактом проживания ребенка в сиротском учреждении, что ограничивает его социальные контакты.

Социальный капитал в рамках образовательного учреждения для детей-сирот можно разделить на три структурные составляющие: финансовый капитал, человеческий капитал и собственно социальный капитал [1].

Финансовый капитал измеряется материальным обеспечением детского дома или теми средствами, которые государство выделяет на обеспечение воспитанников. Финансовый капитал способствует созданию в учреждении условий для полноценного развития, обеспечивает финансовыми ресурсами на приобретение продуктов питания, лекарственных средств, одежды, оплату проезда и др.

Другой составляющей социального капитала является капитал человеческий. Важно сказать, что у воспитанников детского дома существуют сбои с процессом взаимной передачи человеческого капитала, так как они не могут в полной мере перенимать человеческий капитал родителей и персонала детского дома.

Социальный капитал сиротского учреждения можно рассматривать на двух уровнях: как внутренний и как внешний социальный капитал. Внешний социальный капитал детского дома складывается из взаимодействия учреждения с основными социальными институтами. Внутренний социальный капитал сиротского учреждения составляют отношения воспитанников между собой и с персоналом детского дома.

Измерение социального капитала опирается на исследование доверия в группах, сети социальных контактов индивида, статуса индивида в группе. Особенностями измерения социального капитала занимаются, в частности, Дж. Л. Твигг и К. Шектер, В. В. Радаев, Г. Л. Воронин [7]. Общий анализ опыта изучения социального капитала в массовых опросах позволил нам выделить его структуру и наполнить ее индикаторами: включенность в общественные организации, группы (участие ребенка в кружках, секциях, мероприятиях); доверие; солидарность (отношения воспитанников в детском доме, готовность к совместным действиям); информация и коммуникация; размер человеческого, экономического и культурного капитала; социальное самочувствие ребенка.

По результатам эмпирического исследования, чаще всего дети-сироты поддерживают близкие и прочные отношения с родными братьями и сестрами (81 % опрошенных). Больше половины детей поддерживают отношения со своими родителями (62 %). Эти семейные связи могут рассматриваться как одно из важнейших условий обмена человеческим капиталом для накопления капитала социального.

Среднее количество людей, которых дети причисляют к своему ближайшему окружению, – 5,7 человека. К этим людям чаще всего относятся воспитатели, братья и сестры, родители, близкие друзья. На вопрос «К кому ты чаще всего обращаешься за помощью?» 37 % ответили «Воспитатели», 28 % обращаются за помощью к друзьям, 13 % – к родным (родители, брат, сестра, близкие родственники). Нередок такой ответ: «Я самостоятельно справляюсь с возникающими трудностями». Дети-сироты быстро формируют привязанности к другим людям. Специалисты отмечают, что дети охотно строят диалог с посторонними людьми с целью «извлечения выгоды от отношений».

Характеризуя коммуникации и информацию как индикаторы социального капитала, необходимо сказать, что дети-сироты хотя бы пару часов в день уделяют чтению книг, газет, журналов. 97 % детей ежедневно просматривают различные телепередачи по телевизору, 68 % активно пользуются сетью Интернет для получения информации и общения с внешним миром.

Характеризуя уровень доверия детей-сирот, важно сказать, что 89 % доверяют личные тайны и переживания только очень близкому кругу лиц.

Одним из индикаторов измерения социального капитала является характеристика отношений ребенка-сироты со школой и лечебными учреждениями как важнейшими общественными институтами, с учителями и врачами. Детям было предложено выбрать утверждение, которое наиболее полно характеризует эти отношения. 34 % выбрали утверждение «Я могу с уверенность сказать, что учителя никогда не допускают ошибок. Я могу полностью доверять той информации, которую я получаю на уроке». 35 % опрошенных «замечали» ошибки учителей, но не придали этому большого значения. И лишь 2 человека ответили, что они вообще не слушают учителей и не придают полученной в ходе урока информации значение. 53 % воспитанников выбрали утверждение «Я могу с уверенностью сказать, что в больнице меня хорошо лечат, дают хорошие лекарства, которые приносят только пользу моему здоровью». 39 % с осторожностью относятся к получаемой медицинской помощи, но все же при возникающей необходимости обращаются за ней. 8 % отвечающих предпочитают не обращаться за медицинской помощью и лечиться самостоятельно.

Вопрос о самочувствии воспитанников получил противоречивые ответы со стороны специалистов и детей-сирот. С одной стороны, 85 % детей не жалуются на свое здоровье, редко болеют, а если и случаются какие-то недомогания, то они не вызывают каких-либо нарушений в физическом развитии. В то же время все директора детских домов заключают, что среди воспитанников их детского дома только 1–2 человека можно назвать абсолютно здоровыми. Как правило, дети, оставшиеся без родительского попечения, имеют отягощенную наследственность, состоят на учете у психиатра и нарколога.

Анализируя духовный капитал детей-сирот, необходимо упомянуть такие его индикаторы, как отношения с церковью как важным социальным институтом общества, а также участие ребенка в кружках, секциях и идентификация себя с той или иной субкультурой. 69 % детей-сирот отмечают, что верят в существование Бога. Только 17 % воспитанников детских домов причисляют себя к какой-либо субкультуре. Положительным является то, что 62 % детей регулярно посещают различные кружки и секции.

Примерно половина воспитанников детских домов считают, что у них нет авторитета среди сверстников. 60 % респондентов отмечают, что они обладают харизмой, талантом общения с другими людьми. Важно сказать, что это играет существенную роль в процессе активизации социального капитала, так как не только наличие социальных связей имеет для актора значение, но и его субъективное отношение к построению этих связей.

Характеризуя экономический капитал ребенка-сироты, скажем, что 84 % детей отмечают, что они имеют место, где могут подготовить домашние задания, дети обеспечены учебниками и школьными принадлежностями. Именно в этом заключается основная функция сиротского учреждения как опекуна. Парадоксально, что именно факт государственного обеспечения провоцирует основные проблемы социальной адаптации детей-сирот, формирует у ребенка иждивенческое отношение ко всем основным институтам общества.

Примерно у 50 % детей есть свои «карманные» средства, которые они получают от родителей и ближайших родственников.

Важным индикатором измерения социального капитала является субъективное чувство безопасности актора. 97 % детей уверены в своей безопасности, посторонней защите в лице сиротского учреждения и его персонала.

И наконец, для оценки своего социального самочувствия детям необходимо было выбрать один из предлагаемых вариантов ответа. 28 % респондентов выбрали утверждение: «Я считаю себя оптимистом, на любую ситуацию реагирую положительно, и даже когда случилось что-то плохое, я не унываю и с легкостью прохожу все препятствия». 35 % отмечают, что они в зависимости от ситуации испытывают как положительные, так и отрицательные эмоции. 27 % соглашаются с тем, что совсем не обязательно «строить из себя весельчака», если есть какие-то трудности.

В эмпирическом исследовании также приняли участие директора 14 детских домов республики. Главной задачей проведения интервью среди директоров является измерение роли сиротского учреждения в накоплении и активизации социального капитала детей-сирот. Директора отмечают, что на базе детских домов организовано множество кружков, секций. Дети участвуют в различных мероприятиях, проводимых в масштабах детского дома, города, республики. Все дети живут в детском доме, ежедневно взаимодействуя с другими воспитанниками и персоналом. Детский дом организует праздники и вечера встреч детей с близкими родственниками. Учреждение обеспечивает функцию накопления

экономического капитала ребенка, организуя учебное место, обеспечивая ребенка школьными принадлежностями, осуществляя контроль над процессом обучения.

Возникает вопрос: почему после выхода из детского дома дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют большие трудности в процессе постинтернатной социальной адаптации? Это связано прежде всего с самим фактом проживания ребенка в сиротском учреждении, с тем, что в детском доме у детей возникают конфликтные ситуации, и они не могут сформировать длительные и прочные отношения с окружением.

На наш взгляд, результаты исследования показывают необходимость привлечения сети родственных связей к активному взаимодействию с детским домом по вопросам воспитания детей-сирот. Безусловно, взаимодействие ребенка со своей семье способствует накоплению социального капитала детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Но важно помнить, что сам факт нахождения ребенка в сиротском учреждении подтверждает отсутствие прочных, близких и доверительных детско-родительских отношений, что провоцирует проблемы социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим видится острая необходимость создания сети поддержки выпускника по окончании детского дома, которая будет своевременно и комплексно оказывать помощь в устройстве ребенка во взрослой жизни.

В последние годы в нашем государстве принято достаточно много социально-экономических мер, направленных на предотвращение сиротства. Но при явном позитивном значении этих мер они не приводят к уменьшению социального сиротства. Пока государство видит причины социального сиротства только в социально-экономическом положении семьи, принимаемые меры оказываются неэффективными.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К о у л м а н Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
2. К у л и Ч. Социальная самость: Пер. с англ. М., 2001. 487 с.
3. B e c k e r G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd ed. L-University of Chicago Press, 1983.
4. F u k u y a m a F. The Great Disruption: Human nature and Reconstitution of Social Orde. N. Y.: Free Press, 1999. 350 p.
5. P u t n a m R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
6. P u t n a m R. The Decline of civil society: How come? So what? // The John L. Manion Lecture, Canadian Centre of Management Development, Ottawa. Ontario, 1996. P. 4–5.
7. S t o n e W. Measuring social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework forresearching social capital in family and community life // Australian Institute of Family Studies. Research Paper. 2001. № 24.

Petrovskaya Yu. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Petukhova I. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOCIAL CAPITAL OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE AS FACTOR OF SOCIAL SECURITY

The analysis of multiple theoretical approaches employed in the course of the orphans' social capital study is presented. Results of the empirical research helpful in the analysis of the effect produced by the orphans' social capital on their social adaptation in conditions of orphanages (on the example of Karelian Republic) and consequently on social security as a whole are provided. 180 orphans from 14 orphanages together with their directors were questioned. Based on the research results a set of recommendations instrumental in prevention of social orphanage and improvement of fatherless children adaptation in conditions of state institutions are proposed.

Key words: social security, orphanage, social capital

REFERENCES

1. K o u l m a n Dzh. Social and Human Capital [Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2001. № 3. P. 121–139.
2. K u l i Ch. *Sotsial'naya samost'* [Social self]. Moscow, 2001. 287 p.
3. B e c k e r G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2nd ed. L-University of Chicago Press, 1983.
4. F u k u y a m a F. The Great Disruption: Human nature and Reconstitution of Social Orde. N. Y., Free Press, 1999. 350 p.
5. P u t n a m R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.
6. P u t n a m R. The Decline of civil society: How come? So what? // The John L. Manion Lecture, Canadian Centre of Management Development. Ottawa, Ontario, 1996. P. 4–5.
7. S t o n e W. Measuring social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life // Australian Institute of Family Studies. Research Paper. 2001. № 24.

Поступила в редакцию 05.06.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 5 **Филология** **2013**

УДК 398

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА МУХИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kareliaptz@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЖАНРОВОЙ ДИНАМИКИ ДУХОВНОГО СТИХА «АЛЕКСЕЙ ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ»*

Духовные стихи – малоизученный фольклорный жанр, по идеологическим соображениям оказавшийся в советское время на периферии исследовательского и читательского внимания. Духовные стихи исследованы недостаточно как в отношении языкового функционирования, так и в отношении различных языковых аспектов имеющихся записей, связей поэтической структуры с речевой манерой сказителей. В статье рассмотрены семантические оппозиции как один из способов реализации жанровой динамики эпического духовного стиха «Алексей человек Божий». В научный оборот вводятся не известные ранее широкому кругу исследователей архивные записи текстов, сделанные в период с 1910 по 1983 год и хранящиеся в Архиве Карельского научного центра РАН. Анализ выявил свойственную оппозитам иерархичность, которая определяется такими признаками, как языковой статус (общеязыковые / текстовые), характер аксиологической оценки (частнооценочные / общеоценочные), мотивация оценки (социальная, эмоционально-экспрессивная, конфессиональная, сугубо нравственная). Анализ материала позволяет сделать вывод о выполнении семантическими оппозициями одной из важных функций – текстообразующей, когда один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, «программирует» появление в нем своего антипода.

Ключевые слова: лингвопоэтика, духовные стихи, семантические оппозиции

В истории науки о русском языке устно-поэтическая речь вызывает неизменный интерес. При обращении к языку фольклора исследователи в разное время ставили перед собой определенные цели и задачи, обусловливающие формулировку проблем, связанных с лингвостилистическим осмыслением устно-поэтической речи. Если на начальном этапе (вторая половина XVIII века) язык фольклора привлекался только для иллюстрации древности языкового факта, то в последующем исследовательская мысль обратилась к проблеме словесной, внешнеязыковой организации различных типов фольклорной речи. Так, на материале русской эпической песни А. Ф. Гильфердингом [6] были впервые намечены важнейшие направления текстологического и стилистико-композиционного анализа фольклорного текста в ходе выделения им типических и переходных мест в структуре былины.

В процессе начавшегося активного стилистического изучения языка фольклора в работах А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и других исследователей все более вырисовывалось жанрово-тематическое варьирование устно-поэтической речи. Именно содержательный и стилистический отбор языковых средств, по мысли А. Н. Веселовского [5], составил генетическую сущность поэтического стиля фольклора в его жанровых разновидностях.

Несмотря на различие подходов в осмыслении и оценке фактов устно-поэтической речи, в истории изучения языка фольклора обнаруживается общая линия – это «постепенное, но неуклонное усиление исследовательского интереса к языку фольклора как к целостной и самобытной системе языка» [14; 12].

Формирование научного подхода к изучению духовных стихов шло вместе с развитием фольклористики как науки. В авангарде разработки научной методики исследования духовных стихов стояло собирательство, достигшее в 30-е годы XIX века небывалых масштабов. Главой собирательского движения был выдающийся фольклорист П. В. Киреевский, первый заметивший наличие характерных черт в произведениях, впоследствии объединенных в жанр духовных стихов. Именно сборник духовных стихов П. В. Киреевского, изданный в 1848 году, послужил толчком к началу научного изучения этих произведений, которое впоследствии шло параллельно с издательской деятельностью.

Позднее, в постреволюционный период, выходили единичные статьи о духовных стихах. Наибольшую ценность представляет вышедшая в 1935 году работа русского эмигранта Г. П. Федотова [16]. Рассматривая стихи с идеологических позиций, исследователь отмечает отклонение некоторых духовных стихов от ортодоксального христианского учения и включение в них языче-

© Мухина Е. А., 2013

ских элементов, которые аргументирует текстовой близостью стихов.

Исследование духовного стиха возобновилось с конца 60-х – начала 70-х годов XX века. В этот период, наряду с изучением генетических истоков, функционирования и текстологии духовных стихов, закладываются основы и лингвистического исследования фольклора.

Несмотря на возрастающий интерес к духовным стихам (работы В. В. Колесова, З. К. Тарланова, С. Е. Никитиной, А. М. Петрова, Е. А. Мухиной и др.), этот жанр устной поэзии исследован явно недостаточно.

Слово, являясь важным инструментом человеческого общения, воздействия, выразителем чувств и эмоций, в фольклоре зависит от отношений и свойств традиции – структур сознания, породивших текст. Смысл слов определяется жанром, местом в тексте, семантическим окружением, это подвижный и вместе с тем единый смысл, который может кратно усиливаться, включаясь в различные стилистические приемы, характерные для устной поэзии.

Контраст является одним из наиболее распространенных и выразительных композиционных принципов в поэтической структуре текста. Будучи по-разному представленным на языковых уровнях, этот принцип выполняет важнейшие содержательно-эстетические функции и определяет построение текста.

Антитеза стала предметом изучения в разных фольклорных жанрах: сказках [4], балладах [9], пословицах [3], [10], хороводных песнях [18], солдатских и рекрутских песнях, былинах [2], [8], духовных стихах [11], [13]. Замечено, что антитеза, служащая созданию художественного единства произведения, выражается не только смысловым противопоставлением понятий, но и использованием лексических, грамматических и синтаксических приемов. Будучи важным стилистическим средством, она выполняет сюжетообразующую, композиционную и характеризующую функции в произведении.

Фольклорная картина мира принципиально строится на различного рода оппозициях, заложенных и в «физической» модели построения макрокосма, и в «психическом» освоении этой действительности. Они реализуются как в условиях микроконтекста, в пределах стиха или параллельных стихов, так и в пределах целого произведения. Главный объект оценки духовного стиха – человеческая душа с ее помыслами и желаниями, поэтому определяющим в произведениях данного жанра является не противопоставление *свое – чужое*, которое свойственно для фольклора вообще, а антитеза *грех – праведность*, по-разному реализующаяся в семантических противопоставлениях конкретного текста и его вариантов. Выявление текстовых оппозиций, установление связи композиционных частей с ними – одна из насущных задач при исследовании духовного стиха.

По признаваемой нами концепции С. Е. Никитиной [12], фольклорная картина мира складывается из элементов трех уровней: досимвольного, слоя символов и наиболее глубинного среза – семиотических оппозиций. Практически любой фрагмент картины мира в духовном стихе ценностно окрашен. *Ад – рай*, *земля – небо*, *грех – праведность*, *богатство – бедность* и т. д. – все занимает свое место в иерархии ценностей. Ценностный мир духовного стиха во многом противоположен ценностному миру традиционного фольклора. Мир духовного стиха – мир разрушенной нормы, мир, лежащий во грехе. Если в традиционном фольклоре богатство – положительная характеристика героя, то в духовном стихе оно, являясь бессильным перед смертью, развращает душу. Отступление от идеальной нормы в духовном стихе – грех, что и определяет главное противопоставление стиха – *грех – праведность*.

В эпическом духовном стихе «Алексей человек Божий», возникшем на основе «Жития Алексея человека Божия» [1], повествуется о судьбе Алексея, который, оставив дом отца, где он ни в чем не нуждался, и новобрачную жену, уходит в пустыню, чтобы посвятить свою жизнь аскезе и молитвам. Через много лет пустынник возвращается в мир, домой, и, живя в келье, продолжает свое подвижничество. Спустя некоторое время Алексей умирает неузнанным и, подобно всем святым, творит посмертные чудеса.

Анализ 10 вариантов духовного стиха (4 из них – записи, хранящиеся в Архиве Карельского научного центра РАН) показал, что центральная оппозиция духовного стиха *грех – праведность* в этом сюжете, исключающем ярко проявляющееся греховное начало противопоставленных Алексею героев, выражена в противоположении *земного, плотско-материального мира святому миру*, находящемуся за пределами обыденности. Как отмечает А. Забияко, «святое, священное – важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая из всего сущего такие явления и состояния, которые в восприятии носителей культуры отмечены особой значимостью, непреходящей ценностью и которые в силу этого требуют к себе благоговейного отношения» [7].

В данном сюжете противопоставление *земного* и *святого* – это противопоставление окружения Алексея и самого главного героя как воплощения святости. Не случайно Алексей называется *божьим человеком*, *Алексеем-светом*. Слово *свет* – «святой» принадлежит к центральным знакам – символам христианской эпохи, для него можно реконструировать значения «увеличиваться», «набухать». Как отмечает В. Н. Топоров, речь идет о том «благодатном возрастании – процветании некоей животворящей субстанции,

которое вело к созреванию *плода* как завершению всего предыдущего развития и прорыву к новому, более высокому состоянию, к вечному рождению, к максимальному плодородию, прибытку. Эта "святость" как образ предельного изобилия скорее всего и была тем субстратом, на котором сформировалось понятие "*духовной*" святости» [15; 480].

Центральная оппозиция духовного стиха представлена рядом различных по характеру субоппозиций. В первую очередь выделяются пространственные оппозиты, являющиеся жанрово обусловленными. Противопоставленность локусов мирян и локусов святого – отображение стремления Алексея отгородиться от плотско-материального мира и посвятить себя служению Богу. Локусы мирян – место рождения Алексея, место проживания его близких – могут иметь конкретные географические ориентиры: *Рим*, *Римское царство*, *Иерусалим* (при цитировании сохраняется орфография и пунктуация источника): «Во славном во граде *Рыме*…»[1]; «Ва славном ва горади ва *Ирусалими*…»[2]

То же наблюдаем при номинации святых локусов: *Индейское царство*, *Ехвес*, *Рим-град*, *земли турецкие*, *Одес-град*, *муромская пустыня*: «Пошел он (Алексей. – *Е. М.*) ко *Индейскому* славному *царству*…»[3]

Противопоставление мирского и святого пространства поддерживается общеязыковыми оппозитами *палаты* (*спальня, почивальня*) – *келья*:

Построил убогому *келью*
По-за́ своей каменной *палатой*…[4]

Святое пространство – место для аскезы, место неустанной борьбы души и тела, духа и плоти. Г. П. Федотов, говоря о своеобразии русского аскетизма, который отличался умеренностью и сводился к посту, физическому труду и бодрствованию, сравнивал борьбу с плотью с длительной осадой [17].

Противопоставление *мирское – святое* также поддерживается в тексте оппозитами *царь – патриарх (владыко)* и выражается описательно, через сопоставление действий героев при обращении к мощам святого:

Царю рукописьмо не далося. <…>
Далось рукописьмо патриарху[5].

Значительная роль в контрастной организации текста отводится признаковым оппозитам: *цветное платье – нищенская одежда*, *риза власяная*, *платье волосенное*, *светлая одежда – черная риза*. Эстетическая оценка является отражением этической нормы: цветное платье – грех, черная риза – праведность:

…Снимал с себя *светлую одежду*,
Надевал на себя *черную ризу*…[6]

Данная оппозиция подкреплена употреблением глаголов-антонимов: *возьми – дай*, *скидывай – одевай*, *снимал – надевал*. Параллельное расположение элементов (что вообще свойственно анализируемым текстам) позволяет наложить друг на друга два образа, чтобы наделить их объемностью и глубиной. Повторение конструкции позволяет связать воедино синтагмы, которые поначалу представляются лишь свободно следующими друг за другом.

В духовном стихе «Алексей человек Божий» находит свое отражение и центральная пространственная оппозиция *земля – небо*. Небо – место обитания высших сил, определяющих судьбу человека. Это локус, характеризующийся положительной оценкой, это то вечное, куда попадают человеческие души. Земля же, наоборот, – место, созданное Богом для жизни, которое имеет скорее отрицательную общую оценку, так как в большей мере сопрягается с материальным, телесным, а не с духовным. Данная оппозиция отражена в анализируемых текстах опосредованно, через субъектно-речевую организацию духовных стихов, отображающую возможность героев апеллировать к высшим силам, которые, в свою очередь, обращаются к обитателям земли:

Он (Ефимьян. – *Е. М.*) и так-то молился со слезами,
Умолял он у господа бога…[7];
Богородица с небес прогласила…[8]

Как отмечает С. Е. Никитина [13], кроме универсальной шкалы *хорошо – плохо*, реализующейся во множестве разновидностей, не менее универсальной является шкала *важно (значимо) – не важно (не значимо)*, на которой для мира духовного стиха основополагающим является противопоставление *вечного* и *временного*. Противопоставление *житья часового житью вековому* пронизывает духовный стих «Алексей человек Божий» и, как правило, выражается опосредованно, через описание тягостного Алексею венчания, поведения героя на пиру, где он в противовес другим *«хлеба-соли не вкушает, медвяного питья да не испивает»*[9]. Бесконечность нежелательного Алексею венчания может быть усилена глаголами в форме прошедшего времени несовершенного вида:

Во Божью церковь их проводили,
Под златыми венцами *стояли*,
Златыми перстнями *обручались*,
Един чуден крест *целовали*,
Весь Божий закон принимая[10].

В одном из вариантов Богородица, обращаясь к Алексею, прямо говорит о тленности, временности земного бытия: «*Не смекай ты житья часового, Смекай ты житье вековое*...»[11].

Итак, семантическая оппозиция может быть охарактеризована как универсальная семиотическая категория, являющаяся специфической для жанра. Этическое пространство духовно-

го стиха отличается от пространства традиционного фольклора: в центре него – душа человека, поэтому и традиционная фольклорная оппозиция *свое – чужое* в духовном стихе выступает как этическая антитеза *грех – праведность*, реализующаяся в текстах в ряде субоппозиций *земля – небо*, *ад – рай*, *палаты – келья* и др.

Описание в духовном стихе земной (телесной) жизни и сакрального (жизни души) инобытия ведет к возникновению противопоставления *значимое – не значимое*, где скоротечность жизни земной антонимична вечной жизни души человека после его смерти.

Для системы семантических оппозиций в духовном стихе «Алексей человек Божий» характерна иерархичность, определяющаяся несколькими признаками:

1) языковой статус: общеязыковые (*небо – земля*, *палаты – келья*) и текстовые (*Римское царство – Индейское царство*, *Рим – земли турецкие*) оппозиты;

2) характер их аксиологической оценки: частнооценочные (*цветное платье / волосенное платье*) и общеоценочные (*палаты – келья*) оппозиты;

3) мотивация оценки: социальная (*царь – патриарх*).

Кроме отображенной в проанализированных текстах социальной мотивации оценки, в духовных стихах находят отражение эмоционально-экспрессивная, конфессиональная, сугубо нравственная оценки. Антитеза духовного стиха выражается не только лексической антонимией, но и грамматическими средствами, усиливающими противопоставление, выраженное содержательно. Семантические оппозиты выполняют как оценочную, воспитательную и просветительскую функции, так и текстообразующую: один из членов оценочной оппозиции, будучи очень существенным элементом в этической картине мира, воссоздаваемой певцом, и употребляясь в тексте первым, «программирует» появление в нем своего антипода.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 134.
[2] Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Т. 2. Л.: Наука, 1986. С. 21.
[3] Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 145.
[4] Тихонов П. Стих об Алексее божьем человеке. Брянск, 1894. С. 5.
[5] Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 134.
[6] Архив Карельского научного центра РАН. Кол. № 28, ед. хр. № 125. Зап. от А. И. Прокопьевой; 9 / VI–1935 г. в с. Сухое Беломорского р-на.
[7] Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1983. С. 138.
[8] Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Издано Императорским Русским географическим обществом, 1894. С. 7.
[9] Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. С. 143.
[10] Стихи духовные. Словеса золотые. СПб., 1912. С. 87.
[11] Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб.: Издано Императорским Русским географическим обществом, 1894. С. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. 516 с.
2. Аншакова С. Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 26 с.
3. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань, 2002. 196 с.
4. Ведерникова Н. М. Антитеза в волшебных сказках // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 66–78.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.
6. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1873. 732 с.
7. Забияко А. Антиномии русского сознания: святое и падшее // Литературная учеба. 1998. № 3. С. 174–193.
8. Климас И. С. Своеобразие лексических категорий в языке фольклора. Курск, 2004. 147 с.
9. Кулагина А. В. Антитеза в балладах // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 79–96.
10. Морозова Л. А. Антитеза в пословицах // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 96–107.
11. Мухина Е. А. Семантические оппозиции в эпическом духовном стихе «Два Лазаря» // Язык как основа этнокультурной идентичности: Материалы науч.-практ. семинара. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 40–47.
12. Никитина С. Е. Семантические категории в словаре языка фольклора // Словарные категории: Сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 87–91.
13. Никитина С. Е. Устная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 188 с.
14. Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Язык жанров русского фольклора: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1977. С. 3–32.
15. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис: Языки русской культуры, 1995. 874 с.
16. Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс: Гнозис, 1991. 192 с.

17. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001. 382 с.
18. Яцунок Е. И. Антитеза в хороводных песнях // Фольклор как искусство слова. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 157–164.

Mukhina E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LANGUAGE EXPLICATION OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS AS REALIZATION WAY OF GENRE DYNAMICS IN SPIRITUAL VERSE "ALEXEY IS A MAN OF GOD"

Spiritual verses belong to the category of under-explored folklore genre. For ideological reasons during Soviet period, this genre was on the periphery of the researchers' and readers' attention. In available records spiritual verses are not studied sufficiently in reference to both their language functioning and to various language aspects. Correlation between the verses' poetic structure and the speech manner of storytellers has not received due and thorough attention either. The present article studies semantic oppositions as one of the ways to realize genre dynamics of an epic spiritual verse "Alexey is a Man of God". Archival records of the texts previously unknown to a wide range of researchers are introduced into the scientific circulation. These records were made during the time period from 1910 to 1983 and stored in the Archive of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The conducted analysis helped to reveal the hierarchy peculiar to the members of oppositions, which is defined by such signs as the language status (common-language / language of the text), the character of axiological assessment (partial estimation / impartial estimation), the assessment motivation (social, emotional and expressive, confessional, deeply moral). The performed analysis of all available materials brings us to a conclusion that semantic oppositions fulfill an important role – the text making function. It happens when one of the members of the assessing opposition, being the very essential element in the ethical picture of the world recreated by the singer, "programs" appearance of his own antipode.

Key words: lingvopoetika, spiritual verses, semantic oppositions

REFERENCES

1. Adrianova V. P. *Zhitie Alekseya cheloveka Bozhiya v drevney russkoy literature i narodnoy slovesnosti* [The life of Alexey the man of God in the ancient Russian literature and folk literature]. Petrograd, 1917. 516 p.
2. Anshakova S. Yu. *Yazykovaya kartina mira v sisteme antonimicheskikh oppozitsiy russikh bylinnykh tekstov. Diss. cand. filol. nauk* [Language picture of the world in the system of antonymous oppositions of Russian epic texts. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2004. 26 p.
3. Bochina T. G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [The style of contrast: Essays on the language of Russian Proverbs]. Kazan', Kazan State University Publ., 2002. 196 p.
4. Vedernikova N. M. The antithesis in the magic fairy tales [Antiteza v volshebnykh skazkakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 66–78.
5. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940. 648 p.
6. Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [The epics of the Onego region, recorded by A. F. Gil'ferding in the summer of 1871]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1873. 732 p.
7. Zabiyako A. The antinomies of the Russian consciousness: the holly and the fallen [Antinomii russkogo soznaniya: svyatoe i padshee]. *Literaturnaya ucheba* [Literary studies]. 1998. № 3. P. 174–193.
8. Klimas I. S. *Svoeobrazie leksicheskikh kategoriy v yazyke fol'klora* [Special features of lexical categories of the folklore language]. Kursk, 2004. 147 p.
9. Kulagina A. V. The antithesis of the ballads [Antiteza v balladakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 79–96.
10. Morozova L. A. The antithesis of the Proverbs [Antiteza v poslovitsakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. P. 96–107.
11. Mukhina E. A. Semantic oppositions in the epic holy verses "Two of Lazarus" [Semanticheskie oppozitsii v epicheskom dukhovnom stikhe "Dva Lazarya"]. *Materialy nauchno-prakticheskogo seminara "Yazyk kak osnova etnokul'turnoy identichnosti"* [Materials of the scientific-practical seminar "Language as a basis of ethnic and cultural identity"]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2007. P. 40–47.
12. Nikitina S. E. Semantic categories in the language dictionary of folklore [Semanticheskie kategorii v slovare yazyka fol'klora]. *Slovarnye kategorii* [The lexical categories]. Moscow, Nauka Publ., 1988. P. 87–91.
13. Nikitina S. E. *Ustnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral culture and language consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 188 p.
14. Tarlanov Z. K. The language of Russian folklore as an object of linguistic studies [Yazyk russkogo fol'klora kak predmet lingvisticheskogo izucheniya]. *Yazyk zhanrov russkogo fol'klora* [The language of genres in Russian folklore]. Petrozavodsk, PSU Publ., 1977. P. 3–32.
15. Toporov V. N. *Svyatost' i svyatoe v russkoy dukhovnoy kul'ture* [The Sanctity and the Holy in Russian spiritual culture]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Gnozis Publ.: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 874 p.
16. Fedotov G. P. *Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual verses. Russian folk belief in spiritual verses]. Moscow, Progress Publ.: Gnozis Publ., 1991. 192 p.
17. Fedotov G. P. *Sobr. soch.: V 12 t. T. 10. Russkaya religioznost'. Ch. 1. Khristianstvo Kievskoy Rusi X–XIII vv.* [Collected works; In 12 vol. Vol. 1. Christianity of Kiev Russia of X–XIII centuries]. Moscow, 2001. 382 p.
18. Yatsunok E. I. The antithesis of the singing and dancing in a ring [Antiteza v khorovodnykh pesnyakh]. *Fol'klor kak iskusstvo slova* [Folklore as the art of an account of the sense of the word]. Is. 3. Moscow, MSU Publ., 1975. № 3. P. 157–164.

Поступила в редакцию 05.03.2013

Август, № 5 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1.09

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАРАСОВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nsova74@mail.ru

ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О НЕКРАСОВЕ: УТОЧНЕНИЕ ТЕКСТА*

Статья посвящена исследованию черновых рукописей «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год и, в частности, записей о Некрасове. В работе рассматриваются графологический и лингвотекстологический аспекты изучения рукописного текста, определяются методологически значимые условия чтения и понимания рукописного текста Ф. М. Достоевского. К ним относятся сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка; исследование пунктуации записи; принцип контекста; установление смысловых противоречий в публикациях рукописей. Анализ материала позволяет восстановить по первоисточникам подлинный авторский текст.

Ключевые слова: творчество Достоевского, текстология, история текста

Текстологическое изучение рукописей Ф. М. Достоевского обнаруживает смысловые ошибки чтения в публикациях рукописного текста, влияющие на понимание авторских идей. Текст многих черновых заметок писателя нуждается в уточнении. Таковы наброски к «Дневнику писателя», объединенные одной темой.

В черновиках к декабрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1877 год появляются размышления о творчестве Н. А. Некрасова, на известие о смерти которого откликается Достоевский. В публикации этих записей дважды встречаем одинаковую ошибку чтения. Печатный вариант первого наброска в академической публикации (далее – *ПСС*):

К чему же тогда страдания его. Значит, борьба за существ<ование> или практический взгляд о «Современнике», всё оправдывает. Выше правды связь его. В таком случае искусство для искусства. Не печальник<а> народного горя, а высшего представителя искусства для искусства [1; Т. 26, 193; здесь и далее подчеркнуто мной. – *Н. Т.*].

В рукописном тексте (в наклонных скобках приводится вписанный Достоевским текст, в квадратных – вычеркнутый, в угловых скобках расшифровывается недописанный текст):

/1) Кчему же тогда страданія его. Значитъ борьба за существ<ованіе> или практическій взглядъ о Современникѣ все оправдываетъ. Выше /правды/ слезъ его. Въ такомъ случаѣ искусство для искусства./ /2) Не печальник<а> народнаго горя, а высшаго представителя искусства для искусства. – /[1].

Вместо существительного «связь» необходимо читать «слезъ»: в слове, написанном Достоевским, нет буквы «я», но имеется сочетание «езъ»; последняя буква не может быть мягким знаком, потому что в ее начертании отсутствует характерный элемент – завиток в ее верхней части, с наклоном вправо: Достоевский пишет «ь», начиная с основного элемента – наплыва, и заканчивает начертание завитком, часто выходящим за границу верхней строки.

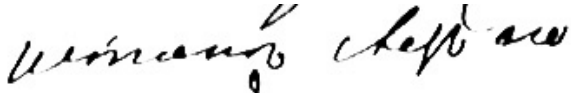
Во втором случае вариант академической публикации следующий:

В чем же главный вопрос, говоря о Некрасове? В том, чтоб поверить его страданию, не актерству, не поэзии, не искусству для искусства (слезный ювелир, слезных дел мастер), но истине. Связь его и страданий его, но чем – я наблюдал, народом очистился [1; Т. 26, 196].

В автографе:

Въ чемъ же главный вопросъ, говоря о Некрасовѣ? Въ томъ, чтобъ повѣрить его страданію, не актерству, не поэзіи, не искусству для искусства (слезный ювелиръ, слезныхъ дѣлъ мастеръ), но истинѣ слезъ его и страданій его, но чѣмъ – я наблюдалъ, народомъ очистился[2].

Здесь также вместо «связь» надо читать «слезъ». Основания для такого исправления те же. В публикации, кроме того, нарушены границы предложения – после слова «истине» поставлена точка, тогда как в автографе запись продолжается (и контекст имеет другой смысл):



К этим графологическим доказательствам новых чтений в обоих случаях прибавляются аргументы «от содержания»: контекст записи и развитие данной темы в окончательном тексте. В обеих черновых заметках присутствует антитеза: «практичность», «актерство», «искусство для искусства» – «страдания», «печальник народного горя», «истина слез». Эта антитеза

© Тарасова Н. А., 2013

объясняет суть проблемы, к которой обратился Достоевский: Некрасов, при его репутации практичного человека, все же, по мысли писателя, был искренним в творчестве. В окончательном тексте эта проблема формулируется так:

Вопрос предстоит прямой: был ли наш Некрасов такой же самый актер, то есть способный *искренно* заплакать о себе и о той святыне духовной, которой сам лишал себя, излить затем скорбь свою (настоящую скорбь!) в бессмертной красоты стихах и назавтра же способный действительно утешиться… этой красотою стихов. Красотою стихов и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стихов как на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу, и употребить эту вещь в этом смысле? <…> удовлетворялся ли поэт стихами своими, в которые облекал свои слезы, и примирялся ли с собою до того спокойствия, которое опять позволяло ему пускаться с легким сердцем в «практичность», или же, напротив того, – примирения бывали лишь моментальные, так что он сам презирал себя, может быть, за позор их, потом мучился еще горче и больше, и так во всю жизнь… [1; Т. 26, 123–124].

На предыдущем листе рукописи есть набросок, печатный вариант которого также содержит ошибку чтения:

Самоут<верждение>, эстетику, искусство для искусства [1; Т. 26, 195].

В рукописи:

Самоуслажд<ение>, эстетику, искусство для искусства –[3].

Эта запись имеет непосредственное отношение к рассуждениям о «красоте стихов и только», приведенным выше. В данном случае предложенное чтение подтверждается при помощи тех же средств графологического и контекстуального анализа. Ключевой графический элемент в этой записи, заставляющий усомниться в правильности чтения *ПСС*, – буква «л» с верхней выносной линией; это один из распространенных вариантов ее начертания. Если бы в слове была буква «т», в записи появилось бы иное начертание – с нижней выносной или без выносных линий (варианты «т» в почерке Достоевского). Кроме того, в слове «самоутверждение» есть сочетание «ер», которое отсутствует в автографе. Линия, принятая публикаторами за нижний выносной элемент от «р», – это часть буквы «в» в слове «искусство», записанном строкой ниже. Данный пример показывает, что при анализе начертаний важно разграничивать графические элементы, принадлежащие разным словам.

Среди набросков о Некрасове есть другая запись, прочитанная неточно:

Страсть. Но мы и все такие, только в других меньше силы признаться. Благородство падения несомненного и через факт стишков и опять страдание за это – два демона – мы все такие, только не так мерили [1; Т. 26, 194].

Последнее слово в наброске – не «мерили», а «широки»[4].

Слово записано не очень четко, с характерным наклоном вниз, появлявшимся в почерке Достоевского в конце строки и приводившим к большей сжатости письма и недописыванию отдельных буквенных элементов. Эти условия могли повлиять на появление ошибочного чтения. Между тем в этом случае, помимо графических характеристик, имеет значение орфография записи: вариант «мерили» здесь невозможен, так как в данном слове должна быть буква «ять» – в записи она отсутствует. Зато имеются очевидные признаки начальной буквы «ш» – три почти одинаковых по высоте основных штриха. Начальное «м» Достоевский прописывает с крупным завитком, который все-таки не равняется основным штрихам и часто находится на некотором расстоянии от них.

Новое чтение – «широки» – позволяет уточнить понимание записи в целом. Понятие «широкость» объясняет все предшествующие высказывания Достоевского о Некрасове. Слова «широкость», «широкий» в некоторых случаях – когда определяются человек и характер – передают не словарное, а присущее авторскому языку значение, становясь своего рода идеологемами. Приведем наиболее показательные примеры из текстов 1860-х – начала 1880-х годов:

«Ряд статей о русской литературе. II. Г-н -бов и вопрос об искусстве»: «…чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию» [1; Т. 18, 99].

«Ответ редакции “Времени” на нападение “Московских ведомостей”»: «…наша (теперешняя русская), заемная европейская цивилизация, в тех точках, в которых она не сходится с широким русским духом, не идет русскому народу» [1; Т. 20, 98].

«Подросток»: «Народ, друг мой, я говорю про народ. Он доказал эту великую, живучую силу и историческую широкость свою и нравственно, и политически» [1; Т. 13, 105]; «А пока лишь скажу одно: пусть читатель помнит *душу паука*. И это у того, который хотел уйти от них и от всего света во имя “благообразия”! <…> …Я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и всё совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость – вот вопрос!» [1; Т. 13, 307].

«Дневник писателя» за 1876 год: «…тою широкостью, с которою еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли» [1; Т. 22, 8]; «простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом»; «простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» [1; Т. 22, 43, 44] (о народе); «великорусскою широкостью жизни» [1; Т. 22, 97]; «не из милосердия ли и всепрощения и *широкости взгляда народного* произошло это» [1; Т. 22, 113]; «нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека» [1; Т. 23, 127];

«А я хотел широкости, я хотел привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду» [1; Т. 24, 13] (слова закладчика из рассказа «Кроткая»).

«Дневник писателя» за 1877 год: «Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма» [1; Т. 25, 20]; «время раздвоения мысли и широкости, ныне прямолинейной мыслью не проживешь» [1; Т. 25, 134]; «Англичане народ очень, напротив, умный и весьма широкого взгляда» [1; Т. 26, 71]; «Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит в глубь веков» [1; Т. 26, 91].

«Дневник писателя» за 1880 год: «…ум народа широк» [1; Т. 26, 153].

«Дневник писателя» за 1881 год: «…народ наш широк и умен» [1; Т. 27, 19].

Эти цитаты позволяют определить основные авторские значения понятия «широкость». Идея широкости, в зависимости от объекта авторской оценки, может принимать разные смыслы. Когда речь идет о национальном характере и о русском народе, «широкость» оказывается в ряду понятий с положительной семантикой: *дух*, *простодушие*, *честность*, *искренность*, *чистота*, *кротость*, *незлобие*, *милосердие*, *всепрощение*, *гуманность*, *веротерпимость*, *любовь*, *ум*. Этот ассоциативный ряд, кроме того, указывает на актуальность для автора христианской системы ценностей, с которой и связано восприятие народа. Вместе с тем «широкость» иногда имеет дополнительный оттенок значения, который точнее всего отразил герой романа «Подросток» в строках о «душе паука», о способности человека сохранять в себе «высочайший идеал рядом с величайшею подлостью». Не так прямолинейно, но сходным образом сам Достоевский обозначает в анализируемой черновой записи «широкость» Некрасова, двойственность его характера – «благородство падения» и «страдание за это». В этом случае «широкость» – качество противоречивое, и именно сложность человеческой души пытается отразить автор, используя в черновике соответствующее определение. Из этого и других примеров ясно, что к изучению рукописей Достоевского применимо сказанное о пушкинских текстах: «Целый ряд проблем пушкинского творчества, на первый взгляд порой вполне локальных (например, смысл отдельной строки, выражения, поэтического хода, идеи, отношения и пр.), решение которых часто ищется в ближайшем контекстуальном окружении (в пределах, например, стихотворения, главы, произведения и пр.), на самом деле разрешим лишь в большом или очень большом контексте, или, наконец, в контексте всего корпуса произведений» [2; 151].

Интересно еще одно исправление в тексте набросков о Некрасове – оно существенно меняет суть высказывания. В *ПСС*:

То это потому, что ты осмелился это сказать, а осмелился потому, что ты был искренен. И совместимо ли с характером предвозве<стника?> признаваться в своих подлостях? [1; Т. 26, 206].

Если вдуматься в смысл фразы, то возникнут сомнения в ее логичности: слова «предвозвестник» («пророк») и «подлости» могли бы стать частями антитезы, они не сочетаются по смыслу. В рукописи текст выглядит иначе:

То это потому что ты осмѣлился это сказать, а осмѣлился потому что ты былъ искрененъ. И совмѣстимо ли съ характеромъ прод [а]/у/валы признаваться въ своихъ подло<с>тяхъ?[5].

Этот вариант прочтения наброска восстанавливает логику авторского рассуждения и возвращает нас к теме «практичности» как личностной характеристики Некрасова. В окончательном тексте Достоевский смягчает выражения:

Замечу кстати, что для практического и столь умеющего обделывать дела свои человека действительно непрактично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало быть, он, может быть, вовсе был не столь практичен, как иные утверждают о нем [1; Т. 26, 124].

На эту черту повествования указывал Г. С. Померанц, подчеркнув, что некоторые суждения Достоевского о Некрасове в окончательном тексте «Дневника писателя» менее категоричны, чем в черновиках, – например, тема: «Превосходство Пушкина сравнительно с Некрасовым (и как поэта, и как человека): глубокая народность Пушкина, его гражданское мужество и т. д. С другой стороны, резко подчеркиваются те черты творчества Некрасова, которые отталкивали Достоевского. В печатном тексте эта тема (в особенности – в последнем ее аспекте) звучит также приглушенно» [3; 95].

Печатный вариант следующего наброска также содержит ошибки:

Я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не мерю, кто шире, кто выше, по силе гения, по силе худож<ественной> – солнце или же планеты.

Но за Некрасовым бессмертие.

В стихах недосягаемой высоты [1; Т. 26, 208].

Вариант автографа:

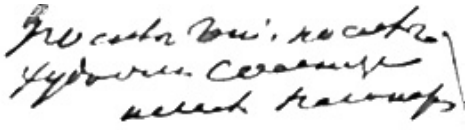
Я не ровняю Некрасова съ Пушкинымъ, я не мѣрю кто шире кто выше.

По силѣ генія<,> по силѣ художе<ственной> солнце и мала<я> планета.

Но за Некрасовымъ безсмертіе.

[Пока слезы]

Въ стихахъ недосягаемой высоты[6].



Это также пример трудного чтения, когда слова записаны автором неразборчиво. В запи-

си союз «и» присоединен к следующему за ним прилагательному «малая», которое к тому же не дописано до конца (начало третьей строки на иллюстрации). При беглом письме соединение слов в рукописном тексте Достоевского – довольно распространенное явление; чаще всего именно союзы и частицы присоединяются к тем словам, перед которыми находятся. В академической публикации сочетание прочитано как «или же», хотя никаких графических признаков «же» в этой записи нет. Ср. с начертанием прилагательного «художе<ственной>» в данном примере (начало второй строки на иллюстрации).

Предложенное прочтение наброска находит текстуальное подтверждение в печатном тексте «Дневника писателя»:

Опять-таки, я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. <…> Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца [1; Т. 26, 118].

Таким образом, графические и языковые характеристики текста как две составляющие его семантики являются также своеобразным инструментарием чтения материала. Каждое поновому прочитанное слово уточняет наше понимание всего контекста записи. Среди основных условий результативного чтения рукописного текста Достоевского назовем подробное изучение фрагментов текста, которые содержат смысловые противоречия; сопоставление орфографических характеристик с особенностями почерка, включающее обязательное знание вариантности начертания одних и тех же букв; исследование пунктуационного оформления записи; точное определение границ того или иного начертания; сопоставление всех записей, в которых разрабатывается одна и та же тема, и анализ трудных чтений с учетом контекста.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-04-00014, и Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГБ. Ф. 93/I. 2. 14/10. Л. 1.
[2] РГБ. Ф. 93/I. 2. 14/10. Л. 2 об.
[3] РГБ. Ф. 93/I. 2. 14/10. Л. 2.
[4] РГБ. Ф. 93/I. 2. 14/10. Л. 1 об.
[5] РГБ. Ф. 93/I. 2. 13. Л. 289.
[6] РГБ. Ф. 93/I. 2. 13. Л. 290.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1991.
2. Непомнящий В. О Собрании сочинений А. С. Пушкина, размещенных в хронологическом порядке (theoria) // Проблемы текстологии и эдиционной практики / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН; Под ред. М. Делона и Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2003. С. 142–151.
3. Померанц Г. С. Из рукописи «Дневника писателя» // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 82–90. (Серия Литературное наследство; т. 86).

Tarasova N. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DRAFT NOTES OF F. M. DOSTOEVSKY ON NEKRASOV: TEXT CORRECTION

The article deals with the study of the draft manuscript of F. M. Dostoevsky “The Diary of a Writer” (1877) and, in particular, the notes on Nekrasov. The paper examines graphological and lingvotextual aspects of the manuscripts’ study and identifies methodologically important terms of reading and understanding handwritten text of F. M. Dostoyevsky. They include comparisons of spelling characteristics with characteristics of handwriting; a study of punctuation; the main principle of context; and definition of semantic contradictions in manuscripts’ publications. The conducted analysis is instrumental in the reconstruction of the author’s original texts.

Key words: Dostoevsky’s work, textual criticism, history of the text

REFERENCES

1. Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. [*Complete works in 30 vol.*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1991.
2. Nepomnyashchiy V. On A. S. Pushkin’s Collected Works lined chronologically (theoria) [O Sobranii sochineniy A. S. Pushkina, razmeshchennykh v khronologicheskom poryadke (theoria)]. *Problemy tekstologii i editsionnoy praktiki* [The problems of textual criticism and edition practice]. A. M. Gorky Institute of World Literature. Russian Academy of Science. Moscow, OGI Publ., 2003. P. 142–151.
3. Pomerants G. S. From the manuscript of “The Diary of a Writer”. *F. M. Dostoevsky. Novye materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky. New materials and research* [Iz rukopisi “Dnevnika pisatelya”]. Moscow, Nauka Publ., 1973. P. 82–90. (Series “Literary heritage”; vol. 86).

Поступила в редакцию 20.05.2013

Август, № 5 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры туризма, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zco59@mail.ru

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ ПИСЕМ АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО*

На материале эпистолярного наследия преподобного Амвросия (Гренкова), старца Козельской Введенской Оптиной пустыни, одного из выдающихся церковных деятелей и духовных писателей XIX века, подготовлено электронное собрание писем. Цель научного исследования – создать полнотекстовой ресурс писем Амвросия Оптинского. Особенность электронного собрания писем в том, что оно составлено по рукописным подлинникам, в отличие от всех предыдущих книжных изданий середины XX – начала XXI века. Восстановлены фамилии адресатов и лиц, упоминаемых в переписке, неизвестные адресаты старца Амвросия. Это архимандрит Моисей (Красильников), игумен Марк (Чебыкин), игумении Макария (Сомова) и Мария (Тучкова), монахини Анна (Шматова), Мария (Поливанова), Херувима (Квитницкая), Митрофания (Бернацкая), племянница старца Макария монахиня Мелания (Кузнецова), управляющий канцелярией Священного Синода, действительный статский советник Петр Саломон с супругой, шурин старца Макария Николай Глебов, доктор медицины Иван Рождественский, прототипы романа Ивана Шмелева инженер железных дорог Виктор Вейденгаммер и Дарья Королева, Никифор Степанов, Иван Евстафеев, Прасковья Черникова. На сегодня это электронное издание – единственное и наиболее полное собрание писем Амвросия Оптинского.

Ключевые слова: текстология, Оптина пустынь, Амвросий, монашество, эпистолярное наследие

Духовными советами преподобного Амвросия (1812–1891) руководствовались такие видные философы и писатели, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. Они посещали эту обитель с надеждой получить благословение и укрепить свои духовные силы. С благоговением эти люди изучали и описывали Оптину пустынь, так как малейшее знакомство с жизнью и деятельностью оптинских старцев порождает в душе исследователя стремление глубже изучить и определить ее значение в истории Русской церкви. И. В. Киреевский прямо говорит, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев [9; 4].

Слушали беседы старца Амвросия и пользовались его духовными советами А. П. Толстой, С. П. Шевырев, К. Н. Леонтьев, В. А. Вейденгаммер и др. К Достоевскому старец отнесся с уважением и сказал о нем: «это кающийся» [9; 193]. Иеросхимонах Иосиф пишет, что беседы Достоевского с иеросхимонахом Амвросием длились подолгу «о многих насущных вопросах духовной жизни и спасения души. Вскоре затем появились в печати “Братья Карамазовы”, написанные отчасти под впечатлением посещения им Оптиной пустыни и бесед с отцом Амвросием» [6; 8].

К. Н. Леонтьев провел под непосредственным руководством старца Амвросия последние годы жизни, а за несколько дней до кончины старца, приняв тайный постриг, переехал в Сергиев Посад (Троице-Сергиевой лавры), где вскоре скончался [11; 115]. Л. Н. Толстой, говоря о старце, отмечал: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога» [13; 114]. В. В. Розанов писал о старце: «Все поднимаются духом, только взирая на него, как это явно записано об отце Амвросии. Самые проницательные люди посещали его: Толстой, Достоевский, Леонтьев, Вл. Соловьев, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело» [13; 123].

По воспоминаниям современников, «о. Амвросия нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой становилось как-то весело и тепло, без заботливого взора… также трудно представить его и без того оживления во всем (в движениях, в горящих глазах), с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в эту минуту он весь вами живет и что вы ему ближе, чем сами себе» [12; 113].

Имя отца Амвросия знал и Афон, и святой Иерусалим – весь православный Восток. К старцу непосредственно или письменно обращались лица других исповеданий. Так, в Оптину приезжал реформатский суперинтендент Москвы Карл Зедергольм. А его сын Константин, учившийся в Московском университете, подолгу беседовал с отцом Амвросием и закончил тем, что перешел в православие, поселился в Оптиной, был пострижен в рясофор в келье старца Амвросия, а затем принял монашество под именем Климент[1].

Эпистолярное наследие оптинского старца Амвросия (Гренкова) достаточно обширно. Из его сочинений до революции были изданы «Сборник писем и статей оптинского старца, иеросхимонаха Амвросия» (вып. I, М., 1894; вып.

© Захарченко С. О., 2013

II, М., 1897); «Поучение старца иеросхимонаха Амвросия о том, сколь много мы заботимся о теле и сколь мало о душе, а также о покаянии» (М., 1896); «Душеполезные наставления старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Амвросия» (М., 1898); «Собрание писем к мирским особам» (М., 1906; переизд. 1908); «Собрание писем к монашествующим» (Сергиев Посад, 1908–1909). После открытия Оптиной пустыни в середине 1990-х годов интерес к творчеству оптинских старцев повысился. Сборники писем преподобного Амвросия стали переиздаваться. Так были переизданы «Собрание писем оптинского старца Иеросхимонаха Амвросия к мирским особам» (Кемерово: Знаменская церковь, 1991); «Собрание писем оптинского старца иеромонаха Амвросия в трех частях к монашествующим и мирянам». Ч. 1 (М.: Паломник, 1995); «Письма великих оптинских старцев» (Изд. Сретенского монастыря, 2003); «Собрание писем к мирским особам» (Изд-во Свято-Введенской Оптиной пустыни, 2003); «Преподобный Амвросий Оптинский и Ахтырский Гусёвский женский монастырь» (Волгоград, 2005); «Умудряйся и смиряйся»: Сб. писем / Сост. В. В. Кашириной (М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006); «Преподобный Амвросий Оптинский». Полное собрание писем в трех частях (Успенско-Казанский монастырь, 2009); «Собрание писем оптинского старца Амвросия» (М.: Изд. Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптина пустынь, 2009). Четыре письма Амвросия (к настоятельнице N. общины, к благочинной Т. монастыря монахине А., к графу А<лександру> П<етровичу> Т<олстому>) были опубликованы как приложения в книге Агапита (Беловидова). Житие преподобного Амвросия, старца Оптинского в двух частях (Изд. Свято-Введенской Оптиной пустыни, 2008).

В 2002 году вышла симфония, составленная по письмам и отдельным сочинениям преподобного Амвросия Оптинского. В 2006 году симфония, дополненная материалами из ранее неиспользованных писем, была переиздана[2]. Письма отбирались издателями по наиболее часто интересующим адресатов вопросам. Отсюда купюры в письмах. Некоторые письма присутствуют в каждом издании, как, например ответ на письмо графа А. П. Толстого к скитскому монаху Клименту (Зедергольму), в котором старцем Амвросием дается объяснение сновидения. Данные повторы объясняются тематическим подходом к составлению сборников.

На сегодняшний день из изданных собраний наиболее полным сводом писем преподобного Амвросия Оптинского является Собрание писем (1908–1909 годов). Все письма были напечатаны без имен адресатов, с купюрами, а значительная часть писем, имеющихся в рукописях, вообще не вошла в печатное собрание. Поэтому все новые издания исследовались на предмет установления фамилий и биографий адресатов преподобного Амвросия.

Эпистолярное наследие Амвросия Оптинского впервые исследовалось с учетом как духовного аспекта, так и историко-литературного контекста. Издание писем преподобного Амвросия Оптинского сопровождается историко-культурными комментариями, основанными на изучении архивных материалов преподобного Амвросия (Гренкова). По результатам исследования на сервере филологического факультета Петрозаводского государственного университета создан сайт, посвященный Амвросию Оптинскому. Содержание сайта составляют следующие разделы: «О Амвросии Оптинском» (жизнеописание преподобного, краткая характеристика эпистолярного наследия)», «Оптина пустынь во время пребывания в ней преподобного», «Эпистолярное наследие преподобного Амвросия». Центральный раздел ресурса – тексты писем преподобного Амвросия. Адрес сайта: http://smalt.karelia.ru/~filolog/amvrosy/index.html.

В электронном издании полного собрания писем иеросхимонаха Амвросия духовные письма представлены в двух разделах: к мирянам и монашествующим; причем последний подразделяется еще на два: монахам и монахиням. Персоналии следуют в алфавитном порядке, при распределении писем к одному адресату сохраняется хронологический принцип. Письма без дат располагаются в конце.

Особенностью подготовки к публикации писем преподобного Амвросия Оптинского является то, что при этом активно изучались автографы старца из фондов Оптиной пустыни, хранящихся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Атрибуция ранее не известных материалов из рукописных фондов Оптиной пустыни – писем преподобного Амвросия Оптинского, а также выявление редакций и уточнение датировки многих рукописных источников позволили сделать более обстоятельные наблюдения и выводы.

Работа с эпистолярным наследием преподобного Амвросия проходила поэтапно: сначала проводилась оцифровка как ранее изданных писем, так и неопубликованных; самым трудоемким этапом был компьютерный набор писем с рукописей XIX века, затем осуществлялось разыскание неопубликованных писем. Некоторые места в письмах преподобного не были разобраны по причине плохой сохранности бумаги, на которой они писались: оборванные края, чернильные кляксы, ветхость бумаги, выцветшие чернила. Часть неразобранных мест связана с почерком Амвросия. Произведен сравнительный анализ рукописных текстов и их изданных вариантов. Выявлены многочисленные купюры,

неточности. Встречаются случаи, когда редакторы сокращали и объединяли в одно два письма. Также обнаружены три письма, принадлежащие авторству Макария Оптинского, но ошибочно приписанные Амвросию. Речь идет о письмах Константину Зедергольму, хранящихся в НИОР РГБ: Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 89–89 об., 92–92 об., 90, 91 (автограф преподобного Макария); Л. 106–108 (автограф преподобного Макария); Л. 117–120 (писцовое рукой преподобного Амвросия с автографом преподобного Макария). Впервые эти три письма были опубликованы с купюрами: «Собраніе писемъ Оптинскаго Старца Амвросія къ мірскимъ особамъ» (Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни. Козельск, 2003. С. 344–355). Они же были переизданы: «Преподобный Амвросий Оптинский». Полное собрание писем в трех частях» (Успенско-Казанский монастырь, 2009. С. 706–708). Первое письмо снабжено примечанием: «Настоящее письмо напечатано в собрании писем иеросхимонаха Макария (с. 655), но так как редакция его принадлежит отцу Амвросию, то оно перепечатывается и здесь с дополнением. Письма № 226–228 адресованы к одному лицу». Ошибка могла быть вызвана, во-первых, тем, что в писцовом письме есть следующая приписка: «О. Амвросий тебе кланяется, мы вместе с ним судили о писанных предметах»[3], а во-вторых, тем, что преподобный Амвросий окормлял Константина Зедергольма.

Определенную сложность представляло установление фамилий адресатов. Фамилии одних были надписаны на оборотах писем (например: монахиням Марии Поливановой[4], Херувиме Квитницкой[5], Митрофании Бернацкой[6]). Фамилии других, например супругов Саломон[7], Никифора Стефановича Степанова[8], выявлялись из контекста писем. Из письма преподобного Амвросия Тучниной Марии Сергеевне[9] стала известна фамилия Марии Ильиничны Авдений[10]. Фамилия Тучниной, а не Тучкиной, как ошибочно указано в описании рукописи НИОР РГБ, восстановлена из письма к неизвестной адресатке[11].

Третьи фамилии восстанавливались из Ключа, составленного издателями писем преподобного Макария Оптинского в 1861–1863 годах и хранящегося в НИОР РГБ: Ф. 213. К. 43. Ед. хр. 09. Так установлена фамилия монахини Аркадии (в миру Анны Никифоровны Шматовой)[12].

Письмо Амвросия от 10 октября 1864 года ошибочно атрибутировано в НИОР РГБ как письмо к Н. В. Гоголю[13]. Но Гоголь умер в 1852 году. В результате исследований выяснилось, что адресат данного письма – зять преподобного Макария орловский помещик, коллежский асессор Николай Васильевич Глебов, за которым была замужем сестра преподобного Макария Варвара Николаевна Иванова. Амвросий написал письмо, чтобы предотвратить дуэль между Глебовым и его обидчиком.

В фонде 213. К. 55. Ед. хр. 22 хранятся письма Амвросия разным лицам. Так, письма Амвросия от 10 июня 1887 года, от 26 ноября 1889 года и от 7 сентября 1891 года адресованы Виктору Алексеевичу Вейденгаммеру[14], драматичная судьба которого стала сюжетом романа И. С. Шмелева «Пути небесные»[15]. В. А. Вейденгаммер после катастрофы с его женою, раздавленной поездом на железной дороге, поступил в Оптину пустынь, через 16 лет пребывания там скончался мирною кончиною в чине рясофорного монаха Виктора[16] и похоронен на скитском кладбище[17]. Дарья Ивановна, к которой адресованы письма от 4 апреля, 12 апреля, 3 августа 1891 года из этого же фонда, – невенчаная жена В. А. Вейденгаммера. Известно, что Дарья Ивановна Королева была духовной дочерью старца Иосифа Оптинского [10; 5]. Вполне возможно, что Амвросий перед своей кончиной передал ее в окормление, как он поступил со многими своими шамординскими чадами.

Адресаткой писем Амвросия, хранящихся в этом же фонде[18], является игумения Каширского Никитского монастыря Макария (Сомова), в миру Мария Николаевна Сомова, из дворян. С юности она жила в Белёвском Крестовоздвиженском монастыре под руководством преподобных оптинских старцев Льва и Макария. В 1841 году в результате непонимания сути старческого окормления вместе с матерью Анфией на некоторое время была удалена из обители. В 1862 году назначена настоятельницей Каширской Никитской женской общины, которой управляла 27 лет. 18 апреля 1884 года община была возведена в общежительный монастырь, а в 1885 году Макария была посвящена во игумению. В 1888 году удалилась на покой. Незадолго до кончины (13 февраля 1894 года) приняла тайный постриг в схиму.

Еще один адресат из этого фонда – Иоанн Евстафеев, служащий на фабрике Морозовых в г. Богородске Московской губернии[19].

В другом фонде НИОР РГБ (213 К. 55. Ед. хр. 23) также хранятся неатрибутированные письма Амвросия. Удалось установить фамилию еще одной из адресаток старца Параскевы[20]. Это послушница Прасковья Парфеньевна Черникова, жившая в Курском девичьем монастыре в кельях матери Херувимы (Квитницкой)[21].

Биография схимонахини Марии (Поливановой) приведена Л. А. Верховской в предисловии к публикации писем к ней от старца Амвросия [3; 264–278].

Адресатка преподобного Амвросия монахиня Мелания[22] – это Варвара Павловна Кузнецова, родная племянница Макария, дочь его брата Павла Николаевича Иванова. В книге «Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария» (М., 1996) ошибочно указано: «Мелания – рясофорная монахиня Севского Троицкого монастыря с 1849 года. В мире Вар-

вара Павловна Иванова. Племянница старца Макария», что основано на неверном прочтении дневниковой записи старца: «Павел скончался в 1831 году; одна из дочерей его, Варвара Павловна, с 1849 года посвятила себя иноческой жизни и ныне находится в Севском девичьем монастыре, именуясь в рясофоре Мелания». Запись была сделана преподобным Макарием на календаре 1840 года, но она явно более позднего характера. Из писем Макария Оптинского известно, что его племянница Варвара Иванова сочеталась браком с Доримедонтом Васильевичем Кузнецовым, и у них была дочь Клавдия[23]. Только с 1849 года Варвара стала жить в Севском монастыре на послушании, в рясофор была пострижена в ноябре 1856 года. Умерла в 1887 году.

Небезынтересны судьбы адресаток преподобного Амвросия – Ключарёвой Александры Николаевны, ставшей основательницей Шамординской обители, и ее матери Мартемьяновой Варвары Львовны, схимонахини Афанасии, похороненной в Оптиной[24]. Схимонахиня Амвросия (Шамординская), в миру Ключарёва Александра Николаевна (1820–1881). В 1860 году по благословению преподобного Макария Александра Николаевна и ее сын Федор Захарович, богатый тульский помещик, решили уйти из мира. Ф. З. Ключарёв поступил в скит Оптиной пустыни под духовное руководство старца Макария, принял постриг (принял схиму, скончался 21 ноября 1872 года, погребен в Оптиной пустыни). А. Н. Ключарёва поступила в Белёвский Крестовоздвиженский женский монастырь, где после 1862 года приняла постриг. Духовная дочь преподобного Амвросия жила в отдельном корпусе гостиного двора Оптиной пустыни. В 1875 году по благословению преподобного мать Амвросия приобрела имение Калыгино рядом с деревней Шамордино, в котором поселила внучек-близнецов Веру и Любовь, крестных дочерей преподобного Амвросия. Потерявшие при рождении мать, девочки отличались редким благочестием, стремились к иноческой жизни и не раз говорили, что проживут не более 12 лет. По настоянию прозорливого старца мать Амвросия сделала оговорку в завещании, что в случае смерти девочек в имении будет основана женская община. Амвросия также приобрела близлежащие села Руднево, Преображенское и Акатово. В имении возникло своеобразное иноческое общежитие: с внучками Амвросии поселились в качестве послушниц некоторые из бывших крепостных Ключарёвых и их родственницы. В 1881 году Амвросия мирно скончалась и была погребена в Оптиной пустыни. Внучки матери Амвросии, приехав весной 1883 года в Оптину пустынь, заболели дифтеритом и через несколько дней скончались в возрасте 12 лет. Похоронены недалеко от прабабушки Варвары Львовны Мартемьяновой (в схиме Афанасии). Так все семейство упокоилось в Оптиной.

Некоторые фамилии адресатов преподобного устанавливались по современным источникам. Фамилия настоятеля Калужской Тихоновской пустыни архимандрита Моисея (Красильникова) стала известна из двухтомного издания Летописи скита[25] и уточнена по книге Г. М. Запальского «Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах» [4]. Фамилию настоятельницы Каширского девичьего монастыря игумении Макарии (Марии Николаевны Сомовой) нашли в справочном материале к письмам оптинского старца Иосифа (Литовкина), который составила профессор В. В. Каширина [7].

Фамилия адресата Амвросия настоятеля Мещовского Георгиевского монастыря игумена Марка (Чебыкина)[26] подтвердилась в таблице настоятелей мужских монастырей Калужской губернии за 1825–1917 годы, составленной Г. М. Запальским [4; 135–136].

Фамилия супругов Б. В. и В. Н. Шидловских восстановлена из материалов отчета по гранту ОИФН РАН 2006–2007 годов «Феномен православной святости в мировоззрении и повседневной жизни русского народа» (руководитель О. В. Кириченко). Шидловские с благословения преподобного Амвросия основали в своей родовой вотчине селе Пятницком женский монастырь [14; 1291–1295].

Материалы вышеназванной статьи О. В. Кириченко помогли в установлении фамилии и биографии игумении Марии (вдовы генерала А. А. Тучкова Маргариты Михайловны Тучковой), основавшей Спасобородинский монастырь.

Особое значение в процессе исследования рукописей имело такое уникальное явление, как старчество: оптинские старцы передавали друг другу своих духовных чад постепенно. Будучи послушниками, они начинали помогать своим старцам в переписке: Макарий был письмоводителем под руководством преподобного Льва Наголкина; Амвросий – под руководством преподобного Макария и т. д. Так, адресаты преподобного Макария Оптинского супруги Саломон, Константин Карлович Зедергольм, Мария Николаевна Бернацкая, Варвара Ильинична Тимковская, монахиня Амвросия (в миру Александра Николаевна Ключарёва), монахиня Мелания (в миру Варвара Павловна Иванова), монахини Борисовской Тихвинской женской пустыни Курской епархии Алимпия (Сукачева) и Лаврентия (Усова), игумения Павлина (Овсянникова) являются и адресатами преподобного Амвросия Оптинского. Настоятельница Каширского девичьего монастыря Макария (Сомова) была поочередно чадом трех оптинских старцев: Льва, Макария и Амвросия и переписывалась с каждым из них. Анализ переписки преподобного Макария с казначеей Севского девичьего монастыря Рафаилой (1859) и переписки преподобного Амвросия с мо-

нахиней Рафаилой (Пороховщиковой, 1863–1872) позволяет предположить, что это одно лицо.

Одним из адресатов преподобного Амвросия Оптинского был Иван Иванович Рождественский[27], факты биографии которого удалось установить в процессе исследования. И. И. Рождественский, купеческий сын, родился в 1858 году. Во второй половине 1870-х годов он был студентом Медицинско-хирургической академии. Прибыв летом 1878 года в Саратов, привез с собою запрещенные книги, которые распространял среди крестьян. В 1879 году находился под негласным наблюдением в Петербурге и в Саратове. Окончил академию со званием лекаря в 1882 году. Доктор медицины. В 1900-х годах – старший ординатор Николаевского военного госпиталя в Петербурге.

Также уделялось внимание кругу лиц, упоминаемых в переписке. Устанавливались или уточнялись их фамилии и биографии. Например, в одном из писем упоминалось о бежецких богомолах, то есть речь шла об истории отца Матвея Ржевского, ученики которого в прежнем его Бежецком приходе продолжали без него проходить благочестивую жизнь. Отец Матвей (в миру Матвей Александрович Константиновский) – Ржевского собора протоиерей, духовник Гоголя. Поводом удаления отца Матвея от священнослужения мог быть случай применения военной силы против раскольников при принятии в церковное ведомство раскольнической моленной города Ржева, обращенной в единоверческую церковь по убеждению отца Матвея и ходатайству некоторых граждан.

В основе всех писем преподобного Амвросия лежит евангельское и святоотеческое учение и незыблемость церковных догматов. Поэтому и потому, что они были написаны человеком, любящим Бога, человеком, которого любит Бог, эти письма адресованы не только конкретным лицам, имена и биографии которых раскрывают современнику правду о стремлении людей, принадлежащих к разным социальным слоям и разным обществам, к познанию своих грехов, мешающих спасти свою душу. Эти письма адресованы каждому, ищущему спасения.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Православный немец. Иеромонах Климент (Зедергольм). Оптина пустынь, 2002. С. 7.
[2] Симфония по творениям преподобного Амвросия, старца Оптинского. М.: Дар, 2006.
[3] НИОР РГБ. Ф. 107. К. 7. Ед. хр. 08. Л. 89–89 об., 92–92 об., 90, 91.
[4] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 23. Л. 17 а.
[5] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 23. Л. 129 об., 133 об., 135 об., 137 об.
[6] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 50 об.
[7] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 285, 291.
[8] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 12. Л. 10–10 об.
[9] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 20. Л. 2–3.
[10] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 20. Л. 3.
[11] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 20. Л. 1.
[12] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 166.
[13] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 01. Л. 2–5.
[14] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 90, 92, 100. В рукописи фамилия указана как «Вейдегаммер».
[15] Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М., 2008. Т. II. С. 268.
[16] Там же. С. 497.
[17] Жизнеописания почивших скитян. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптина Пустынь, 2010. С. 202.
[18] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 54–89 об.
[19] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 22. Л. 251–253.
[20] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 23. Л. 62.
[21] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 23. Л. 17, 22, 55–72.
[22] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 54. Ед. хр. 04. Л. 3–26.
[23] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 79. Ед. хр. 03; К. 79. Ед. хр. 06. Л. 91.
[24] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 53. Ед. хр. 28.
[25] Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. М., 2008. Т. I. С. 138.
[26] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 54. Ед. хр. 09. Л. 21.
[27] НИОР РГБ. Ф. 213. К. 55. Ед. хр. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия в двух частях. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. 576 с.
2. Агапит (Беловидов), архим. Житие преподобного Амвросия, старца Оптинского. Изд-во Свято-Введенской Оптиной пустыни, 1999. 583 с.
3. Верховская Л. А. Письма Оптинского старца преподобного Амвросия (Гренкова) к схимонахине Марии (Поливановой) // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. М., 2002. С. 264–278.
4. Запальский Г. М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М., 2009. 416 с.
5. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М.: Братство святителя Алексия, 1993. 189 с.

6. Иосиф (Литовкин), иеросхимонах. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни. Б. м.: Тип. Казанской Амвросиевой Шамординской женской пустыни, 1911. 8 с.
7. Каширина В. В. Очерки о монастырях и адресатах писем // Собрание писем старца Иосифа. Введенская Оптина пустынь, 2005. 896 с.
8. Кириченко О. В. Феномен православной святости в мировоззрении и повседневной жизни русского народа. М., 2007. 118 с.
9. Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм. М., 1882. 123 с.
10. Любомудров А. Опыт духовного романа («Пути небесные» И. С. Шмелева) // Иван Шмелев. Пути небесные. М.: Паломник, 2005. С. 5–50.
11. Поселянин Е. Оптинский старец Амвросий. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1907. 218 с.
12. Поселянин Е. Н. Старец Амвросий. Праведник нашего времени. М.: Никея, 2009. 208 с.
13. Розанов В. В. Оптина пустынь // Около церковных стен: В 2 т. Т. 2. СПб., 1906. 497 с.
14. Странник С. И. В Пятницкой Николо-Тихвинской обители // Воронежский епархиальный вестник. 1914. № 51. С. 1291–1295.
15. Четвериков С. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Козельской Оптиной пустыни, 1912. 415 с.

Zakharchenko S. O., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ELECTRONIC EDITION OF AMBROSE OPTINSKIY'S LETTERS

An electronic collection of letters based on materials of epistolary heritage of Saint Ambrose (Grenkov), an elder of Kozelsk Vvedenskay Optina Pustyn, a prominent church figure and a spiritual writer of the XIX century, is prepared. The purpose of the present scientific research is to create a full text resource of letters written by Ambrose Optinskiy. A distinctive feature of the present electronic collection of letters lies in the fact that it is compiled according to the hand-written originals, unlike all previous book editions of the middle XX – the beginning of the XXI centuries. Surnames of addressees and persons mentioned in correspondence were restored. We succeeded in establishing the names of a number of unknown addressees of the Optina elder Ambrose. They are archimandrite Moisey Krasilnikov, abbot Mark Chebykin, Makariya Somova and Maria Tuchkov's abbesses, the nuns Anna Shmatova, Maria Polivanova, Cherub Kvitnitskiy, Mitrofaniya Bernatskaya, a niece of St. Macarius (Ivanov), a nun Melaniya Kuznetsova, a managing director of the office of the Sacred Synod, valid councilor of state Peter Salomon with the spouse, a brother-in-law of St. Macarius (Ivanov) Nikolay Glebov, a doctor of medicine Ivan Rozhdestvenskiy, prototypes of the novel of Ivan Shmelev, an engineer of the railroads Victor Veydengammer and Darya Koroleva, Nikifor Stepanov, Ivan Evstafeev, Praskoviya Tchernikova. As of today, our electronic edition is the only edition and the most complete collection of letters written by the Optina elder Ambrose.

Key words: textual criticism, Optina Pustyn, Ambrose, monkhood, epistolary heritage

REFERENCES

1. Agapit (Belovidov), arkhimandrit. *Zhizneopisanie Optinskogo startsa ieroskhimonakha Amvrosiya v dvukh chastyakh* [Biography of the Optinsky elder Ambrose in two parts]. Moscow, Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 1992. 576 p.
2. Agapit (Belovidov), arkhimandrit. *Zhitie prepodobnogo Amvrosiya, startsa Optinskogo* [Saint Ambrose's life, aged man Optinsky]. Optina Pustyn, Vvedenskoy Sacred edition Publ., 1999. 583 p.
3. Verkhovskaya L. A. Letters of the Optinsky aged man Saint Ambrose (Grenkov) to skhimonakhin'a Maria (Polivanova) [Pis'ma Optinskogo startsa prepodobnogo Amvrosiya (Grenkova) k skhimonahine Marii (Polivanovoy)]. *Orthodox belief and traditions of piety with the Russians in the XVIII–XX centuries* [Pravoslavnaya vera i traditsii blagochestiya u russkikh v XVIII–XX vekakh]. Moscow, 2002. P. 264–278.
4. Zapalskiy G. M. *Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825–1917 godakh* [Optina pustyn and its pupils in 1825–1917]. Moscow, 2009. 416 p.
5. Ioann (Maslov), skhiarkhimandrit. *Prepodobnyy Amvrosiy Optinskiy i ego epistolyarnoe nasledie* [Saint Ambrose Optinsky and his epistolary heritage]. Moscow, Brotherhood of prelate Alex Publ., 1993. 189 p.
6. Iosif (Litovkin), ieroskhimonakh. *N. V. Gogol', I. V. Kireevskiy, F. M. Dostoevskiy i K. Leont'ev pered startsami Optinoy pustyni* [N. V. Gogol, I. V. Kireevsky, F. M. Dostoevsky and K. Leontyev before aged men of Optina Pustyn]. Kazan Ambrose's printing house of the Shamordinsky female desert Publ., 1911. 8 p.
7. Kashirina V. V. Sketches about monasteries and addressees of letters [Ocherki o monastyryakh i adresatakh pisem]. *Collection of letters of aged man Joseph* [Sobranie pisem startsa Iosifa]. Vvedenskaya Optina Pustyn Publ., 2005. 896 p.
8. Kirichenko O. V. *Fenomen pravoslavnoy svyatosti v mirovozzrenii i povsednevnoy zhizni russkogo naroda* [Phenomenon of orthodox sanctity in the worldview and an everyday life of Russian people]. Moscow, 2007. 118 p.
9. Leont'ev K. N. *Otets Kliment Zedergol'm* [Father Kliment Zedergolm]. Moscow, 1882. 123 p.
10. Lyubomudrov A. Experience of the spiritual novel ("Ways heavenly" I. S. Shmelev) [Opyt dukhovnogo romana ("Puti nebesnye" I. S. Shmeleva)]. *Ivan Shmelev. Ways heavenly* [Puti nebesnye]. Moscow, Pilgrim Publ., 2005. P. 5–50.
11. Poselyanin E. Optinsky aged man Ambrose [Optinskiy starets Amvrosiy]. St. Petersburg, Publishing house of a knigoprodavets of Tuzov Publ., 1907. 218 p.
12. Poselyanin E. N. *Starets Amvrosiy. Pravednik nashego vremeni* [Aged man Ambrose. Righteous person of our time]. Moscow, Nikey Publ., 2009. 208 p.
13. Rosanov B. B. *Optina Pustyn'* [Optina Pustyn]. *About church walls* [Okolo tserkovnykh sten]. In two volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 1906. 497 p.
14. Strannik S. I. In the Pyatnitsky Nicolo-Tikhvin monastery [V Pyatnitskoy Nikolo-Tikhvinskoy obiteli]. *Voronezh diocesan messenger* [Voronezhskiy eparkhial'nyy vestnik]. 1914. № 51. P. 1291–1295.
15. Chetverikov S. *Opisanie zhizni blazhennoy pamyati Optinskogo startsa ieroskhimonakha Amvrosiya* [Description of life of blissful memory of the Optinsky aged man ieroskhimonakh Ambrose]. Edition of Kozelsk Optina Pustyn Publ., 1912. 415 p.

Поступила в редакцию 17.06.2013

Август, № 5 **Филология** **2013**

УДК 801.73

ЛЮДМИЛА ГРИГОРЬЕВНА ДОРОФЕЕВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры славянорусской филологии Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград, Российская Федерация)
lgdorofeeva@mail.ru

ОБРАЗ СМИРЕНИЯ В ЖИТИИ СИМЕОНА ЭМЕССКОГО

Существующая типология святости особо выделяет юродство во Христе как «парадоксальный» подвиг, который ученые определяют и как «агрессию» (С. Иванов), и как «высшую степень смирения» (И. Кологривов и др.). Различия в оценке типа поведения святого юродивого обусловлены разностью методологических установок. Предлагаемая в статье интерпретация основывается на главной идее герменевтики понимания *другого*, прочтения текста в родном ему контексте Предания. На основе анализа сюжетного развития, мотивации поступков святого, образной системы жития выявляется, что юродивый представляет собой особый тип смирения, который характеризуется предельным самоотречением в формах, «взрывающих» ситуацию и обнажающих греховное состояние людей. Основной ценностной категорией становится категория *мира*, который в житии представлен разделенным на мир «этот», земной, греховный, где действует дьявол, и мир Христов, в котором уже пребывает святой юродивый. Цель юродского поведения – вскрыть присутствие дьявола в мире и освободить мир от него, что и мотивирует поступки святого Симеона. Сюжет выстраивается по принципу синергии – полной отдачи святым *своей* воли – воле Бога. Образ святого Симеона Эмесского становится предельным выражением любви к человеку в своем самоотречении. Но это самоотречение можно назвать не агрессивным, а *дерзновенным*, так как основано оно не на самоутверждении, а на *вере* в Бога и служении Ему.

Ключевые слова: агиография, типология, юродивый, смирение

Юродство – самый таинственный, парадоксальный тип святости. Проблема *понимания* смысла житий этого типа достаточно остро обозначилась в последние годы, что связано с методологией анализа. Надо сказать, что изучению агиографии о юродивых посвящено в целом не так много работ (см. [4], [5], [6], [7]). Из современных исследователей назовем С. А. Иванова [3] и А. Л. Юрганова [8], находящихся на разных методологических позициях и ценностных полюсах в отношении к феномену христианского юродства, соответственно приходящих к диаметрально противоположным выводам в оценке образов исследуемых житий юродивых. Нам ближе позиция А. Юрганова, предлагающего метод «беспредпосылочной герменевтики» исследования текста[1], что, по нашему убеждению, и дает возможность максимально объективного толкования образа святого юродивого в родном ему контексте Церковного Предания.

История юродства как аскетического подвига начинается в V веке среди египетских монахов. И нужно заметить, что изначально оно связано со стремлением подвижника к смирению[2]. Фактически это, можно сказать, и есть *борьба* человека *за смирение*, рождающая особый тип поведения. Так, в Лавсаике Палладий повествует о мнимом безумии одной монахини, вызывающей презрение к себе и поношение со стороны окружающих [1; 15–16]. Есть и другие примеры подобного поведения монахов в византийских житиях. Смысл такого юродства заключается в борьбе с собственным тщеславием, в сокрытии под видом безумия своих духовных даров. Г. П. Федотов, выделяя основные черты этого «парадоксального подвига», первым из них называет «*аскетическое попрание тщеславия*, всегда опасного для монашеской аскезы. В этом смысле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей» (здесь и далее курсив в цитатах мой. – *Л. Д.*) [7; 200]. Начавшись с этой мотивации, юродство как особый тип подвига обретает дальше и иные цели и черты, которые выделил Г. П. Федотов: «Выявление *противоречия* между глубокой *христианской правдой* и поверхностным *здравым смыслом и моральным законом* с целью посмеяния миру (I Кор. I–IV). Служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а *силой Духа*, духовной властью личности, нередко *облеченной пророчеством*» [7; 201]. Юродивый отказывается от *своего человеческого* разума в соответствии с первой заповедью блаженства «Блаженны нищие духом», доводимой им до своего предела, что и открывает в нем дар пророчества, свидетельствующий о глубочайшем смирении святого[3] (см. [7; 201]).

И. Кологривов, осмысливая самую сущность юродства, связал его с любовью к Кресту, к страданиям Самого Христа: «“Юродство Христа ради” и есть не что иное, как одна из форм,

© Дорофеева Л. Г., 2013

одно из проявлений этой любви ко кресту… Сущность этого "подвига" в добровольном принятии на себя унижений и оскорблений *для достижения высшей степени смирения, кротости* и *благости сердечной* и, тем самым, *для развития любви*, даже по отношению к врагам и преследователям. <…> Это – полный отказ от собственного человеческого достоинства… *смирение, доведенное до героической степени*… впадающее по внешней видимости в крайность. Но в сердце юродивого жива память о Кресте и Распятом, о пощечинах, плевках, бичевании, и она-то и побуждает его в любой момент переносить Христа ради поношение и угнетение» [5; 239–240].

Здесь и нужно искать принцип, по которому, во-первых, выстраивается сама жизнь юродивого и, во-вторых, пишется житие. Ведь в житии любого святого действует в качестве главного принцип *уподобления*. Только в каждом типе подвига есть некий свой выбор, некий акцент на одной из сторон Личности и Образа Христа. Безусловно, образ святого юродивого рождает совершенно иную модель поведения, нежели любой другой тип святости. Формы его поведения часто таковы, что их трудно назвать проявлением смирения, если не помнить о мотивации этого поведения и не видеть его результатов.

Обратимся к житию «классического» святого юродивого – Симеона Эмесского («Жизнь и деяния аввы Симеона, юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского» [1; 53–83]), написанному в середине VII века [2; 107].

Житие включает две части, неравноценные по объему. Вначале дана история аскетического пути, как в монашеском житии, в соответствии с принципом пространственно-временной последовательности и с акцентом на проблеме выбора пути святыми и Промысла о них Бога. А затем начинается совсем другая история – юродства св. Симеона, которая потребовала иного принципа повествования и сюжетно-композиционных средств. Вся вторая – и основная – часть жития представляет собой описание самых разных поступков юродивого.

Заметим, что в этом житии не один, а двое святых, и первая часть жития по сути посвящена им обоим: их желанию стать монахами, поиску ими воли Бога и действию Промысла Божия. Здесь сюжетное движение определяется этим поиском. Подвизались Симеон и Иоанн в пустынножительстве 29 лет, вплоть до призвания Симеона на новое поприще. И Симеон до своего вступления на путь подвига юродства уже стал опытным аскетом, его телесность уже обрела бесстрастие. Как пишет Леонтий, к этому времени святые Иоанн и Симеон «достигли великого совершенства, особенно Симеон из-за присущей ему простоты и чистоты (ведь по пребывающей в нем благодати Святого Духа он не чувствовал страданий, холода, голода, зноя и как бы *преступил пределы природы человеческой*)» [1; 66]. И вот после 29 лет подвижнической жизни в пустыни Симеон уже «*не видел пользы»* там оставаться. Почему? Ведь, достигнув бесстрастия, можно совершать подвиг молитвы за весь мир, и таковых примеров было достаточно среди монашествующих IV–VIII веков, о чем говорят древние жития и патерики. Нам видится, что агиограф здесь смотрит на события, изображаемые им, со стороны идеи Божественного Домостроительства, а не со стороны частной судьбы человека, хоть и святого. Но с другой стороны – он пишет о конкретном святом, о его пути к святости. Обратим внимание, что практически в каждом ранневизантийском монашеском житии легко просматриваются этапы пути святого, в которых есть период уединенности монаха, сменяющийся выходом в мир для служения ему. Но впервые житие повествует о таком опыте – выхода монаха из пустыни в мир города, который полон греха и являет собой мир суетный, погибающий, – для спасения этого мира подвигом юродства. В словах Симеона открывается причина выхода из пустыни в мир: «"*…что за польза* нам долее оставаться в этой пустыне? Послушай меня: встань и уйдем, чтобы спасти также и других. Ибо *здесь мы никому, кроме себя, не приносим блага* и ни от кого не получаем мзды". И стал говорить ему такими словами Священного писания: "Никто не ищи своего, но каждый пользы другого", и "*Для всех Я сделался всем*, чтобы спасти по крайней мере некоторых"...» [1; 66].

Диалог Иоаннна с Симеоном важен, так как содержит указание на особенности подвига. Резонно звучат опасения Иоанна, отговаривающего Симеона от выхода в мир, полный искушений для монаха. Но он увидел, что здесь не собственная воля Симеона, а *воля Бога*, и он понимает, что выбор Симеона означает углубление и утяжеление подвига. Это новый и более высокий подвиг, к которому Иоанн еще не готов: «…не оставляй меня, смиренного. Ибо я *не достиг еще такого совершенства*, *чтобы мог смеяться над миром*» [1; 66]. Смирившись с расставанием, он произносит очень важные слова, которые приоткрывают особенности аскезы юродивого: «…прошу тебя, когда смеется лицо твое, да не веселится вместе и ум твой, когда осязают руки твои, да не осязает с ними вместе и душа, когда рот вкушает, да не наслаждается сердце, когда поднимаются ноги, да не нарушается в неподобной пляске покой внутри тебя, коротко сказать – что творит тело твое, да не творит душа. Но если, брат мой, Господь подлинно даровал тебе силу, чтобы при всяком телесном движении, будь то слова или поступки, ум твой и сердце твое пребывали бесстрастными и спокойными,

не оскверняясь от этого и не получая ущерба, то я истинно радуюсь твоему спасению…» [1; 76]. Таким образом, Иоанн предупреждает Симеона, чтобы он хранил *сердце* от того, что будет делать *тело* перед людьми, и чтобы в этих делах не принимала участия *воля*, *ум* при всем, что совершает тело, оставался безмятежным. Иначе говоря, нужно полностью отказаться от своего тела, использовать как инструмент для совершения самых внешне абсурдных поступков. Но и тело при этом будет сохранено от греха, поскольку к нему не будет прилагаться никакой страстности, если сердце и ум будут сохранять бесстрастие. И целостность личности святого остается ненарушимой.

В ответе Симеона на это предостережение еще раз звучит подтверждение его желания уйти в мир как исполнения воли Божией, которая отвечает *новому* зову сердца Симеона. Дальнейший сюжет выстраивается как череда различных поступков юродивого. Причем можно даже менять их местами без ущерба для содержания, так как и мотивация, и цель их одна: все поступки святого объединены стремлением помочь людям, спасти хоть некоторых, и иначе как юродским поведением, внешне непотребным, безумным, этого, оказывается, невозможно достичь.

С. Иванов как о главной типологической черте юродивых пишет об их «агрессии против мира» [3; 99]. Но он не уточняет, против какого *мира*? По всей видимости, сам исследователь исходит из уверенности в единственности мира видимого. Но и агиограф, и изображаемый им христианский юродивый мыслят в других пространственно-временных категориях. И восстает («глумится») юродивый не против мира Христова, а против *мира*, *над которым господствует дьявол* – и господствует не по праву, так как не он творил мир. Составитель жития, епископ Леонтий, исходил из христианской картины мира и историю человечества видел с точки зрения библейской истории, в соответствии с которой мир человеческий отделился от мира Божьего в «этот» и стал «земным», грешным, тленным, подверженным смерти после грехопадения. Но вместе с тем *этот* мир должен преобразиться, стать Христовым, потому что сотворенный Богом человек призван к святости, в чем со-работниками Богу становятся святые блаженные, так они и осознают свое призвание.

Житие утверждает, что подвиг юродства есть один из способов спасения мира. Доказывают это не сами по себе поступки юродивого, которые без их духовного смысла были бы действительно агрессией[4], а результаты, плоды этих поступков, которые открывают духовные, невидимые их причины. Например, Симеон разбил кувшины с вином [1; 69], так как змея впустила в них яд, таким образом он спасал от смерти людей. Или стегал колонны ремнем, предсказывая землетрясение [1; 71], или швырял в людей камни, чтобы отвести их от нападения беса [1; 75], которого он видел, в отличие от других. Или имитировал «насилие» жены кочевника [1; 69] только для того, чтобы кочевник, увидевший прозорливость Симеона (в случае с разбитыми кувшинами), перестал его почитать как святого. Или платил блудницам и часто пребывал среди них лишь для того, чтобы отвести их от греха, заплатив им не за блуд, а за воздержание! [1; 74]. А уж косоглазие девушек так прямо направлено к спасению их души, ведь они иначе «всех сириянок превзошли бы разнузданностью» [1; 76] и т. д. Нет ни одного поступка, где не было бы *любви* юродивого к человеку. И конечно, не личные амбиции и не самоутверждение в своей гордыне, как убежденно считает С. Иванов [3; 181], определяют поведение юродивого. Призванность (от слова «зов»), заданность Творцом такого типа служения – юродства – и есть мотивация выбора святым пути аскезы и служения Богу и людям. Первое житие этого первого «вполне» юродивого указывает на главное: духовное со-творчество человека с Богом в преображении мира.

И все же какова модель поведения юродивого? Как нам видится, основа юродского (Христа ради!) типа поведения дана в приведенной выше евангельской цитате из слов Симеона, объяснявшего свой выбор: «*Для всех Я сделался всем*, чтобы спасти по крайней мере некоторых...» (I Кор. 9, 22) [1; 66]. Только и эти слова апостола Павла, которыми вдохновлялись апостолы, идя на проповедь в мир, юродивый доводит до такого предела, что смысл оказывается сокрытым за его «взрывающей» мир формой поведения. И все же именно этот, если можно выразиться, метод сообщения с миром является определяющим – всем стать для всех, чтобы спасти некоторых.

Итак, подвиг юродства, явленный в этом первом житии юродивого, заключается в *высшей степени смирения и совершенной – Христовой – любви* к человеку. Полнота смирения юродивого проявляется в полном *отказе от себя*: и от разума, и от тела, и от *своей* воли, что дает возможность действию в нем благодати. Но смирение юродивого – «Божьего человека» – сокровенно, оно невидимо миру, поскольку все внешние их поступки говорят, казалось бы, об обратном: поступки юродивого внешне совершенно противоречат идее смирения. Как отметил первым Г. П. Федотов, подвиг юродивого парадоксален. Тип его поведения проявляется в парадоксальной форме предельного *самоотречения и дерзновенности*, основанной на *вере*, что позволяет отнести тип смирения юродивого не к «агрессивному», а к *дерзновенному*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Идея беспредпосылочной герменевтики заключает в себе стремление историка максимально “освободиться” от себя самого, чтобы таким образом изучаемая культура открылась его взору в наибольшей степени как сфера действия иных, порой даже чуждых ему, смыслов» [8; 213].
[2] Нужно отметить, что именно эту черту – смирение – видит главной в подвиге юродства А. Л. Юрганов [8; 243].
[3] Мы говорим здесь только о житийных формах юродства, о юродстве как особом типе подвига и святости, не касаясь проблемы «лжеюродства», шутовства или сумасшествия как состояния болезни. И, помня о законах агиографии, говорим о духовном смысле юродства, но не о его психологии.
[4] Так, С. Иванов называет действия св. Симеона «непотребствами», просто перечисляет их, не приводя ни причин, ни последствий этих поступков – даже тех, которые ясно прописаны в тексте (см. [3]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Византийские легенды / Отв. ред. Д. С. Лихачев; Изд. подгот. С. В. Полякова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 301 с.
2. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 112 с.
3. Иванов С. А. Блаженные похабы (культурная история юродства). М.: Языки славянских культур, 2005. 448 с.
4. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Репр. воспр. текста изд. 1902 г. М., 1992. 288 с.
5. Кологривов Иоанн. Очерки по истории русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. С. 239–251.
6. Панченко А. М. Древнерусское юродство // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 72–153.
7. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
8. Юрганов А. Л. Нелепое *ничто*, или Над чем смеялись святые Древней Руси? // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: Изд-во РГГУ, 2003. С. 211–290.

Dorofeeva L. G., Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)

HUMBLENESS IN SIMEON SALOS'S LIFE

The existing typology of sanctity distinguishes “foolishness for Christ” as a “paradoxical” deed, which is defined by scientists both as “aggression” (S. Ivanov) and as “the highest degree of humility” (I. Kologrivov, etc.). The mentioned distinction in behavioral assessment of the holy fool is conditioned by the difference in methodological approaches. The interpretation of the Life of Saint Simeon Salos is based on the main principle of hermeneutics concerning understanding of *another*; text interpretation in the sacred traditional context. Based on the analysis of the action development it was revealed that the Holy Fool represents a special type of humility, which is characterized by the utter self-renunciation in the forms that “blow up” a situation and disclose people's sinful nature. The main motivation of his behavior is love for God and the neighbor, self-sacrifice for the sake of the people, for their salvation. The basic axiological category is the category of the *world*, which in Saint Simeon's Life is presented as divided into the world of *“this”:* terrestrial and sinful where the devil acts, and the world of Christ in which the Holy Fool already indwells. The purpose of the Holy Fool's behavior is to unveil the devil's presence and to exempt the world from it. The plot is built on the principle of synergy, which implies that the sacred will is fully subjected to the will of God. The image of Saint Simeon Salos becomes an utter expression of love toward people through self-renunciation. We find it possible to call this self-renunciation not *aggressive*, but daring since it is based not on *self-affirmation*, but on the *belief* in God and service to Him.

Key words: hagiography, typology, Hole Fool, humility

REFERENCES

1. *Vizantiyskie legendy* [Byzantine legend]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1972. 301 p.
2. Zhivov V. M. *Svyatost'. Kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov* [Sanctity. Short dictionary of hagiographical terms]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 112 p.
3. Ivanov S. A. *Blazhennye pokhaby (kul'turnaya istoriya yurodstva)* [Blissful pohaby (cultural history of a foolishness in Christ)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005. 448 p.
4. Kovalevskiy I. *Yurodstvo o Khriste i Khrista radi yurodivye vostochnoy i russkoy tserkvi* [Foolishness about Christ and for Goodness Sake, Foolishness of Eastern and Russian Church]. Moscow, 1992. 288 p.
5. Kologrivov Ioann. *Ocherki po istorii russkoy svyatosti* [Sketches on stories of the Russian sanctity]. Brussels, Zhizn' s Bogom Publ., 1961. P. 239–251.
6. Panchenko A. M. Old Russian Foolishness for Christ [Drevnerusskoe yurodstvo]. *Likhachev D. S. Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. P. 72–153.
7. Fedotov G. P. *Svyatye Drevney Rusi* [Sacred Ancient Russia]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 269 p.
8. Yurganov A. L. Ridiculous or What the Saint of Russia laughed at? [Nelepoe nichto, ili Nad chem smeyalis' svyatye Drevney Rusi?]. *Karavashkin A. V., Yurganov A. L. Opyt istoricheskoy fenomenologii. Trudnyy put' k ochevidnosti* [Experience of historical phenomenology. Difficult way to evident]. Moscow, RSUH Publ., 2003. P. 211–290.

Поступила в редакцию 12.02.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 5 **Философия** **2013**

УДК 1/14

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА БРЯНИК
доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социально-политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)
Vastas07@mail.ru

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА В СВЕТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ Г. БАШЛЯРА

Актуальность обращения к философии науки французского мыслителя Г. Башляра связана с поиском методологии исследования современной ситуации в науке – перехода от неклассической к постнеклассической науке. В статье раскрывается, каким образом неклассическая эпистемология Г. Башляра отвечает принципиальным установкам неклассической науки. Рассматриваются особенности «разрыва» между классической и неклассической наукой, включающего одновременно элементы отрицания и синтеза. Категориально развертывается единство внутри как классической, так и неклассической науки, что позволяет оценивать их соотношение по принципу дополнительности. Обосновывается многообразие смыслов утверждаемого Башляром нового рационализма, позволяющее оценить его неклассическую эпистемологию как отрицание декарто-кантовской традиции в области философии. Выделяются основные принципы его философии науки, придающие оригинальный характер его позиции, как то: выявление возможности и границ теоретических установок реализма и рационализма, механизма конструирования научной реальности, особенностей опыта и эксперимента, научных понятий, а также социального статуса неклассической науки.

Ключевые слова: классическая/неклассическая наука, неорационализм, научная реальность, неклассическая эпистемология, принцип дополнительности

В философии науки неорационализм, к которому относят и творчество Гастона Башляра (1884–1962), не самое популярное и сравнительно малоизвестное течение. Критическое освоение идей этого мыслителя в отечественной философии приходится преимущественно на 80-е годы XX столетия [5], [6], [7], [8], [9]. Именно у Башляра мы находим достаточно убедительную *методологию анализа переходного от классической к неклассической науке периода*.

Основные произведения Г. Башляра в области философии науки были опубликованы в первой половине XX века: «Новый научный дух» (1934), «Философское отрицание» (1940), «Прикладной рационализм» (1949) и др. Для адекватного определения собственной позиции он использует такие понятия, как «сюррационализм», «открытый рационализм», «прикладной рационализм», «плюралистический рационализм», «диалектический рационализм», «интеррационализм» и др.

Но *рационалистическая установка* Г. Башляра в философии науки имеет более глубокие корни, чем только его понимание науки: они связаны с его подходом к существу человека. В наиболее значимые моменты жизни человек обретает «рационалистический тонус» и способен достичь состояния «рациональной свободы».

По-философски звучит основной вопрос Башляра в отношении науки: «Усугубляет ли наука драму человеческого бытия?» [1; 328]. Ответ недвусмыслен: «Возлагать на науку ответственность за жестокость современного человека – значит переносить тяжесть преступления с убийцы на орудие преступления» [1; 329].

Призвание науки, по его мнению, заключается в том, что она является «осью ускорения» всех сфер человеческой жизни, поскольку именно научная мысль способна активизировать *интеллектуальные* способности человека, которые и отличают род человеческий. Вместе с тем наука является для него источником *духовных* исканий, она возвышает человеческую душу. Духовность, душа человека – все это идет по разряду экзистенциальных ценностей человеческой жизни. Мыслитель пытается осмыслить бытие современного человека, как он говорит, не *перед* наукой, а в самой гуще событий, происходящих в науке.

Не обходит он острые углы и в области самой философии науки, пытаясь найти компромисс между давно сложившимися крайними позициями.

Философы, как правило, обращаются к науке только для того, чтобы подкрепить научными достижениями и фактами собственные философские положения. Поэтому в философских текстах научные факты и открытия лишь комментируются, механически суммируются, но никак не развиваются. По мнению Башляра, недоверчивое отношение ученых к философии оправдано: они не принимают ее за спекулятивность, за фактический отрыв от науки, за

© Бряник Н. В., 2013

низведение ее на положение склада примеров. Метафизичность и спекулятивность философии – негативные оценки традиционной философии, в том числе и рациональной. Лейтмотив всех произведений Башляра – философия должна органически впитывать в себя динамичные изменения науки, быть способной эффективно объяснять их.

Поясняя, какая философия нужна науке, он стремился избежать двух крайностей: недооценки спекулятивной философией науки и позитивистского отрицания философии наукой. Башляр называет эти две крайние позиции *эпистемологическими препятствиями.*

Размышления Г. Башляра о современной ему науке – это поиск ее новизны. Он видит радикальное отличие науки конца XIX – первой половины XX века от науки XVII – первой половины XIX века. Если обобщить принципиальные отличия новой науки от предшествующей, то это – отличие *неклассической науки* от *классической.* Новая наука по своим принципиальным установкам подрывает основы классической науки и до известной степени предстает как ее *отрицание.* Если в классической науке господствовала евклидова геометрия, то новая наука полагается на неевклидовы геометрии и неархимедовы концепции измерения. А Ньютонову механику и астрономию сменили квантовая механика и теория относительности, которые по своему содержанию представляют неньютонову механику и астрономию. Непифагорова арифметика (в которой не действует принцип коммутативности) и нелавуазьеанская химия заменяют собой, соответственно, пифагорову арифметику и химию Лавуазье. В список новаций Башляр включает и логику, ведь в первой половине XX века идет активная разработка неаристотелевых логик.

Список неклассических областей знания замыкает, как он ее называет, *некартезианская эпистемология*. Некартезианская эпистемология – это и есть философия, идущая на смену декарто-кантовской эпистемологии; то есть это неклассическая эпистемология первой половины XX столетия.

Каждый из этих этапов развития науки обладает *внутренним единством*. Так, составляющие классическую науку ньютоновская механика и астрономия, пифагоровская арифметика и архимедова концепция измерения, лавуазьеанская химия, аристотелевская логика, а также декарто-кантовская эпистемология являются единым целым. Основные положения и принципы данных областей знания коррелируют друг с другом так, что нельзя заменить, например, законы механики Ньютона принципами теории относительности, а принцип детерминизма принципом индетерминизма или ввести в классическую науку трехзначную логику – подобные замены приведут к обрушению всей предшествующей научной картины мира. Подобное единство присуще и неклассической науке.

Но раз существует содержательная взаимосвязь и взаимозависимость различных наук и их конкретных отраслей и теорий в рамках как классической, так и неклассической науки, то возникает вопрос: можно ли это каким-нибудь образом выразить? Башляр считает, что *неклассическую науку* пронизывает и отличает *дух динамизма*, тогда как *классическая наука* воспроизводит мир *статичных*, *покоящихся объектов.*

Вот одно из философских обобщений Башляра *неклассической картины мира*: «Современная наука… совершенно не “вещественная”. Вещь есть не что иное, как остановленное явление… т. е. уже нельзя, как это было раньше, считать естественным восприятие объектов в качестве покоящихся – как будто они были вещами – и искать затем, при каких условиях они способны двигаться» [4; 251]. В классической науке все эти определения лежат по одну сторону, поскольку они раскрывают мир ставшего, покоящегося бытия. *Вещественности* и *субстанциальности* противополагается *динамичный мир* и *энергийное бытие* неклассической науки.

Неклассическая эпистемология обретает динамическое содержание – она является *диалектическим рационализмом*.

Как относится неклассическая наука к предшествующей классической науке?

Сравнивая теоретические построения Ньютона и Эйнштейна, Башляр приходит к выводу, что «мы жили в ньютоновском мире, как в просторном и светлом доме. Ньютоновское мышление с самого начала представляло собой великолепный и тонкий образец замкнутой мысли; выйти из него можно было только его взорвав» [2; 57]. Такая оценка дает ему основание называть свою философию *философией отрицания* или *разрыва.* Вместе с тем Г. Башляр считает, что Ньютон и Эйнштейн могли бы прекрасно договориться друг с другом, то же самое могло бы произойти между Евклидом и Лобачевским, а также другими представителями классической и неклассической науки.

Как это возможно? Новизна современного научного духа не требует ликвидации и устранения традиционных представлений. Философское отрицание трактуется им таким образом, что взаимно исключающие друг друга стадии развития находятся в *отношении дополнительности* и могут соединиться в обобщающем синтезе.

В этой логике рассуждений Башляр вводит весьма экстравагантный термин – «сюррационализм», раскрывая его как особую позицию, допускающую *соположение* разных, в том числе несхожих до противоположности, рациональных систем.

Пангеометрия (понятие, введенное Н. И. Лобачевским в 1855 году) и представляет собой

сюррационалистический синтез рациональных систем геометрии Евклида и самого Н. И. Лобачевского. А потом мы обнаруживаем такие аналогии: «…мы не устанем повторять, что нелавуазьеанская химия, как и любая научная деятельность, связанная с философским отрицанием, отнюдь не подрывает значения классической… Она стремится лишь к организации более общей химии, панхимии, подобно тому, как пангеометрия стремится свести воедино возможности геометрической организации» [4; 212].

Итак, *пангеометрия*, *панарифметика*, *панастрономия*, *панхимия*, *панмеханика*, *панлогика* и, конечно, *панэпистемология* – вот составляющие синтеза классической и неклассической науки, вобравшего в себя момент дополнительности.

Обратимся к основным положениям неклассической эпистемологии Г. Башляра.

1. В философии науки он выделяет две принципиально возможные теоретические позиции – реализм и рационализм. Их двойственность неустранима в силу того, что сама наука обладает двойственностью: с одной стороны, она создается по законам мышления, оправдывая тем самым *методологию рационализма*, с другой – она должна быть приспособлена к внешнему миру, и это является методологическим оправданием реализма.

Неустранимость двойственности современного типа науки вызывает необходимость соположения в ней фактуального и теоретического содержания. Подобный дуализм есть отличительная черта науки, зародившейся именно в Новое время: ни античная, ни средневековая наука не обладали данной особенностью – они не были ориентированы на реализацию знания.

Г. Башляр отдает предпочтение тому эпистемологическому направлению, которое идет *от рационализма к опыту*, и считает, что современная наука по сути своей есть скорее движение от мысли к опыту, чем наоборот.

2. По мнению Башляра, то, что непосредственно дается в опыте, – это *реальность первого уровня*. Реальность, к которой обращена новая наука, он называет *реальностью второго уровня*. Эта разновидность научной реальности являет собой воплощение человеческого замысла, поэтому «качества научной реальности… в первую очередь есть функции наших рациональных методов» [2; 150]. Исходя из данной позиции Г. Башляр утверждает: «Реальное доказывают, а не показывают» [2; 36]. Мир непосредственно данного нам недоступен – ведь доступно лишь то, что выявлено с помощью эксперимента или мыслительно-проективных операций. Они втягивают первично данную реальность в реальность науки. Человеческая мысль и человеческое действие трансформируют изначально данное, естественное в *искусственно созданную реальность науки*.

По Башляру, *научная реальность* – это *рационально обработанная реальность*, то есть сконструированная человеком. Он внедряет идею *о реальности как реализации*, как искусственном порождении и специально созданном конструкте: «…между реальностью и реализацией находятся рациональные факторы» [4; 198]. Отсюда сконструированное занимает место непосредственного. Всяческие попытки отстаивать только реализм, сводить объект науки к естественной реальности первого уровня являются, с его точки зрения, упрощением научной культуры и шагом назад.

3. Отметим то, как сказывается вышеизложенный принцип на понимании Башляром *способов получения* и *организации научного знания*. Начнем с его трактовки *опыта*. По Башляру, опыт является научным, если ему предшествует определенный проект, разработанный на основе существующих теорий. Если обратиться к *наблюдениям*, то следует учитывать, что «научное наблюдение всегда полемично: оно или подтверждает, или опровергает некоторый предварительный тезис, исходную схему, план наблюдения» [2; 36].

Еще в большей степени влияние разума ощутимо в *эксперименте*. Г. Башляр определяет научный эксперимент как «подтвержденный разум». Прошло то время, когда эксперимент возникал случайно, носил эпизодический характер, проводился стихийно, а в научном сообществе воспринимался как экзотическое и курьезное событие. Современный научный эксперимент всегда имеет предварительный проект, проводится в соответствии со строгим планом, нередко он даже проигрывается с помощью некоего «рационального муляжа» и имеет своей целью подтверждение или опровержение заранее выдвинутых предположений.

Инструментальная составляющая – атрибут науки современного типа. Инструменты не извне привносятся в науку: они, по определению Башляра, «суть не что иное, как материализованные теории» [2; 37]. Вместе с тем обращение к истории заставляет признать, что «длительное время *инструмент предшествовал теории.* В наши дни ситуация изменилась, в активных… разделах науки теперь теория предшествует инструменту, так что физический инструмент является реализованной, конкретизированной и по существу рациональной теорией» [4; 177–178]. Технически оснащенные наблюдение и эксперимент позволяют очистить, усилить, сконцентрировать и тем самым *интеллектуально* воспроизвести первозданное, ввести его в круг науки. Объект исследования современной науки – это по большому счету *технически сконструированная реальность.*

Итак, научная реальность – это рациональная реальность, преподанная сквозь экспериментальную, лабораторную, инструментально-техническую, проективно-конструкторскую обработку первичной реальности.

4. Особое внимание Г. Башляр уделяет *научным понятиям*. Раскрывая, что собой представляют понятия, он не просто отстаивает рационалистическую позицию, а развивает и динамизирует ее.

Как в физике, так и в химии (и в других рационализированных областях науки) эволюция понятий заключается в обретении ими целого спектра смыслов, из которых нельзя выбрать какой-то один-единственный, поскольку каждый из смыслов привязан к определенной теоретической конструкции. Вновь появляющиеся теории не отбрасывают напрочь ранее существовавшие теории, а «обнимают» их собой – разные теории сосуществуют, не нарушая границ друг друга и давая эпистемологу возможность обнаружить *многосмыслие* базовых понятий и определенный порядок трансформации этих смыслов – от реалистических к рационалистическим и сверхрационалистическим.

Эволюция понятий предстает у Башляра как «активная концептуализация», которая приводит к «плюрализму смыслов». Плюрализм смыслов – показатель того, что традиционный рационализм переживает глубокий переворот. Так, он пишет о том, как только за два десятилетия (конец XIX и первое десятилетие XX века) физики несколько раз меняли свои представления об электроне, перестраивая стиль мышления, ломая свою интеллектуальную жизнь.

Рождение новых смыслов базовых понятий науки дает философии основание признать функциональность рационализма, его подвижность и многоликость. По оценке Башляра, «рационализм мультиплицируется», что подрывает важнейший принцип классического рационализма – неизменность разума и его абсолютность. А раз так, то не может быть и единственной научной философии. По сути дела, каждый данный смысл понятия отвечает определенной философской установке. Так, понятие массы представлено у Башляра пятью смыслами, которые сопоставляются им соответственно с наивным реализмом, позитивистским эмпиризмом, ньютоновским рационализмом, диалектическим рационализмом и сюррационализмом. Башляр лоялен ко всем философским установкам. Философия науки, желающая быть открытой динамике самой науки, является дисперсированной (рассеянной, рассредоточенной) философией. Плюралистичная, дисперсированная философия – показатель разнообразия философской культуры.

Свою позицию Башляр доводит до определенной крайности, заявляя, что философия должна следовать за каждой новой теорией, гипотезой, новой научной идеей и т. п. – она должна стать «философией эпистемологической детали».

5. Башляр обращается к особенностям *социального бытия науки*. Его призыв к философам – быть на уровне современной науки – связан с необходимостью признания ее социального статуса: «…для того, чтобы принадлежать науке своего времени, нужно не забывать… о социальных условиях, в которых она существует» [3; 290]. Социальный статус присущ не только прикладной, но и чистой науке только в своеобразной форме. «Чистая наука – это наука, которая тоже социализирована. Она имеет прямое отношение к психологии научного сообщества… научного сообщества, входящего в наше современное общество… Сообщество парижской науки имеет, естественно, связи с мировой наукой» [1; 343]. Социальность науки для Башляра заключается в том, что она являет собой своеобразную общественную организацию как внутри отдельной страны, так и в мировом масштабе. Для него это важная отличительная черта современной науки, потому что сегодня нельзя «полагаться на одинокий ум Робинзона… любое научное призвание может быть реализовано лишь в рамках социальных институций; оно немыслимо вне научного сообщества. Современная наука – это *общечеловеческое образование*» [1; 343]. Научная деятельность в современных условиях носит коллективный характер. Признание коллективистского характера науки Башляр называет *интеррационализмом*. Он сопрягает интеррационализм с «интергуманизмом», поясняя их связь таким образом: «*Интергуманизм* (т. е. взаимный обмен научными знаниями и человеческим опытом), присущий современной науке, имеет куда более высокую и действенную ценность, чем *универсализм* классического рационализма. Интеррационализм, собственно, и является универсализмом» [1; 344].

Еще одним существенным проявлением коллективной деятельности в науке является *специализация*. В противовес объединительным тенденциям (интеррационализму) специализация позволяет заниматься углубленными исследованиями. Специализированную деятельность в науке, которая сложилась как особый социальный институт в XIX веке, Г. Башляр называет региональным рационализмом. Без региональной рациональной деятельности невозможна совместная, коллективная деятельность в науке. По его мнению, специализация устраняет такой порок традиционного рационализма, когда каждый исследователь стремился сказать все обо всем. Особое внимание он уделяет специализации потому, что именно в среде философов дается резкая критика этой набирающей силу тенденции: «Я думаю, фобия специализации – это своеобразная мономания философов, которые судят о науке со стороны… Люди же,

занимающиеся наукой… не испытывают страха перед специализацией. <…> Напротив, она пробуждает к жизни и стимулирует развитие тех идей, которые относятся к самым различным ее областям» [1; 338–339].

Наконец, нельзя не отметить, что много внимания Башляр уделяет психолого-педагогическим аспектам существования и развития современной науки. Он ставит вопрос так: каким образом следует готовить молодежь, чтобы она смогла войти в проблемное поле современной науки, понятой во всех ее сложностях? В ответе на этот вопрос Г. Башляр проявляет себя не только как блестящий исследователь, но и как преподаватель высшей школы.

Подводя итог, можно отметить следующее. Башляр не без оснований претендует на философию, идущую от самой науки. Переход от классической науки к неклассической он раскрывает в контексте неклассической эпистемологии, являющей собой одновременно отрицание и дополнение классической философии науки. Основная установка и принципы неклассической эпистемологии Башляра должны быть приняты во внимание при исследовании перехода от неклассической к постнеклассической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башляр Г. Научное призвание и душа человека // Башляр Г. Новый рационализм: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. С. 328–346.
2. Башляр Г. Новый научный дух // Башляр Г. Новый рационализм: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. С. 28–159.
3. Башляр Г. О природе рационализма // Башляр Г. Новый рационализм: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. С. 284–323.
4. Башляр Г. Философское отрицание // Башляр Г. Новый рационализм: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. С. 160–283.
5. Визгин В. П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М.: Наука, 1996. 263 с.
6. Зотов А. Ф. Гастон Башляр и методология науки XX века // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 137–145.
7. Зотов А. Ф. «Прикладной рационализм» Гастона Башляра // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60–70-х гг. М.: Наука, 1983. 384 с.
8. Федорюк Г. М. Французский неорационализм: Критический очерк. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 159 с.
9. Филиппов Л. И. Проблема воображения в работах Гастона Башляра // Вопросы философии. 1972. № 3. С. 156–164.

Bryanik N. V., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)

NONCLASSICAL SCIENCE IN LIGHT OF NONCLASSICAL EPISTEMOLOGY BY G. BACHELARD

The relevance of addressing to G. Bachelard's philosophy of science is determined by the need to find new methodological grounds of scientific research pertaining the current situation in science – transition from nonclassical to postnonclassical science. The paper shows how the nonclassical epistemology of G. Bachelard conforms with the major principles of nonclassical science. Characteristic features of the "gap" between classical and nonclassical science are considered. These features include elements of both negation and synthesis. Categorial unity unfolds both in classical and non-classical science to allow assessment of their relationship on the principle of complementarity. Justified diversity of Bachelard's new rationalism is approved as a measure of nonclassical epistemology denying Cartesian-Kantian tradition in philosophy. The main principles of his philosophy of science are identified. They are: identification of opportunities and limits of theoretical systems of realism and rationalism, construction mechanism of scientific reality, features of experience and experiment, scientific concepts, and a social status of nonclassical science.

Key words: classical/nonclassical science, neorationalism, scientific reality, nonclassical epistemology, the principle of complementarity

REFERENCES

1. Bashlyar G. Scientific calling and human's soul [Nauchnoe prizvanie i dusha cheloveka]. *Bashlyar G. Novyy ratsionalizm* [Bachelard G. New rationalism]. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 328–346.
2. Bashlyar G. *New scientific spirit* [Novyy nauchnyy dukh]. *Bashlyar G. Novyy ratsionalizm* [Bachelard G. New rationalism]. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 28–159.
3. Bashlyar G. About the nature of rationalism [O prirode ratsionalizma]. *Bashlyar G. Novyy ratsionalizm* [Bashlyar G. New rationalism]. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 284–323.
4. Bashlyar G. Filosofskoe otritsanie [Philosophic negation]. *Bashlyar G. Novyy ratsionalizm* [Bachelard G. New rationalism]. Moscow, Progress Publ., 1987. P. 160–283.
5. Vizgin V. P. *Epistemologiya Gastona Bashlyara i istoriya nauki* [Epistomology of Gaston Bachelard and history of science]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 263 p.
6. Zotov A. F. [Gaston Bachelard and methodology of science of XX century]. Gaston Bashlyar i metodologiya nauki XX veka. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. 1973. № 3. P. 137–145.
7. Zotov A. F. Applied rationalism of Gaston Bachelard ["Prikladnoy ratsionalizm" Gastona Bashlyara]. *Problemy i protivorechiya burzhuaznoy filosofii 60–70-kh gg* [Problems and contradictions of bourgeois philosophy of 60–70's]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 384 p.
8. Fedoryuk G. M. *Frantsuzskiy neoratsionalizm* [French neorationalism]. Rostov-on-Don, Rostov University Publ., 1983. 159 p.
9. Filippov L. I. Problem of imagination in Gaston Bachelard's works [Problema voobrazheniya v rabotakh Gastona Bashlyara]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. 1972. № 3. P. 156–164.

Поступила в редакцию 26.03.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Август, № 5 **Философия** **2013**

УДК 1

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
saleb@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ОПРАВДАНИЯ ИНДУКЦИИ
(конвенционалистский, индуктивно-аналитический и лингвистический подходы)

Рассматривается классическая эпистемологическая проблема, поставленная Д. Юмом: можно ли чисто рационально оправдать использование в повседневной жизни и в эмпирических науках индукции как способа обобщения эмпирических данных и основы для предсказания новых фактов? Обращаясь к анализу конвенционалистских, неоиндуктивистских и лингвистических концепций в области философии языка, автор демонстрирует невозможность умозрительно-теоретического оправдания индуктивных выводов. Отмечается, что решение проблемы индукции возможно только при выходе из сферы разума в область практической деятельности человека и общества. Полученные результаты обогащают традицию философского осмысления науки, способствуя уяснению природы научного знания.

Ключевые слова: индукция, обоснование, рациональность, конвенционализм, индуктивная логика, аналитическая философия, социальная практика

КОНВЕНЦИОНАЛИСТСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ИНДУКЦИИ

С точки зрения конвенционалистов (Пуанкаре, Мильо, Леруа и др.), заключение любого индуктивного вывода является истинным потому, что мы принимаем решение считать его таковым. Рассмотрим следующий приводимый ими пример. Допустим, нагревается кусок вещества, называемого фосфором. Находим, что он расплавляется при 44 °С. Отсюда делаем вывод, что фосфор всегда будет плавиться при этой температуре и для убеждения в истинности данного вывода нам вовсе не требуется проводить измерения температуры плавления других кусков фосфора. Но как это возможно? Все очень просто, отвечает конвенционалист. Полученное в опыте синтетическое утверждение о точке плавления куска фосфора мы превращаем в аналитическое, необходимо-истинное предложение путем включения свойства фосфора «плавиться при 44 °С» в определение фосфора. Соответственно принятому решению все, что не будет плавиться при 44 °С, как бы оно ни походило на фосфор, не должно называться таковым. Несмотря на известное изящество и простоту, конвенционалистское решение проблемы индукции не может быть признано удачным. Конвенционалистское обоснование индукции имеет смысл только тогда, когда мы имеем дело с существенными признаками предметов, но этого-то как раз a priori мы знать не можем, а только из опыта, в частности, в результате постоянного повторения определенного признака у предметов исследуемого класса. Если же вслед за конвенционалистами все признаки считать существенными, тогда нам грозит потеря общности знания и катастрофическое умножение сущностей. В самом деле, согласно конвенционалистам, если мы наблюдали лебедя и нашли его имеющим белый цвет, то можно сделать вывод, что все лебеди – белые, рассматривая его как аналитическую истину. Тогда, с этой точки зрения конвенционалистов, черного лебедя, найденного в Австралии, мы не должны называть лебедем. Более того, поскольку все другие лебеди чем-то отличаются от лебедя, наблюдавшегося в опыте, последовательное проведение конвенционалистской стратегии обязывает нас давать новое имя каждому лебедю.

Существенным недостатком конвенционалистского обоснования индуктивных выводов является также то, что при таком подходе фактически снимается проблема объективной коррекции, исправления нашего знания опытом, так как все эмпирическое знание объявляется аналитическим. Таким образом, конвенционалистское «решение» проблемы индукции покупается ценой возникновения весьма существенных трудностей и проблем методологического характера.

ИНДУКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ИНДУКЦИИ

По сравнению с метафизическим, прагматическим и конвенционалистским способами решения проблемы индукции, Р. Карнап выдвинул принципиально иной подход, который может быть назван *индуктивно-аналитическим* или *неоиндуктивистским.* Его особенности связаны прежде всего с новым пониманием индуктивного вывода. Это понимание столь специфично, что требует во избежание путаницы введения

© Лебедев С. А., 2013

особого обозначения. Для названия того, что традиционно понималось под индуктивным выводом, введем термин «индукция 1», или «индуктивный вывод 1», а для того, что Карнап именует индуктивным выводом, – «индукция 2», или «индуктивный вывод 2». Поясним сказанное: традиционно под индуктивным выводом подразумевался специфический вид вывода от частного к общему. Любой вывод, в том числе индуктивный, подразумевал возможность «отделения» заключения этого вывода от его посылок. Например, на основе посылок «все люди смертны» и «Сократ – человек» и соответствующего правила силлогистики «делалось» или «отделялось» заключение «Сократ смертен». Индуктивный же вывод в смысле Карнапа, или индуктивный вывод 2, обозначает нечто совершенно другое. Под индуктивным выводом 2 имеется в виду «процедура нахождения вероятностных значений» [5; 264] для любой пары высказываний в определенном фиксированном языке. Таким образом, если индуктивный вывод 1 – это определенный тип вывода в объектном языке, индуктивный вывод 2 – это определенный тип вывода в метаязыке, а именно определение степени силы логической связи между любыми двумя высказываниями объектного языка. Эти высказывания могут быть сколь угодно сложными и любой природы. В частности, это могут быть посылки и заключения индуктивного вывода 1. Тогда индуктивный вывод 2 будет выступать как оценка силы логической связи между посылками и заключением индуктивного вывода. Но, строго говоря, с позиций Карнапа ни о каком индуктивном выводе на уровне объектного языка говорить нельзя, ибо здесь с самого начала даны и посылки, и заключение, причем последнее неотделимо от посылок по существу. На уровне объектного языка, по Карнапу, речь может идти не об индуктивном выводе, а о существовании определенного типа связи между высказываниями, которую можно назвать индуктивной связью. Последняя представляет собой логическую связь между двумя любыми высказываниями, когда степень ее силы, определяемая по Карнапу с помощью С-функции, не равна ни 0, ни 1, а характеризуется некоторым промежуточным значением. Заключением индуктивного вывода 2 всегда будет некоторое метавысказывание, истинность которого является аналитической и определяется набором аксиом, принятым в данной системе индуктивной логики. Чтобы судить об истинности заключений индуктивных выводов 2, утверждает Карнап, «в принципе нет необходимости обращаться к опыту… Возьмем ситуацию в арифметике. Вы можете показать ребенку, что трижды пять есть 15, вынув по пять яблок из трех пакетов и посчитав их вместе. Но, я думаю, что большинство из нас согласилось бы, что это не необходимо. Мы можем найти, что трижды пять равно 15, не считая действительные предметы. Мы рассматриваем арифметику как область априорного знания. И я верю, что то же самое относится к индуктивной логике» [5; 264–265].

В связи с новым пониманием индуктивного вывода Р. Карнап предлагает и соответствующее решение проблемы оправдания индукции. В одной из своих последних работ «Индуктивная логика и индуктивная интуиция» он проводит четкое различие между двумя аспектами оправдания индуктивных выводов 2. Назовем эти аспекты внутренним и внешним. Поскольку индуктивный вывод 2 совершается всегда на основе и в рамках принятой системы индуктивной логики, постольку внутренним аспектом обоснования любого индуктивного вывода является показ того, что он совершен по правилам, разрешаемым данной системой аксиом. Индуктивный вывод имеет следующую структуру: посылки e, h, c, S; заключение $c\,(h, e) = p$, где e и h – высказывания объектного языка, силу логической связи между которыми мы хотим определить; c – функция, с помощью которой мы определяем степень «подтверждения» гипотезы h на основе данных e; S – принятая система аксиом индуктивной логики; p – число в интервале $0–1$. Заключение индуктивного вывода 2 всегда либо с необходимостью следует из его посылок, либо вообще не следует. В этом смысле внутреннее оправдание индуктивного вывода 2 ничем не отличается от оправдания любого дедуктивного вывода, законность которого устанавливается сведением его к тавтологии.

Внешний же аспект обоснования любого индуктивного вывода 2 связан с оправданием того определения c-функции и той системы аксиом, в рамках которых совершается этот вывод. Дело в том, что, как показал Карнап [5], в принципе возможно бесконечное число логических функций, определяющих степень логической связи между высказываниями. Различные индуктивные методы будут, вообще говоря, давать разные значения степени этой связи для одной и той же пары высказываний. Следовательно, возможно бесконечное число систем индуктивной логики, в которых, в частности, по-разному будет оцениваться правомерность и сила одних и тех же индуктивных выводов. Таким образом, с позиции Карнапа оказывается, что постановка Юмом вопроса о надежности индуктивных выводов в ее общей форме является бессмысленной. Согласно Карнапу, вопрос о надежности или ненадежности различного рода индуктивных выводов имеет смысл только по отношению к конкретной системе индуктивной логики. Однако, поскольку один и тот же индуктивный вывод будет оцениваться в разных системах индуктивной логики по-разному, закономерно возникает вопрос: существует ли какой-то рациональный критерий

предпочтения одних систем индуктивной логики другим и можно ли указать на одну из таких систем как на наиболее предпочтительную? На первую часть вопроса Карнап пытался дать положительный ответ. В последние годы он связывал его с теорией субъективной вероятности и теорией принятия решений, утверждая, что никакая система индуктивной логики не может считаться рациональной, если она не удовлетворяет требованиям этих теорий.

Насколько удовлетворительно карнаповское решение проблемы индукции? Основные недостатки карнаповского подхода к обоснованию индукции связаны прежде всего с его трактовкой индукции. Трактуя индуктивный вывод как аналитический, Р. Карнап по существу ушел от обсуждения традиционной проблемы того, возможно ли рационально предсказывать будущее на основе прошлого и настоящего опыта. И это обусловлено тем, что, согласно Карнапу, в индуктивных выводах на уровне объектного языка мы вообще не имеем права отделять заключение от посылок. Правда, на уровне метаязыка мы можем определить силу логической связи между посылками и заключениями индуктивного вывода. Например, мы можем подсчитать, что некоторая гипотеза h_1 по отношению к определенным данным e будет иметь значение логической вероятности p_1 ($c(h_1, e) = p_1$) и что другая гипотеза h_2 по отношению к этим же данным будет иметь значение p_2 ($c(h_2, e) = p_2$). При этом пусть $p_1 > p_2$. Можно ли эту информацию использовать как основу для действия? Карнап утверждает, что предпочтение должно отдавать логически более вероятной гипотезе. Но почему, спрашивает А. Айер [3], следует это делать? Как это понимать? Действительно, если обе оценки p_1 и p_2 подсчитаны правильно и оба утверждения $c(h_1, e) = p_1$ и $c(h_2, e) = p_2$ являются аналитически истинными, то в рамках индуктивной логики у нас нет оснований для предпочтения одного из них другому. Карнап соглашается с этим и добавляет, что вопрос об использовании заключений индуктивных выводов 2 – это не вопрос индуктивной логики, а вопрос методологии, предметом которой он считает проблематику, связанную с применением логики. Одним из важных методологических требований использования индуктивной логики является, по Карнапу, так называемый принцип «тотальной очевидности» (a total evidence), согласно которому при сравнении различных гипотез по степени их обоснованности и выборе наиболее вероятной из них мы должны использовать всю имеющуюся у нас информацию, релевантную этим гипотезам. Пусть так. Но вопрос все же остается: почему мы должны выбирать каждый раз наиболее вероятную (в смысле логической вероятности) гипотезу, то есть ту, которая в наибольшей степени логически связана с имеющейся у нас информацией? Единственно правдоподобный ответ на этот вопрос состоит, кажется, в следующем. Если значение логической вероятности интерпретировать как степень логической обоснованности, тогда наиболее вероятная гипотеза будет являться наиболее логически обоснованной. А ей необходимо отдавать предпочтение просто исходя из «парадигмы» рациональности. В принципе это делать необязательно, но рациональный человек, чтобы быть последовательным, должен всегда поступать таким образом. Теперь, если задать еще один вопрос: почему мы должны быть всегда рациональными, то ответ на него возможен двоякий. Либо мы будем искать некую новую предпосылку как основание рациональности, и тогда налицо регресс в дедуктивную бесконечность, либо мы будем обосновывать необходимость рационалистического поведения ссылкой на то, что в прошлом и настоящем такая стратегия, как правило, приводила к успеху, но тогда мы имеем дело с индуктивным обоснованием индукции.

Таким образом, проблема остается открытой. Более того, сам Карнап склонялся к субъективно-конвенционалистскому ее решению, о котором мы уже говорили выше.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУКЦИИ

Многие современные философы, особенно представители философии обыденного языка (М. Блэк, П. Стросон и др.), предприняли ряд «лингвистических атак» на проблему индукции, стремясь доказать, что ни скептик Юм, ни его оппоненты, пытавшиеся рационально обосновать индукцию, не правы в равной степени, ибо сама проблема индукции является неправильно поставленной. Рассмотрим некоторые из аргументов представителей философии обыденного языка.

Один из аргументов состоит в утверждении, что нельзя ставить проблему обоснования индукции в целом, а можно спрашивать лишь об обоснованности или необоснованности отдельных индуктивных выводов, ибо индуктивные выводы бывают разные: правильные и неправильные, хорошо обоснованные и слабо обоснованные и т. п. В этой связи П. Стросон проводит аналогию с дедукцией и спрашивает: почему никто так остро не ставит вопрос об обосновании дедукции вообще, как он поставлен в отношении индукции? «Каким образом второй вопрос мог быть поднят вообще… почему в противоположность соответствующему вопросу о дедукции он должен казаться образующим гениальную проблему?» [8; 83]. Отвечая на этот вопрос, сам П. Стросон утверждает, что проблема обоснования дедукции не была поставлена именно потому, что абсурдность такой проблемы очевидна с самого начала или, по крайней мере, более очевидна по

сравнению с проблемой обоснования индукции. И связано это в первую очередь с тем, что стандарты правильных (законных, обоснованных) дедуктивных выводов были не только хорошо разработаны издавна, но и абсолютизированы по отношению к значению термина «вывод». Поэтому, когда обнаружили, что с точки зрения дедуктивных стандартов все индуктивные выводы являются неправильными, появилась потребность обосновать индукцию вообще. Таким образом, сама по себе проблема обоснования индукции, считает Стросон, является неправильно поставленной и по существу бессмысленной, однако она имела реальные основания, а именно психологистское понимание логики, абсолютизация дедуктивных стандартов мышления и неразвитость индуктивной логики.

Другой распространенный аргумент философов обыденного языка, направленный на разрушение скептической постановки вопроса в отношении индукции, связан с анализом понятия «честный образец», или «репрезентативная выборка». Рассмотрим следующий пример статистического вывода, обсуждаемый Пирсом [7] и Мадденом [6]. Допустим, мы имеем дело с вагоном пшеницы, содержащей смесь двух различных видов зерен. Требуется определить процент зерен каждого вида во всем вагоне. Обычно исследуется не вся популяция, а только часть ее – «образец», «выборка». Для того чтобы получить «честный образец», необходимо тщательно перемешать пшеницу перед тем, как взять образец. В частности, это может выражаться в том, что берется несколько проб пшеницы из различных частей вагона. С помощью тщательного перемешивания пшеницы стремятся обеспечить случайное распределение зерен с тем, чтобы каждое зерно имело такой же шанс попадания в образец, как и остальные. Таким способом достигается то, что образец не является «пристрастным», а «непристрастный» образец и есть именно то, что мы называем «честным», или «представительным», образцом. Затем мы подсчитываем интересующий нас процент зерен для образца и экстраполируем его на всю популяцию в целом. На вопрос о том, каково основание данной экстраполяции, обычно отвечают: честность образца. Однако скептический философ, подобно Юму, спросит: «А откуда вы знаете, что имеете действительно “честный образец”? Как вы можете быть уверены, что после тщательного перемешивания не осталось некоторых участков неперемешанной пшеницы? Ведь если это так, то законность ваших выводов должна быть поставлена под сомнение». На подобное сомнение скептика лингвистический философ отвечает, что термин «действительно честный образец» является самопротиворечивым. В чем его отличие от «честного образца»? Если отличия нет, тогда сам вопрос неуместен, ибо в этом случае просто спрашивается, какое основание есть для веры, что честный образец является честным образцом? Если же отличие есть, то, будьте любезны, укажите, в чем оно состоит. Поскольку вы не указываете его, то вы употребляете термин «действительно честный образец» либо противоречивым, либо бессмысленным образом.

Предпринятая философами обыденного языка «лингвистическая терапия» проблемы индукции, несмотря на ряд метких замечаний по употреблению терминов, страдает многими существенными недостатками. Прежде всего может быть оспорено их утверждение о том, что постановка проблемы индукции в общем виде является бессмысленной. Во-первых, доказательство этого утверждения основано у них на аналогии индукции с дедукцией. В данном случае эта аналогия как раз и «хромает», ибо если среди дедуктивных выводов можно сравнительно легко отличить правильные от неправильных, то для индуктивных выводов (как мы это видели, в частности, при обсуждении концепции Р. Карнапа) возможность нахождения критерия различения правильных и неправильных выводов составляет проблему. Во-вторых, доказательство «лингвистами» неправомерности постановки проблемы индукции самой по себе основано на неявной предпосылке, что не существует неиндуктивных способов знать будущее, что неверно. Можно говорить об эвристической силе интуиции, аналогии, других методов и сравнивать их с индукцией как специфическим типом эвристики. Все, что доказывает рассматриваемый аргумент лингвистических философов, состоит в том, что индукция сама по себе не может быть обоснована тем способом, которым может быть обоснован любой частный индуктивный вывод, но этот аргумент не доказывает, что она не может быть обоснована никаким иным способом. Что же касается «лингвистической терапии» понятия «честный образец», то здесь «лингвисты» действительно не учитывают возможности существования флюктуации для той или иной последовательности. В точности так же, как они критикуют понятие «действительно честный образец», можно критиковать понятия «честный образец» и даже «образец». Справедливо замечание Маддена: «Стросон не в состоянии дать основание, почему данный образец является честным только на том основании, что он был перемешан, стратифицирован и т. п. Я не могу дать основания, почему нечто есть то, что оно есть, синонимичной фразой… Когда кто-то спросил бы: “Почему это честный образец?”, я не ответил бы ему вообще, если бы, утверждая эквивалентность терминов “честный образец” и “образец, который перемешан…”, сказал: “Потому что он был перемешан, стратифицирован и т. д.”. Ибо все, что я ухитрился бы сказать в этом случае, было бы: “Этот образец является

честным, потому что он является честным”» [6; 319].

Подводя итог сказанному, приходится заметить, что попытки оппонентов Юма разрушить его скептицизм в отношении возможности доказать истинность заключений индуктивных выводов чисто рациональным способом потому и оказались несостоятельными, что здесь Юм был прав. Невозможность чисто теоретического оправдания индукции свидетельствует не о «скандале» в философии, а лишь об ограниченности чисто интерналистского подхода к проблеме обоснования индукции, то есть только на основе внутринаучных факторов, не выходя за пределы научного знания. С нашей точки зрения положительное решение этой проблемы возможно, но только при выходе из сферы научного познания в более широкую сферу человеческой деятельности, а именно в область практической деятельности человека и общества [1], [2]. Ее решение возможно при истолковании процесса научного познания как принципиально социального процесса, подлинным субъектом которого является не отдельный ученый, а дисциплинарное научное сообщество, принимающее коллективное решение по всем принципиальным вопросам функционирования и развития науки, в том числе и по вопросам обоснованности и истинности научного знания. Но ясно и то, что все такого рода решения являются социальными, имеющими относительный и временный характер, которые могут быть пересмотрены в будущем. А главными основаниями их принятия научным сообществом в качестве истинных являются либо их успешное применение в ходе непосредственной практической деятельности, либо их перспективность в качестве фундамента дальнейшего развития научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев С. А. Социальная природа и инновационный характер современной науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 4. С. 5–13.
2. Лебедев С. А. Праксиология науки // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 52–63.
3. Ayer A. The conception of probability as Logical Relation // Observation and Interpretation: A symposium of philosophers and physicists / Ed. by S. Korner, M. H. L. Pryce. L.: Butterworths, 1957. P. 12–30.
4. Carnap R. The Continuum of Inductive Methods. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. 264 p.
5. Carnap R. Inductive Intuition and Inductive Logic // The Problem of Inductive Logic. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1968. P. 258–268.
6. Madden E. H. The Riddle of Induction // The Structure of Scientific Thought. MA: Houghton Mifflin, 1960. P. 318–320.
7. Peirce C. Induction as Experimental and selfcorrective // The structure of scientific thought. MA: Houghton Mifflin, 1960. P. 216–234.
8. Strawson P. The problem of Induction // The Structure of Scientific Thought. MA: Houghton Mifflin, 1960. P. 81–105.

Lebedev S. A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

PROBLEM OF INDUCTION JUSTIFICATION (conventionalistic, inductive-analytic, and linguistic approaches)

The classical epistemological problem posed by Hume is studied. The main questions are the following: Is it possible to justify the use of induction in everyday life? Can we justify induction as a way of synthesis of empirical evidence or a basis for new facts' prediction? Based on the analysis of conventional views and ordinary language philosophy, the author shows impossibility of pure theoretical justification of induction. The author concludes that pure speculative thinking failed to resolve the problem of induction justification and points to the sphere of social practice as a key to the problem solution. These results enrich traditions of philosophical understanding of science by this contributing to the elucidation of specific scientific knowledge.

Key words: induction, justification, rationality, conventionalism, inductive logic, analytical philosophy, social practice

REFERENCES

1. Lebedev S. A. Social nature and innovative character of modern sciense [Sotsial'naya priroda i innovatsionnyy kharakter sovremennoy nauki]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research]. 2010. № 4. P. 5–13.
2. Lebedev S. A. Praxeology of Sciense [Praksiologiya nauki]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. 2012. № 4. P. 52–63.
3. Ayer A. The conception of probability as Logical Relation // Observation and Interpretation: A symposium of philosophers and physicists / Ed. by S. Korner, M. H. L. Pryce. L., Butterworths, 1957. P. 12–30.
4. Carnap R. The Continuum of Inductive Methods. Chicago, The University of Chicago Press, 1952. 264 p.
5. Carnap R. Inductive Intuition and Inductive Logic // The Problem of Inductive Logic. Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1968. P. 258–268.
6. Madden E. H. The Riddle of Induction // The Structure of Scientific Thought. MA, Houghton Mifflin, 1960. P. 318–320.
7. Peirce C. Induction as Experimental and Selfcorrective // The structure of scientific thought. MA, Houghton Mifflin, 1960. P. 216–234.
8. Strawson P. The problem of Induction // The Structure of Scientific Thought. MA, Houghton Mifflin, 1960. P. 81–105.

Поступила в редакцию 09.04.2013

Август, № 5 **Экономика** **2013**

УДК 658.14/.17

ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ КОВАЛЕВ
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики, учета и аудита экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vk48@list.ru

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ПРОГРАММАХ[1]

Предложен подход к объяснению логики формирования и структурирования прикладной дисциплины экономического блока – «Финансовый менеджмент». Проанализирована значимость курса как одного из базовых элементов классического университетского образования в области экономики.

Ключевые слова: университетское образование, самообразование, корпоративные финансы, концептуальные основы, фундаментальные концепции

ВВЕДЕНИЕ

Один из ключевых вопросов в изменении системы высшего образования – содержательное наполнение учебных программ и отдельных курсов. При этом возникает целый ряд проблем, включая нахождение определенного баланса в отношении наборов теоретических и прикладных дисциплин, их структурирования, методики изложения и др. К сожалению, не обходится и без некоторых недоразумений, связанных, в частности, со спецификой трактовки той или иной дисциплины, подменой (в содержательном смысле) одного курса другим, их дублированием. Нередка ситуация, когда название заявляемой дисциплины и ее содержание катастрофически расходятся, а логика курса в целом, его разделов и тем не прослеживается. В определенной степени именно такая ситуация наблюдается в отношении учебного курса «Финансовый менеджмент», без которого не обходится ни одна университетская бакалаврская или магистерская программа в области экономики и менеджмента. В данной статье будет рассмотрена история появления курса, а также один из возможных подходов к его структурированию.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Подготовка кадров высшей квалификации традиционно осуществляется в университетах. Зарождение светского высшего образования обычно связывают с появлением Болонской правовой школы (1158 год) и Университета в Париже (1200 год). Что касается университетов, изначально имевших строгую религиозную направленность и в определенной степени сохранивших ее до настоящего времени, то несомненный исторический приоритет принадлежит университету аль-Азхар в Каире, открытому при одноименной мечети спустя несколько лет после ее основания в 972 году. Первым «вузом» России была Славяно-греко-латинская академия, созданная братьями Лихудами в 1686 году; в 1814 году она была преобразована в Московскую духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру. Лавры устроителя российской системы высшего светского образования по праву принадлежат Петру I, утвердившему в 1724 году проект об учреждении Академии наук. Идея совмещения науки и образования организационно была воплощена путем создания в Петербурге Академии наук, университета и гимназии при ней. Первое заседание академиков состоялось в ноябре 1725 года. В дальнейшем Академический университет не слишком преуспел в своей деятельности и практически прекратил свою работу. В 1819 году Университет в Санкт-Петербурге был воссоздан на базе Главного педагогического института.

Изначальная непопулярность университетского образования в России имела следующее объяснение. Дело в том, что в стране среди знати традиционно ценилось военное образование, а потому дворяне отдавали своих детей преимущественно в военные школы. Если же речь шла не о военной карьере, а просто о получении хорошего воспитания, то прибегали к услугам частных пансионов. Университеты изначально рассматривались как учебные заведения, готовившие учителей; поскольку педагогическое поприще мало кому казалось привлекательным, университетское образование не рассматривалось как наиболее предпочтительное.

В самом начале зарождения университетского движения в России появилась проблема нахождения баланса в научном и образовательном компонентах университетских программ[2]. Эта проблема не была чисто российской. Можно, в частности, упомянуть о мнении известного испанского философа-идеалиста Х. Ортеги-и-Гассета (1883–1955), весьма своеобразно трактовавшего суть и предназначение университетского образования. Ортега видел в университетском образовании соединение трех функций: 1) пере-

© Ковалев В. В., 2013

дача культуры, 2) обучение профессиям, 3) научное исследование и подготовка новых ученых [4; 77]. Первые две функции он рассматривал как основные, не считая возможным относить подготовку ученых к основным функциям университета. По мысли философа, нужен здравый компромисс между курсами теоретической и прикладной направленности. Не вдаваясь в подробные рассуждения о ключевых идеях университетского образования, заметим только, что к таковым с очевидностью относятся: 1) камерность (то есть небольшие аудитории слушателей); 2) самообразование (добывание знаний, а не их пассивное восприятие; это, подчеркнем, важнейшая идея); 3) определенная и осознанная свобода посещения и выбора предметов (подробнее см. [1]).

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Обратившись к истокам университетского экономического образования в России, несложно заметить, что среди первых книг, изданных в стране, мы видим книги по арифметике и учету (бухгалтерии). Первые учили методам количественного обоснования хозяйственных операций (так называемым купеческим, или коммерческим, расчетам), вторые – искусству систематизированного учета, так необходимого для ведения хозяйства (бизнеса). В настоящее время в административной университетской среде высказывается мнение о необходимости введения единого государственного экзамена для бакалавров, который позволил бы унифицировать представление о том блоке знаний, которым должен обладать выпускник бакалаврской программы типового университета. Идея более чем спорная. Унифицируемость привлекательна, однако сразу возникают вопросы о том, что относить к компетентностному ядру программы, какие модули войдут в экзамен, какими должны быть контрольно-измерительные материалы, кто их разработает, кто получит право сертификации инструментов измерения в образовании и т. д. Так, специалисты Высшей школы экономики ратуют за унифицированную проверку знаний лишь в области микроэкономики, макроэкономики и эконометрики. И это на бакалаврском уровне! Более чем странная позиция, если вспомнить, что подавляющая часть будущих бакалавров пойдет не в науку, но в сферу производства, торговли, услуг. Работодатели, не исключено, не будут возражать против того, что пришедший к ним выпускник вуза разбирается в теории предельной полезности, однако, скорее всего, для них гораздо более важным является принять на работу специалиста, имеющего базовые знания в области практической экономики. Именно поэтому выпускник должен владеть достаточным объемом знаний, например, в области учетно-финансовых дисциплин, оценка которых должна предусматриваться итоговой проверкой.

Сегодня наблюдается очевидная потребность в усилении прагматизации учебных программ в области экономики и менеджмента. Программы с учебными курсами, переполненными схоластическими псевдотеоретическими рассуждениями, а также «майскими призывами» (*необходимо учесть, следует принимать во внимание, нужно использовать* и т. п.), уже не удовлетворяют потенциальных их участников и работодателей. Ни в коем случае не оспаривая значимость теоретических дисциплин в университетской подготовке, заметим все же, что в основе знаний практической экономики можно выделить три блока (модуля):

1) *правовые основы предпринимательской деятельности* (вспомним, что рыночная экономика – это экономика, базирующаяся на договорах, и прежде всего договорах финансовых);

2) *бухгалтерский учет* (бухгалтерия является информационной основой процесса принятия управленческих решений, причем в университетских программах изложение соответствующих дисциплин должно осуществляться с акцентом не на технические учетные процедуры, но на понимание отчетности как наилучшей финансовой модели фирмы);

3) *финансы и финансовый менеджмент* (вспомним утверждение Т. Гоббса о том, что финансы представляют собой кровеносную систему государства; эта сентенция с очевидностью распространяется и на фирму как системообразующую ячейку рыночной экономической системы).

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ФИРМОЙ

С давних времен искусство управления финансами является одним из самых необходимых качеств любого бизнесмена. Деятельность современной фирмы как системообразующего ядра экономики пронизана финансовыми отношениями и операциями, выражаемыми в терминах финансов, а их надлежащая организация является исключительно значимым фактором не только генерирования фирмой приемлемых финансовых результатов, но и ее банального выживания. В начале второй половины XX века требования практики и имевшиеся наработки ученых привели к коренному переосмыслению сущности финансов, финансовых процессов и отношений. Именно в это время в системе экономических знаний произошло обособление крупного раздела – неоклассической теории финансов, понимаемой как искусство управления финансовой триадой: ресурсы, (договорные) отношения, рынки. Прикладной аспект этого знания нашел отражение в формировании и обобщении системы знаний по управлению финансами фирмы, получившей

название *финансовый менеджмент.* Несложно заметить, что приведенному названию системы знаний свойственна определенная двусмысленность – в нем нет указания на хозяйствующий субъект, то есть оно несет более широкую смысловую нагрузку. Неслучайно поэтому некоторые специалисты предпочитают другое наименование – «*корпоративные финансы*». В известном смысле можно говорить о том, что термин «финансовый менеджмент» в большей степени предпочитают американские авторы, а термин «корпоративные финансы» – британские.

Под финансовым менеджментом обычно понимается система отношений, возникающих на предприятии по поводу привлечения и использования финансовых ресурсов. Возможна и более широкая трактовка финансового менеджмента, расширяющая предмет этой науки с финансовых активов, ресурсов и отношений до всей совокупности ресурсов и обязательств предприятия, поддающихся стоимостной оценке. Учитывая, что любые действия по реализации подобных отношений, в частности в приложении к коммерческой организации, немедленно сказываются на ее имущественном и финансовом положении, *финансовый менеджмент можно также трактовать как систему действий по оптимизации финансовой модели хозяйствующего субъекта*. В данном случае под оптимизацией понимается такое ведение хозяйственных операций и, в частности, их финансовое сопровождение, при котором имущественное и финансовое положение субъекта хозяйствования, а также достигнутые им результаты в наибольшей степени удовлетворяют интересам его собственника с позиции как текущего момента, так и складывающейся перспективы. Несложно понять, что наилучшей финансовой моделью фирмы является ее отчетность и ее сущностное ядро – бухгалтерский баланс. А потому возможно и такое определение: ***финансовый менеджмент – это система действий по оптимизации баланса хозяйствующего субъекта***. Последнее определение представляется наиболее функциональным.

Научная и методологическая проработанность любого нового знания, оформленного в виде теоретических разработок и практических методик, характеризуется прежде всего логичностью его структурирования и сущностного наполнения отдельных его разделов. Логика структурирования хорошо объясняется двумя ключевыми идеями: а) статика финансового менеджмента (то есть чем управляет финансовый менеджер, что находится в поле его внимания) в наиболее полном виде представлена в балансе хозяйствующего субъекта; б) динамика финансового менеджмента (то есть какие типовые действия должен выполнять финансовый менеджер) задается путем формулирования ряда вопросов, каждый из которых имеет ключевое значение для некоторого аспекта деятельности фирмы, а все они в совокупности как раз и определяют самую суть работы специалиста, несущего ответственность в фирме за ее финансы. Достаточно полное и завершенное представление о содержании работы финансового менеджера задается следующей совокупностью вопросов: 1) Благоприятно ли положение фирмы на рынках благ и факторов производства и какие меры способствуют его неухудшению? 2) Обеспечивают ли денежные потоки ритмичность платежно-расчетной дисциплины? 3) Эффективно ли функционирует фирма в среднем? 4) Куда вложить финансовые ресурсы с наибольшей эффективностью? 5) Откуда взять требуемые финансовые ресурсы?

Приведенный подход позволяет сформировать логичную структуру дисциплины «Финансовый менеджмент», состоящую из семи сегментов:

Сегмент 1. Финансовый менеджмент: логика курса, его структура, содержание, понятийный аппарат.

Сегмент 2. Анализ и планирование в системе финансового менеджмента.

Сегмент 3. Управление текущими денежными потоками и расчетами.

Сегмент 4. Управление доходами, расходами, прибылью и рентабельностью.

Сегмент 5. Финансовые решения в отношении активов фирмы (проекты инвестирования).

Сегмент 6. Финансовые решения в отношении финансовой структуры фирмы (проекты финансирования).

Сегмент 7. Дополнительные разделы финансового менеджмента (финансовые решения в нетиповых ситуациях, международные аспекты).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Идея формулирования концептуальных основ (conceptual framework) прикладной науки, разработанная и реализованная американскими учеными в приложении к теории бухгалтерского учета, легко распространяется и на другие области экономических знаний. В основе идеи – декларирование того обстоятельства, что отправным пунктом в формулировании и разработке любого прикладного знания в экономике является идентификация интересов соответствующих субъектов (физических и юридических лиц, государства), множественность и групповая неоднородность которых (интересов) предполагают необходимость их гармонизации и взаимоувязки. Под концептуальными основами финансового менеджмента можно понимать совокупность теоретических построений, определяющих логику, структуру и принципы функционирования системы управления финансовой деятельностью хозяйствующего субъекта в контексте окружающей политико-экономической среды. С некоторой долей условности можно утверждать, что

работа по формулированию концептуальных основ была начата в начале 60-х годов XX века и базировалась на соответствующих разработках, развитых в рамках неоклассической теории финансов, бухгалтерского учета и общей теории управления. С формальных позиций и в наиболее общем виде концептуальные основы (CF_{fm}) целесообразно представить в виде модели, состоящей из восьми взаимоувязанных элементов (подробная характеристика модели и ее элементов представлена в [2; 99–113]):

$$CF_{fm} = \{SI, OT, SC, BC, FP, MM, FM, SS\},$$

где *SI* – интересы участников; *OT* – иерархия целей системы управления финансами; *SC* – система категорий; *BC* – система базовых (фундаментальных) концепций; *FP* – финансовые процессы; *MM* – научно-практический инструментарий (методы, модели, приемы, инструменты); *FM* – финансовые механизмы; *SS* – обеспечивающие подсистемы.

Безусловно, ключевая роль в представленной модели принадлежит фундаментальным концепциям, сформулированным в рамках современной теории финансов. Некоторые из них носят довольно теоретизированный характер; тем не менее, рассматриваемые в совокупности, они служат методологической основой для понимания сути тенденций, имеющих место на финансовых рынках, логики принятия решений финансового характера, обоснованности применения тех или иных методов количественного анализа. К фундаментальным концепциям финансового менеджмента можно отнести: 1) концепцию денежного потока; 2) концепцию временной ценности денежных ресурсов; 3) концепцию компромисса между риском и доходностью; 4) концепцию операционного и финансового рисков; 5) концепцию стоимости капитала; 6) концепцию эффективности рынка капитала; 7) концепцию асимметричности информации; 8) концепцию агентских отношений; 9) концепцию альтернативных затрат; 10) концепцию временно́й неограниченности функционирования хозяйствующего субъекта; 11) концепцию имущественной и правовой обособленности субъекта хозяйствования. Приведенные концепции играют исключительно важную роль в плане осознанного построения эффективной системы управления финансами фирмы, организации эффективного ее функционирования, понимания и объяснения логики принятия внутри- и внефирменных управленческих решений финансового характера. Подробная характеристика концепций приведена в [2; 113–121].

ЭВОЛЮЦИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Историки финансовой науки говорят о двух различающихся по продолжительности стадиях ее становления и развития: первая, начавшаяся во времена Римской империи и закончившаяся в середине XX века, нашла свое теоретическое оформление в так называемой *классической теории финансов*; в известном смысле на смену этой стадии пришла вторая, логику которой выражает *неоклассическая теория финансов.*

Идеи классической теории финансов, под которой понимается совокупность знаний об искусстве и технике управления финансами государства и публичных союзов, были объектом исследования ученых (особенно значима роль немецких камералистов) в период с середины XVIII до середины XX века. Накануне Второй мировой войны и сразу же после нее ситуация в мировой экономике начинает резко меняться. Бурное развитие финансовых рынков, интеграционные процессы в экономике, усиление роли крупных транснациональных корпораций – эти и другие факторы привели к переосмыслению роли основных драйверов финансовых отношений – на первый план вышли финансовые операции между крупными фирмами, а следовательно, появилась необходимость в теоретическом обосновании логики и принципов их осуществления. 40–50-е годы XX века можно назвать началом принципиально новой стадии в развитии финансовой науки, в трактовке ее логики и содержания; именно в эти годы получает свое оформление *неоклассическая теория финансов* как совокупность знаний об управлении финансовой триадой: ресурсы, отношения, рынки. Основной вклад в развитие новой теории внесли представители англо-американской финансовой школы, в их числе: А. Коулз (*Alfred Cowles*, 1891–1985), инициировавший начало системных исследований по управлению поведением на рынке капитала; Г. Марковиц (*Harry Markowitz*, род. в 1927), разработавший в начале 1950-х годов основы теории портфеля; Ф. Модильяни (*Franco Modigliani*, 1918–2003) и М. Миллер (*Merton Miller*, род. в 1923), изложившие в 1958 году основы теории структуры и стоимости капитала; Ю. Фама (*Eugene Fama*, род. в 1939), обосновавший идею выделения трех форм эффективности рынка капитала, и др. Новое знание было хорошо представлено монографическими разработками, отражавшими его специфику, заключавшуюся в том, что подавляющая часть научной литературы по теории финансов в те годы сосредоточивалась скорее на проблемах рынка капитала, нежели на вопросах управления финансовыми ресурсами типовой фирмы. Безусловно, знание теоретических основ управления финансами в контексте рынков капитала необходимо, однако не меньшую значимость имеет и прикладной аспект. Именно последнее послужило причиной становления в 1960-е годы прикладной дисциплины «финансовый менеджмент» как науки, посвященной методологии и технике управления финансами фирмы. Произошло это путем естественного дополнения базовых разделов

современной теории финансов аналитическими разделами бухгалтерского учета (анализ финансового состояния компании, анализ и управление дебиторской задолженностью и др.) и некоторым понятийным аппаратом общей теории управления. Иными словами, как самостоятельное научно-практическое направление финансовый менеджмент (синоним: корпоративные финансы) сформировался на стыке трех наук: неоклассической теории финансов, бухгалтерского учета и общей теории управления.

В России накануне революции 1917 года благодаря таким ученым, как И. Я. Горлов (1814–1890), В. А. Лебедев (1833–1909), И. И. Янжул (1846–1914), И. Х. Озеров (1869–1942) и др., сложились весьма достойные по европейским меркам традиции в области классической теории финансов. Кроме того, существовали и успешно развивались два самостоятельных финансово-аналитических направления – анализ баланса и финансовые вычисления, которые в настоящее время входят в состав ключевых разделов современного финансового менеджмента. В годы советской власти в СССР разрабатывались в основном вопросы теории и практики централизованных (точнее, государственных) финансов. Что касается собственно финансового менеджмента, то его признание в России датируется началом 90-х годов XX века и связано с публикацией ряда фундаментальных работ представителей англо-американской финансовой школы, прежде всего Ю. Бригхема, Р. Брейли, У. Шарпа. В последние годы начинает появляться и оригинальная русскоязычная литература. Курс финансового менеджмента, в течение многих лет входящий в число базовых дисциплин в ведущих западных университетах, уже читается и в российских экономических вузах (подробнее см. [5]).

ВЫВОДЫ

Приведенный в статье анализ позволяет сформулировать ряд тезисов, существенных для понимания логики и содержания курса финансового менеджмента как одного из ключевых элементов университетской программы экономической направленности.

1. Университетские программы экономического профиля с очевидностью должны быть сбалансированы в отношении теоретических и прикладных дисциплин. Блок учетно-финансовых дисциплин как раз и составляет ядро прикладных дисциплин. Именно дисциплины этого блока дают студентам (слушателям) представление о вне- и внутрифирменных финансовых потоках, то есть о «кровеносной системе» хозяйствующего субъекта. Эти дисциплины читаются в любом классическом университете Запада, причем издавна и в достаточно солидном объеме (так, курс бухгалтерского учета присутствует в программах Оксфордского университета начиная с XIII века [7; 37]). Практико-ориентированные дисциплины составляют инструментальную базу профессиональной деятельности выпускника университета.

2. Основу практических знаний современного экономиста составляет триада: правовые основы предпринимательской деятельности – бухгалтерский учет – финансовый менеджмент.

3. Финансовый менеджмент можно трактовать как науку и практику, имеющие целью оптимизацию финансовой модели фирмы, а в узком смысле – ее баланса. Статический аспект деятельности финансового менеджера наиболее полно характеризуется бухгалтерским балансом фирмы; динамический аспект – путем формулирования ключевых вопросов, комплексно описывающих все сферы его деятельности. Такой подход позволяет выстроить логически выверенную, стройную и завершенную структуру курса.

4. Финансовый менеджмент сформировался на стыке трех областей знания: неоклассической теории финансов, бухгалтерского учета и общей теории управления. В англо-американской финансовой школе дисциплина, посвященная управлению финансами фирмы, известна под тремя синонимичными названиями: «финансовый менеджмент», «корпоративные финансы», «управленческие финансы».

5. В русскоязычной специальной литературе нередко наблюдается определенное смешение понятийного аппарата уже в самих основаниях современной финансовой науки, в частности, подобное имеет место в отношении курсов «финансовый менеджмент» и «неоклассическая теория финансов». Заметим, что неоклассическая теория финансов акцентирует свое внимание на финансовых рынках, и прежде всего рынках капитала, тогда как предметом изучения финансового менеджмента (корпоративных финансов) являются финансы фирмы как самостоятельного субъекта бизнес-отношений. В первом случае изучаются закономерности, возникающие в связке: фирма (акционерное общество, корпорация) – финансовый рынок, в контексте в основном двух типовых финансовых процессов: мобилизации и инвестирования капитала. Во втором случае изучаются, описываются и формализуются любые финансовые операции, потенциально возникающие в деятельности любой фирмы, в том числе не обязательно имеющие отношение к финансовым рынкам (отметим, кстати, что подавляющее большинство фирм в любой экономике слабо связано с рынками капитала). Иными словами, эти две области знания взаимосвязаны, но не идентичны; операции на рынке капитала и управление финансами фирмы – далеко не одно и то же.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья представляет собой краткое изложение основных положений доклада, представленного автором участникам IV молодежной научно-практической конференции «Институциональное развитие регионов в условиях модернизации российской экономики», проведенной под эгидой Оксфордского российского фонда в Петрозаводском государственном университете в апреле 2013 года.

[2] Уместно напомнить читателю о трех ключевых моментах. Во-первых, экономисты в первых российских университетах обучались в основном на юридических факультетах, что автоматически обеспечивало приобретение ими достаточного объема знаний в области права. Во-вторых, в XVIII–XIX веках финансовая наука зачастую олицетворялась с финансовым правом (см., например, работы одного из самых авторитетных ученых-финансистов дореволюционной России профессора Петербургского университета В. А. Лебедева [3]). В-третьих, зарождение идей классической теории финансов пришлось на время становления первых российских университетов, которые, как известно, в значительной степени формировались в условиях тесной духовной и научной связи немецких и российских ученых; это было объяснением довольно быстрого распространения финансовых знаний и дисциплин в российских университетах. И все же ситуация была далека от оптимистичной. Так, в российских университетах, к сожалению, недолго просуществовали камеральные отделения (см. [2; 66]). Более того, в конце XIX века известный русский экономист Л. В. Ходский (1854–1919) указывал на ненормальность ситуации, когда в российских университетах не преподаются счетоводство и финансовые расчеты, а потому ратовал за создание в стране финансово-коммерческого института [6; 552].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалев В. В. Университетское экономическое образование: проблема восприятия знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2011. Вып. 2. С. 151–167.
2. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М.: Проспект, 2013. 1104 с.
3. Лебедев В. А. Финансовое право. СПб., 1881. 402 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета: Пер. с исп. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 144 с.
5. Очерки по истории финансовой науки / Под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2010. 544 с.
6. Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства. Пособие по финансовой науке. СПб., 1894. 581 с.
7. Edwards J. A History of Financial Accounting. L.: Routledge, 1989. 326 p.

Kovalev V. V., St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

FINANCIAL MANAGEMENT IN EDUCATIONAL UNIVERSITY PROGRAMS

An approach explaining the logic of formation and structuring of the applied discipline of economic block – “Financial management” – is offered. The importance of the course as one of the basic elements of the classical university education in the field of economy is analyzed.

Key words: university education, self-education, corporate finance, conceptual framework, fundamental concepts

REFERENCES

1. Kovalev V. V. University economic education: the problem of knowledge perception [Universitetskoe ekonomicheskoe obrazovanie: problema vospriyatiya znaniya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 5. Ekonomika*. 2011. Is. 2. P. 151–167.
2. Kovalev V. V. *Finansovyy menedzhment: teoriya i praktika* [Financial Management: Theory and Practice]. Moscow, Prospect Publ., 2013. 1104 p.
3. Lebedev V. A. *Finansovoe pravo* [The Financial Legislation]. St. Petersburg, 1881. 402 p.
4. Ortega y Gasset J. *Missiya universiteta* [University Mission]. Moscow, Izd. Dom. Gos. Un-ta Vysshey shkoly ekonomiki, 2010. 144 p.
5. *Ocherki po istorii finansovoy nauki* [Essays on the History of Financial Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 544 p.
6. Khodskiy L. V. *Osnovy gosudarstvennogo khozyaystva. Posobie po finansovoy nauke* [Fundamentals of the Governmental Economy. Manuals on Financial Science]. St. Petersburg, 1894. 581 p.
7. Edwards J. A History of Financial Accounting. L., Routledge, 1989. 326 p.

Поступила в редакцию 20.05.2013

Август, № 5 **Экономика** **2013**

УДК 332.1

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КУЗНЕЦОВ
доктор экономических наук, профессор, директор, Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
s.kuznetsov09@yandex.ru

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА ЗАМЯТИНА
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
rita.zamyatina@yandex.ru

РОМАН СЕРГЕЕВИЧ ФЕСЕНКО
младший научный сотрудник, кандидат экономических наук, профессор, Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
roman.fesenko@hotmail.com

РИСКИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ МОНОГОРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ*

Реализация «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» предусматривает существенное усиление экономической активности моногородов. Такие города создавались в 1930–80-е годы с целью промышленного освоения уникальной ресурсной базы Севера. По отраслевому типу моногорода делятся на 6 типов. По численности населения 9 городов из 16 относятся к малым. Большинство градообразующих предприятий моногородов имеют ресурсную специализацию, экспортную ориентацию, входят в вертикально интегрированные структуры и в настоящее время успешно функционируют. Однако в стратегической перспективе они могут рассматриваться как региональные точки роста только с учетом парирования рисков внешней среды, к которым относятся: истощение минерально-сырьевой базы, изменение конъюнктуры отечественного и мирового рынков, высокая уязвимость природной среды и негативное воздействие на нее. Основным механизмом парирования рисков внешней среды выступает диверсификация монопрофильных экономик и инновационная модернизация градообразующих экспортно ориентированных предприятий на базе конкурентных технологических и транспортно-логистических преимуществ с учетом экологического фактора.

Ключевые слова: моногород, Арктическая зона РФ, диверсификация экономики, риски внешней среды

В условиях существенного изменения государственной политики в отношении Арктической зоны РФ возрастает роль моногородов и актуализируются проблемы их перспективного развития[1].

С позиций экономического подхода монопрофильный город – это город, основная часть трудоспособного населения которого занята на одном или нескольких градообразующих предприятиях (ГРОП), определяющих экономические, социальные, экологические процессы в городе, то есть условия его жизнедеятельности. Поэтому устойчивое развитие моногорода напрямую зависит от финансового состояния градообразующих предприятий и их способности адаптироваться к изменениям внешней среды.

Монопрофильные города Арктической зоны РФ были созданы в 1930–80-е годы главным образом с целью промышленного освоения уникальной ресурсной базы Севера[2]:

- Кировск (1931 год) – горно-химическая промышленность; Мончегорск (1937) – горно-металлургическая промышленность; Новодвинск, Емва (1941) – лесопромышленный комплекс; Воркута (1943) – угольная промышленность; все эти города созданы в предвоенный период и во время войны;
- Северодвинск (1938) также был создан в предвоенные годы с целью развития мощностей военно-промышленного комплекса;
- Инта (1954) – добыча угля; Норильск (1953) – обогащение и металлургическая переработка полезных ископаемых, были созданы в послевоенный период;
- Снежногорск (1964) создан как ремонтная база атомного подводного флота;
- В 70–80-е годы прошлого столетия – Ковдор (1965), Надым (1972), Новый Уренгой (1980), Ноябрьск (1982), создание которых было обусловлено необходимостью развития горно-металлургической и нефтегазодобывающей промышленности.

В настоящее время по отраслевой принадлежности градообразующих предприятий можно выделить 4 отраслевых типа моногородов, имеющих свои специфические особенности (табл. 1).

Как видно из табл. 2, из 16 моногородов 9 относятся к малым, хотя по численности населения они существенно дифференцированы. Численность населения городов Надым и Мончегорск

© Кузнецов С. В., Замятина М. Ф., Фесенко Р. С., 2013

Таблица 1

Классификация моногородов по отраслевому типу

Отраслевой тип моногорода	Моногород	Градообразующая отрасль
1. Добывающий промышленный центр экспортно-сырьевой ориентации	Воркута, Инта	Угольная промышленность
	Норильск, Мончегорск, Ковдор	Горно-металлургическая промышленность
	Кировск	Горно-химическая промышленность
	Ноябрьск, Надым, Новый Уренгой, Губкинский	Нефтегазодобывающая промышленность
2. Обрабатывающий промышленный центр, ориентированный на внутрироссийский рынок	Новодвинск	Деревообработка, ЦБП, ЖБИ
	Онега	ЛПК, туризм
	Емва	Деревообработка, металлообработка
3. Производственный, научно-технический и обслуживающий центр ВПК	Северодвинск	Атомное судостроение, судоремонт, наука и инновации
	ЗАТО Снежногорск	Судоремонт и утилизация АПЛ
4. Промышленно-энергетический центр, обслуживающий потребности региональной экономики	Полярные Зори	Атомная энергетика

Таблица 2

Классификация моногородов по численности населения

Город	Размер города	Численность населения, тыс. чел.
Северодвинск	Крупный (100–250 тыс. человек)	192,3
Норильск		165,4
Ноябрьск		110,6
Новый Уренгой		104,1
Воркута	Средний (50–100 тыс. человек)	70,5
Надым	Малый (до 50 тыс. человек)	46,6
Мончегорск		45,3
Инта		32,1
Кировск		28,6
Губкинский		23,3
Онега		22,2
Ковдор		18,8
Полярные Зори		15,1
Емва		14,5
Снежногорск		12,6
Новодвинск		12,6

приближается к 50 тыс. человек, в то время как Снежнегорск и Новодвинск имеют почти в 4 раза меньшую численность населения.

Большая часть моногородов России в условиях рыночных преобразований оказались в кризисной ситуации из-за резкого спада производства градообразующих предприятий, поскольку они выпускали, как правило, ограниченный ассортимент продукции и медленно адаптировались к рыночным условиям. Такая ситуация резко ухудшила условия жизнедеятельности и вызвала обострение социальных проблем в моногородах. В большинстве монопрофильных городов Арктической зоны РФ ГРОП имеют ресурсную специализацию, экспортно ориентированы, входят в вертикально интегрированные структуры[3]. Такие ГРОП в связи с тем, что их продукция пользуется спросом на мировом рынке, в настоящее время успешно функционируют.

Так, в период с 2003 по 2011 год в ОАО «ГМК “Норильский никель”» имела место положительная динамика основных экономических показателей: валовая прибыль от продажи металлов выросла в 3,5 раза; выручка от продажи металлов – в 2,5 раза; уставный капитал и резервы – в 2,5 раза; прибыль в расчете на акцию – в 6 раз.

Аналогичные тенденции имели место в 2007–2011 годах и в ОАО «Газпромнефть», в числе основных предприятий которого – ГРОП ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» (Ноябрьск): выручка от реализации продукции выросла на 94 %, операционная прибыль – на 42 %, капитальные вложения – на 82 %, а средний акционерный капитал вырос более чем в два раза.

Однако даже крупные моногорода, обладающие потенциалом устойчивого развития, в стратегической перспективе могут рассматриваться как региональные точки роста только с учетом парирования рисков внешней среды. Монопрофильность городов Арктической зоны РФ уже в настоящее время либо в перспективе создает потенциальные риски их выживания и развития. К числу основных рисков внешней среды моногородов Арктической зоны РФ следует отнести: исчерпаемость уникальной минерально-сырьевой базы; изменение конъюнктуры отечественного и мирового рынка; высокая уязвимость природной среды и высокий уровень негативного воздействия на нее, связанный с сырьевой ориентацией ГРОП.

Исчерпаемость уникальной минерально-сырьевой базы. В настоящее время большинство вертикально интегрированных компаний, к которым относятся ГРОП моногородов Арктической зоны РФ, обладают существенными запасами минерального сырья и полезных ископаемых. Так, по состоянию на 31 декабря 2012 года общий объем доказанных и вероятных запасов руды, входящих в ресурсную базу ОАО «ГМК "Норильский никель"», без учета запасов зарубежных активов составлял 707 241 тыс. т (Ni – 6041 тыс. т; Cu – 8316 тыс. т; Pd – 58737 тыс. унций; Pt – 15737 тыс. унций). Разведанные и обозначенные запасы полезных ископаемых – 2 444 304 тыс. т (Ni – 12 721 тыс. т; Cu – 17 047 тыс. т; Pd – 136 428 тыс. унций; Pt – 38 938 тыс. унций). Достаточной для дальнейшего развития базой запасов углеводородного сырья обладает и ОАО «Газпромнефть». В период 2007–2011 годов запасы нефти выросли на 1,2 % и составили 6924 млн барр.; отношение запасов нефти к добыче составляет 20 лет. В указанный период доказанные запасы газа выросли более чем в 7 раз (2011 год – 9182 млн фут.[3]). В ОАО «Воркутауголь» расширение ресурсной базы обусловлено тем, что компания выиграла аукцион на разведку и добычу угля (Юньягинское месторождение). Прогнозные запасы коксующегося угля особо ценной марки «К» оцениваются в 3,2 млн т.

Однако обострение конкуренции на мировом рынке энергоресурсов (возобновляемые источники энергии, сланцевая энергетика), снижение рентабельности добычи полезных ископаемых при эксплуатации новых месторождений и грядущее истощение минерально-сырьевой базы усиливают значимость этого вызова внешней среды в перспективном периоде.

Изменение конъюнктуры отечественного и мирового рынка. Мировой кризис оказывает негативное влияние на деятельность компаний. Например, в такой крупной компании, как ОАО «ГМК "Норильский никель"», в 2012 году по сравнению с предкризисным 2007 годом в связи с изменением конъюнктуры мирового рынка объемы производства меди снизились на 14 %, палладия – на 12 %. Выручка от реализации товаров в 2008 году по сравнению с 2007-м снизилась на 26 %, а в 2009 году по сравнению с 2007-м – на 49,3 % (2007 год – 15 909 млн долл.; 2009 год – 8075 млн долл.). В последующий период наблюдался существенный рост выручки, однако и в 2011 году значение показателя было ниже, чем в предкризисный период (13 297 млн долл.).

В период 2008–2009 годов последствия мирового финансового кризиса оказали негативное влияние и на деятельность ОАО «Газпромнефть»: выручка от реализации в 2009 году по сравнению с 2008-м сократилась на 28 %, а чистая прибыль в этот период уменьшилась на 35 %. Следует отметить, что компания успешно справилась с преодолением неблагоприятных тенденций и уже в 2011 году значения данных показателей были выше, чем в 2008 году.

Вызовы внешней среды могут быть обусловлены не только состоянием конъюнктуры мирового рынка, но и ситуацией на внутреннем российском рынке. Такая ситуация характерна для ГРОП г. Полярные Зори «Кольская атомная электростанция» – филиал ОАО «Концерн Росатом». В связи с отсутствием технологической возможности передачи электроэнергии в энергосистемы Северо-Запада РФ (избыточная мощность энергоблоков «заперта» в регионе) спад промышленного производства в Мурманской области, в том числе в период кризиса, ограничивает наращивание объемов производства энергии и сокращает возможности получения доходов компанией. Недовыработка электроэнергии составляла в конце 2000-х годов примерно 3,3 млрд кВтч, поскольку в среднем в каждом году не использовались мощности одного энергоблока АЭС (~ 440 МВт). Снижение объемов энергопотребления либо усиление конкуренции на рынке энергоресурсов (строительство новых электростанций на газе) обостряют проблемы функционирования данного ГРОП.

Следует отметить, что негативные последствия финансового кризиса не сказались на деятельности ГРОП г. Кировска ОАО «Апатит», входящего в состав ОАО «ФосАгро»[4]. В период кризиса 2007–2009 годов чистая прибыль возросла в 10 раз, рентабельность продаж по чистой прибыли – в 7 раз, инвестиции в основной капитал – на 85 %. Однако ситуация, сложившаяся в ОАО «Апатит» в период кризиса, является скорее исключением из правил, и мировой финансовый кризис оказывает негативное влияние на финансовое состояние моногородов, поскольку их бюджет по существу находится в прямой зависимости от внешних экономических факторов, влияющих на деятельность ГРОП. Так, в доходах муниципального бюджета Норильска в 2010 году

доля заполярного филиала «ОАО “Норильский никель”» составляла 38,4 %. В собственных доходах бюджета Норильска в 2008 году доля заполярного филиала «ОАО “Норильский никель”» составляла 68,7 %, а в 2009 году – 43,3 %. Доля поступлений от ОАО «Апатит» в собственных доходах бюджета Кировска составляет более 90 %.

Высокая уязвимость природной среды и высокий уровень негативного воздействия на нее, связанный с сырьевой ориентацией ГРОП. Этот вызов обусловлен тем, что Российская Арктика играет большую роль в поддержании глобального экосистемного баланса, а особенность ее территории в том, что это хрупкая экосистема, характеризующаяся не только большой уязвимостью, но и медленной восстановимостью природных процессов.

В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом РФ) главные угрозы экологического характера сформулированы следующим образом: глобальные климатические изменения и их влияние на зону распространения вечной мерзлоты; увеличение загрязнения и деградация компонентов природной среды в условиях растущей антропогенной нагрузки; накопление отходов; высокие риски и затраты при освоении природных ресурсов; развитие опасных гидрометеорологических, ледовых и других природных процессов, увеличение риска и ущерба от этих процессов [2].

Наряду с климатическими изменениями негативное влияние на состояние экосистемы Арктики оказывает функционирование ГРОП моногородов Арктической зоны РФ, поскольку именно они являются основными субъектами хозяйственной деятельности в этом регионе. Недоучет экологического фактора в хозяйственной деятельности монопрофильных городов привел к деградации природной среды, что негативно сказывается на условиях жизнедеятельности и здоровье населения. Сложная экологическая ситуация характерна для всех моногородов Арктической зоны РФ. Так, Норильск относится к категории самых загрязненных городов мира и по итогам 2010 года признан Росстатом самым загрязненным городом России. В Мурманской области монопрофильные города (Кировск, Мончегорск) относятся к числу основных загрязнителей окружающей природной среды. Города Мончегорск и Заполярный (их ГРОП – дочерние компании ОАО «ГМК “Норильский никель”») входят в число первых «горячих экологических точек» Баренц-региона (см. об этом [1]). К типичным компонентам аэротехногенных выбросов горно-металлургических предприятий по переработке медно-никелевых руд относятся такие элементы, как Ni, Cu, Co, Cr, As, Cd, Sb и V. Все они являются элементами-токсикантами 1-го (As, Cd) и 2-го классов опасности. Вокруг Мончегорска площадь загрязнения почв с опасным и чрезвычайно опасным уровнем концентрации токсичных и тяжелых металлов составляет 1600 км^2 (СПЗ > 128). В почвах вокруг Мончегорска содержание элементов-токсикантов (Ni, Cu, As) превышает фон в 440, 540 и 67 раз соответственно. Максимальное превышение ПДК по мышьяку составляет 37 раз, а среднее – 3,2 раза. Вокруг Кировска картируется наиболее контрастная аномалия по таким элементам, как алюминий, лантан, стронций, бериллий, иттрий и др.

Имеет также место значительное загрязнение водных ресурсов (в зоне негативного влияния комбината «Североникель» находятся реки Травяная и Комужья, воды которых характеризуются высоким содержанием металлов). Сбросы ОАО «Кольская ГМК» (г. Мончегорск) привели к тому, что воды р. Нюдуай оцениваются как «очень грязные». Недостаточно очищенные сточные воды сливает и Ковдорский горно-обогатительный комбинат. Северный экологический финансовый фонд НЕФКО включил комбинат в список горячих экологических точек, в который входят 42 наиболее актуальных объекта для экологических инвестиций в Баренц-регионе.

Важной проблемой является экологическая безопасность процессов добычи и транспортировки нефти, поскольку нефтегазодобывающий комплекс России является одним из лидеров по аварийности.

Следует отметить, что большая часть градообразующих предприятий моногородов Арктической зоны РФ, прежде всего экспортно ориентированных, проводят в последние годы активную экологическую политику. ОАО «Онежский ЛДК» относится к числу лучших предприятий в своей отрасли по экологическим показателям. В 2003 году на предприятии внедрена система экологического менеджмента. Сертификат по международному стандарту ISO 14001 был получен комбинатом в 2004 году.

Доказательством улучшения экологической ситуации в Мончегорске является тот факт, что он сменил «красный цвет» на «желтый» в середине июля 2011 года[5].

В Норильске модернизация промышленного производства, включая освоение перспективных территорий, будет определяться Стратегией производственно-технического развития ЗФ ОАО «ГМК “Норильский никель”» до 2025 года, основные направления которой – повышение эффективности производственных процессов и снижение воздействия на окружающую среду.

Экологические проблемы обусловлены также состоянием инфраструктуры жилищно-коммунального хозяйства, поскольку боль-

шинство технологий и оборудования очистки хозяйственных и бытовых сточных вод морально устарели и, как правило, не отвечают современным природоохранным требованиям. Так, в Норильске средний показатель физического износа конструктивных элементов очистных сооружений и оборудования, обеспечивающего процесс водоотведения и очистки сточных вод, составлял на 01.01.2010 от 60 до 100 %.

Актуальна проблема сбора, переработки и утилизации твердых бытовых отходов (ТБО), так как объем накопления ТБО на одного человека в моногородах Арктической зоны РФ существенно выше, чем, например, в городах средней полосы Европейской России. Возрастающие объемы образования ТБО, во-первых, связаны с ростом благосостояния населения, во-вторых, с отсутствием возможности их переработки и вывоза к мусороперерабатывающим предприятиям других регионов России из-за их удаленности и высоких затрат на транспортировку отходов.

Основным механизмом парирования рисков внешней и внутренней среды выступает диверсификация монопрофильных экономик, способная обеспечить устойчивое развитие моногорода, воспроизводство человеческого капитала, потенциал которого в Арктической зоне ниже среднего по России, инновационную модернизацию монопрофильных экспортно ориентированных экономик на базе конкурентных технологических и транспортно-логистических преимуществ. Диверсификация монопрофильных экономик, представленных традиционными отраслями региональной специализации, предусматривает развитие альтернативных производств и инновационного предпринимательства. Для снижения экологических рисков необходим тщательный учет экологического фактора.

* Статья выполнена по гранту РГНФ 12–32–06001 «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В Арктической зоне РФ расположены 16 монопрофильных территориальных образований, имеющих статус города: Кировск, Ковдор, Мончегорск, Снежногорск, Полярные Зори (Мурманская область), Новодвинск, Северодвинск, Онега (Архангельская область), Воркута, Инта, Емва (Республика Коми), Губкинский, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ), Норильск (Красноярский край). Общая численность населения моногородов Арктической зоны РФ составляет около 952 148 чел. В своей работе мы опираемся на следующие ресурсы: Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Кировск Мурманской области (утв. постановлением Администрации г. Кировска от 24.11.2010 г. № 1311) // http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04; Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Мончегорск Мурманской области (утв. постановлением администрации города Мончегорск от 14.12.2010 № 1221) // http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04; Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Полярные Зори Мурманской области // http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04; Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильного города Ковдор городского округа Ковдорский район Мурманской области // http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04; Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильного муниципального образования город Новый Уренгой (утв. постановлением Администрации города Новый Уренгой от 29.12.2012 № 446) // http://www.newurengoy.ru/userfiles/file/Shustov/699.doc; Комплексный инвестиционный план развития моногорода Ноябрьска на 2011–2013 годы (утв. постановлением Администрации города Ноябрьск от 28.03.2011 № П-394) // http://noyabrskadm.ru/admincity/documents/_aview_b67323; Официальный сайт ОАО «Воркутауголь» // http://www.vorkutaugol.ru/rus/index.phtml; Официальный сайт ОАО «Газпромнефть» // http://www.gazprom-neft.ru; Официальный сайт ОАО «ГМК “Норильский никель”» // http://www.nornik.ru; План модернизации моногорода Норильска (утв. постановлением Администрации города Норильска от 02.08.2011 № 386) // http://econ.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/1730_kompleksnij_investicionnij_plan_modernizacii_monogoroda_norilxska.pdf; Программа социально-экономического развития муниципального образования город Норильск до 2020 года // http://www.norilsk-city.ru/19762/index.shtml.

[2] Статус города моногорода получали в разное время. Самый старый из них – Онега, был создан в 1780 году, а в 1886 году по численности населения был вторым по значимости городом Архангельской губернии.

[3] Ковдорский горно-обогатительный комбинат входит в «Еврохим». «ГазпромДобычаНадым», ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» – дочерние компании ОАО «Газпром». ОАО «Апатит» (г. Кировск) входит в состав компании «ФосАгро». ОАО «Кольская ГМК» (Мончегорск) – дочерняя компания «ГМК “Норильский никель”». ОАО «Воркутауголь» входит в «Северсталь Ресурс» (горнодобывающий дивизион ОАО «Северсталь»).

[4] Основной вид выпускаемой продукции ОАО «Апатит» – апатитовый концентрат. Основные потребители – российские и зарубежные суперфосфатные заводы (20 % – экспорт в Польшу, Словакию, Чехию). Доля экспортируемого бадделеитового концентрата (в США, Японию, страны ЕС) составляет 95 % от общего объема производства.

[5] Согласно разработанной организацией «Bellona» цветовой схеме, красный цвет означает крайне неблагоприятное состояние окружающей среды, желтый – свидетельствует о положительных сдвигах в экологической ситуации, зеленый цвет – экологическая ситуация в районе удовлетворительная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жиденко Г. В. Экологические проблемы города Мончегорска и пути их решения // Север строительный. 2005. № 3.
2. Пилясов А. Н. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf

Kuznetsov S. V., Institute of Regional Economic Problems of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
Zamyatina M. F., Institute of Regional Economic Problems of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)
Fesenko R. S., Institute of Regional Economic Problems of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)

EXTERNAL RISKS OF RUSSIAN ARCTIC ZONE MONOTOWNS' DEVELOPMENT

Implementation of "The Strategy for the Russian Arctic Zone Development and National Security Provision 2020" provides a significant increase in economic activity of the single-industry towns (monotowns). Such towns were established in the 30–80s for the purpose of commercial development of the North natural resources. Monotowns are classified into 6 groups according to the type of industry around which they are concentrated. Nine out of sixteen towns are identified as small ones due to the low level of population. Most of the core enterprises located in monotowns have specialized resources, are export-oriented, and constitute a productive part of the vertically integrated structures. However, in the long term they can be estimated as regional growth points in case a targeted elimination of external risks is secured. Eternal risks include depletion of mineral resources, dynamic changes in domestic and global markets, negative impact on the environment. The main mechanisms of external risks' elimination are diversification of single-industry economies and innovative modernization of the export-oriented enterprises on the basis of technological and competitive logistics considering environmental factors.

Key words: single-industry town (monotown), Arctic zone of the Russian Federation, economy diversification, environmental risks

REFERENCES

1. Z h i d e n k o G. V. Ecological problems of Monchegorsk and ways to solve them [Ecologicheskie problemy goroda Monchegorska i puti ih resheniya]. *Sever stroitel'nyi* [Construction North]. 2005. № 3.
2. P i l y a s o v A. N. *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossii na period do 2020 goda* [Development Strategy of Arctic Zone of Russia 2020]. Available at: http://www.2010.forumstrategov.ru/upload/documents/pilyasov.pdf

Август, № 5 **Экономика** **2013**

УДК 330.3

ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ РЯЗАНОВ
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
v.rjazanov@econ.pu.ru

ПОСТКРИЗИСНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мировой экономический кризис 2008–2009 годов поставил принципиальные вопросы посткризисного развития мировой экономики. Во-первых, первый кризис XXI века – это системный кризис элементов действующей государственной и мировой финансовой модели экономики. Он показал, что международные рынки финансовых активов не могут себя бескризисно регулировать. Во-вторых, в 2010–2012 годах мировая экономика столкнулась с рисками посткризисного развития. По-прежнему сохраняется вероятность наступления новой волны кризиса. В статье отражен авторский взгляд на возможные варианты посткризисного развития. Обосновывается точка зрения о действии тенденции неустойчивого и медленного выхода из кризиса. Примером такого варианта выхода из кризиса является развитие экономики Японии после кризиса 1997–1998 годов.

Ключевые слова: мировой экономический кризис, системный кризис, антикризисные меры, посткризисная экономика

Кризис 2008–2009 годов характеризует реальное падение общемирового уровня по основным макроэкономическим параметрам. Он оказался первым после Второй мировой войны полномасштабным мировым кризисом. Объем мирового ВВП в 2009 году сократился на 0,7 % несмотря на то, что в группе стран с развивающимися рынками рост данного показателя составил 2,8 % при одновременном падении этого показателя в развитых капиталистических странах на 3,7 %. Еще более существенным было сжатие внешней торговли. При общем сокращении объема мировой торговли товарами и услугами в 2009 году на 10,9 %, экспорт развитых государств уменьшился на 11,9 %, а импорт – на 12,4 %. Следует выделить его своеобразные характеристики, связанные с возникновением наиболее опасных зон кризисного поражения, в которые впервые за относительно длительный период попали развитые капиталистические экономики, а также большинство постсоциалистических стран. Более того, если в предшествующие периоды волны кризиса шли с периферии мирового хозяйства и достаточно успешно гасились в его центральной части, то последний кризис начался в самом центре мирового хозяйства и быстро распространился по всему глобальному экономическому пространству, приведя к реальному падению общемировых экономических показателей и наступлению рецессии во многих странах мира.

В целом спад производства наблюдался в 90 странах из 182, по которым имеется экономическая информация в МВФ. Он затронул 30 из 33 развитых экономик, 18 из 26 постсоциалистических стран, 42 развивающиеся страны из 101. То, что глубокое экономическое падение продемонстрировали наиболее развитые капиталистические страны и постсоциалистические государства, наглядно указало на эпицентр современного мирового кризиса. Рекордсменами в кризисном спаде ВВП стали: Латвия (–18 %), Украина (–15,1 %), Литва (–15 %), Армения (–14,4 %), Эстония (–14,1 %). Среди развитых капиталистических экономик – Финляндия (–8,5 %), Ирландия (–6,5 %) и Япония (–5,5 %).

Еще одна особенность произошедшего мирового кризиса связана с возникшими трудностями выхода из него, таящими в себе опасность наступления периода достаточно длительной глобальной депрессии. В этой связи полезно вспомнить прошедшие дискуссии, посвященные оценке природы и причин кризиса. Одни считали кризис обычным и неизбежным при капитализме циклическим спадом, другие – кризисом в финансовой сфере, третьи обосновывали наличие системных характеристик, в нем доминирующих. Спустя несколько лет после начала кризисной фазы, принимая во внимание один только факт высокой вероятности новой волны рецессии без предшествующей устойчивой фазы подъема (так называемой W-рецессии), можно утверждать, что наиболее точной является оценка кризиса как системного, а потому и длительного, что, впрочем, не исключает присутствия в нем дополняющих циклических признаков [1; 34].

Если бы кризис был сугубо циклическим, то проверенный на практике способ преодоления циклического спада, использующий денежную политику «количественного смягчения» за счет предельно низких значений учетной ставки и других мер в денежно-кредитной сфере, должен был бы привести к положительным результатам. Отметим, что ранее ФРС США в 1930 году впервые за свою историю резко сокращал учетную ставку с 6 % в октябре 1929 года до 1,5 % в сентябре 1931 года. В период же последнего

© Рязанов В. Т., 2013

кризиса она была уменьшена с 5,25 % (сентябрь 2007 года) до 0,00–0,25 % с марта 2009 года, действуя по настоящее время. Что же касается ЕЦБ, то с ноября 2008 года ставка рефинансирования с 3,25 % последовательно сокращалась до 1 % в мае 2009 года. Затем в апреле – июле 2011 года она повышалась до 1,25–1,5 %. С декабря 2011 года ставка рефинансирования вновь опустилась до 1,0 %, в июле 2012 года – до 0,75 % и с мая 2013 года была установлена в размере 0,5 %. Однако рекордно низкое значение учетной ставки, введенное в большинстве развитых стран и действующее уже длительный период времени, не смогло вывести их в фазу устойчивого роста.

Что значит кризис системный? В первую очередь речь идет о сформировавшейся до кризиса экономической модели, по своим главным параметрам и целям ориентированной на достижение *краткосрочной* выгоды – экономической и политической – практически всеми субъектами рыночной экономики. Это равнозначно стремительному разрастанию роли спекулятивного фактора в современной рыночной экономике, не ограниченного фактически никакими экономическими и этическими рамками. Возникновение преимущественно спекулятивной экономической модели стало результатом серьезной внутренней перестройки и одновременно привело к многочисленным переменам в ее функционировании.

Финансовые рынки, утратив связь с производственно-потребительской экономикой, закономерно приобрели чрезмерно возросшие риски, обусловленные высокой степенью их неустойчивости и подверженностью сильным колебаниям. Разрешить эту ключевую слабость их функционирования действующая до кризиса модель хозяйствования пыталась традиционным для рыночного фундаментализма способом – через активное подключение рынка. В этих целях создаваемые многочисленные производные финансовые инструменты должны были обеспечить надежное перестрахование финансовых операций.

Считалось, что при помощи рынка удастся ограничить и переложить риск на рынок за счет манипулирования и несовпадения интересов и действий участников, уступающих и принимающих дополнительные риски. Отсюда и стремительное и бесконтрольное нарастание объема используемых деривативов с полным отрывом их от реальных (обеспеченных) активов. Так, рынок одного из наиболее распространенных финансовых инструментов – кредитных свопов (CDS), фактически страховок от дефолта, оценивается в диапазоне от 33 трлн до 80 трлн долл. При этом общий объем рынка производных инструментов, по оценкам, достигает 677 трлн долл., что в 12 раз больше мирового ВВП. (В 1990 году их объем определялся в 3,5 трлн долл.)

Высокие риски при возникновении пирамиды деривативов обусловлены двумя их принципиальными отличиями от других ценных бумаг. *Во-первых*, их торговля осуществляется в основном в режиме внебиржевых сделок, что ведет к бесконтрольности в наращивании эмиссии бумаг. *Во-вторых*, в их обороте отсутствует надежное страховочное обеспечение. По сути дела, это долги, которые не подкреплены реальными активами. С этим связано возникновение ключевого противоречия современной финансомики между остающимися ограниченными материальными ресурсами и возможностью создания фактически неограниченного объема финансовых ресурсов за счет расширяющегося и усложняющегося рынка деривативов. Поэтому при развале такой пирамиды чрезвычайно сложно провести необходимую санацию через погашение «плохих» активов и на этой основе оздоровить финансовую систему с восстановлением доверия к ней. Произошедший крах деривативной пирамиды напоминает разгорающийся пожар, в котором никак не обнаружить очаг возгорания.

Образование спекулятивной модели экономики предопределило значительный сдвиг в экономическом поведении институциональных инвесторов и широкого круга экономических агентов, включая домашние хозяйства, которые все в возрастающей степени в своих действиях ориентированы на достижение краткосрочных выгод. Модель предпринимателя-инноватора, как ее формулировал Й. Шумпетер, сменила модель предпринимателя-спекулянта, озабоченного использованием «новых комбинаций» исключительно ради стремительного финансового обогащения.

Глубина и масштабность кризиса особо значимой делает проблему обоснования антикризисных мер. Если сопоставить начальную фазу падения промышленного производства в 2008–2009 годах с аналогичной фазой в период Великой депрессии (1929–1933 годы), то оказывается, что линии спада в первые девять месяцев практически полностью совпали. Это означает, что опасность перерастания кризиса 2008–2009 годов в вариант Великой депрессии-2 была весьма вероятна. Поэтому реализуемая антикризисная политика может оцениваться как относительно успешная. Правда, нельзя забывать о важности учета другого ее критерия, связанного с выводом кризисной экономики в фазу устойчивого экономического роста. Как раз по этому критерию проводимую антикризисную политику нельзя считать эффективной. Последнее обстоятельство тем более важно, поскольку приближение очередного циклического кризиса, а его можно ожидать уже в 2014 году, в условиях продолжения действия системных ограничений чревато наступлением нового и, не исключено, масштабного мирового кризиса.

Вопрос об эффективности антикризисной политики имеет ключевое значение на совре-

менном этапе. В этом случае можно выделить два принципиально различающихся подхода к ее проведению. Первый подход – это политика *блокирования* кризиса с сохранением основ экономического устройства глобального хозяйственного пространства. Второй – *преодоление* кризиса с устранением коренных причин, его породивших, и, в конечном счете, – со сменой типа хозяйственного устройства мировой экономики и национальных хозяйственных систем как ее неотъемлемых компонентов (см. [3; 13–32]).

Системная природа нынешнего мирового кризиса получила дополнительное подтверждение в неоднозначном характере посткризисного развития ведущих экономик мира (табл. 1). С одной стороны, статистика зафиксировала выход из кризиса по показателям ВВП и промышленного производства с III квартала 2009 года (в США) и с IV квартала данного года в большинстве развитых стран. Но последующие события свидетельствовали о том, что произошел всего лишь восстановительный краткосрочный отскок, который не закрепился переходом в фазу поддерживающего, а тем более устойчивого экономического роста.

Таблица 1

Прирост (падение) реального ВВП в 2007–2012 годах (по данным Госкомстата РФ, Евростата, Всемирного банка)

Регион	Год					
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ЕС-27	3,2	0,3	–4,3	2,1	1,5	–0,3
Еврозона (17)	3,0	0,4	–4,4	2,0	1,4	–0,6
Германия	3,3	1,1	–5,1	4,2	3,0	0,7
Франция	2,3	–0,1	–3,1	1,7	1,7	–0,1
Англия	3,6	–1,0	–4,0	1,8	0,9	0,0
Италия	1,7	–1,2	–5,5	1,7	0,4	–2,4
США	1,9	–0,3	–3,5	2,4	1,8	2,2
Япония	2,2	–1,0	–5,5	4,7	–0,6	2,0
КНР	14,2	9,6	9,2	10,3	9,2	7,8
РФ	8,1	5,2	–7,8	4,5	4,3	3,4

Многие эксперты в момент выхода из кризиса прогнозировали последовательное улучшение посткризисной ситуации в развитых странах. Этот прогноз не подтвердился. В анализируемый период наблюдалось не просто затухание экономического роста, но и фактическое вхождение ЕС в 2012 году в ситуацию рецессии, если опираться на ее стандартные характеристики. Заметим, что ранее ведущаяся дискуссия о вероятности второй волны кризиса фактически нашла свое подтверждение применительно к странам ЕС. Причем происходящие процессы в этой зоне указывают на то, что в ней негативный тренд продолжит свое действие, а нижняя точка в рецессии еще не достигнута.

Экономическое положение в США более благоприятное. Во всяком случае, фаза экономического оживления в 2012 году продолжилась. По-видимому, это объясняется тем, что американская экономика раньше других вступила в кризис и потому ожидаемо может раньше из него выйти. Еще более существенным моментом является то, что антикризисная политика в этой стране при всех внутриполитических ограничениях и партийной борьбе, связанных с ее проведением, демонстрирует большую результативность в сравнении с ЕС. В этом проявляется достоинство использования апробированных методов государственного регулирования, имея в виду обеспечение большей оперативности и гибкости, а также накопленный опыт. Интеграционный блок такими качествами не располагает из-за несовпадения экономических интересов его участников и трудно согласуемых антикризисных мер. Аналогичными недостатками в еще большей степени характеризуется деятельность институтов глобализации, призванных осуществлять регулятивную функцию на всем глобальном пространстве (см. [2; 3–21]).

Важной характеристикой произошедшего мирового кризиса является значительно более масштабное падение в секторе реальной экономики в сравнении с падением ВВП. В этом нетрудно убедиться, если сопоставить данные по ВВП, к примеру, с данными по промышленному производству (табл. 2). Падение промышленного производства в развитых странах в 2–3 раза превышало аналогичное значение уменьшения ВВП. Это означает, что динамика показателя ВВП в действительности скрывает истинные масштабы кризисного падения. Поэтому для более достоверной оценки макроэкономической ситуации, особенно в периоды спада, особое значение приобретают показатели развития реального сектора экономики, и прежде всего инвестиционно-промышленная и аграрная деятельность. С этими показателями в большей степени коррелируются показатели уровня занятости и реальных доходов, динамика экономической активности и состояние спроса и т. п., которые раскрывают особенности складывающейся конъюнктуры на разных фазах экономического цикла.

Таблица 2

Прирост (падение) промышленного производства в 2007–2012 годах (по данным Госкомстата РФ, Евростата, Всемирного банка)

Регион	Год					
	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ЕС-27	3,7	–1,7	–13,7	6,9	3,2	–3,3
Германия	6,1	–0,1	–16,3	10,9	8,9	–0,8
Франция	1,3	–2,8	–12,5	5,2	1,6	–2,2
Англия	0,3	–3,1	–10,0	2,7	–0,6	–2,3
Италия	1,8	–3,5	–18,8	6,7	0,1	–6,5
США	–1,7	–2,0	–11,4	5,4	4,1	3,6
Япония	1,3	–2,0	–21,3	16,0	–2,5	–1,0
КНР	13,4	9,3	9,9	11,0	13,0	9,5
РФ	7,4	3,5	–9,3	8,2	4,7	2,6

Как оценить перспективы экономического развития мировой экономики в посткризисный период? Прежде всего следует подчеркнуть чрезвычайную сложность прогнозирования будущего развития. В экономической сфере действует множество разнонаправленных факторов, а сама она находится под влиянием различных неэко-

номических обстоятельств, и варианты ее развития зависят от управленческих решений.

Выделим три ранее наблюдаемых варианта посткризисного развития. *Первый вариант* можно представить в виде «U». Это нормальная модель быстрого преодоления стандартного циклического кризиса, характеризуемого масштабным нарушением сбалансированности спроса и предложения. В качестве его характерного примера приведем кризис в США 1920–1921 годов. В этот период произошло падение производства на 12 %, а безработица достигла на пике кризиса заметной величины в 11,2 %. Однако благодаря быстрому устранению возникших перекосов на товарных рынках и рыночной санации неэффективных производств с неэффективным менеджментом этот кризис был быстро преодолен и уже в 1923 году производство, доходы и зарплата превысили докризисный уровень. При этом безработица сократилась до 1,3 % трудоспособного населения.

Второй вариант можно представить в виде «W». Это модель повторного (двухфазового) кризиса. Самым ярким примером ее действия стала Великая депрессия (1929–1932), когда падение производства составило 44 %, а безработица достигла 13 млн человек (или 24 % трудоспособного населения). Для этого кризиса еще более характерным оказалось наступление после короткого периода оживления второй волны кризиса (1937–1939). Производство сжалось на 20 %, а безработица вновь увеличилась с 6 до 10,5 млн человек, или на 19 % трудоспособного населения.

Третий вариант можно представить в виде «V→». Для него характерно неполное посткризисное восстановление с последующей стагнацией. И у этого варианта есть соответствующий пример. Он касается современного экономического развития Японии. Экономическое развитие этой страны после так называемого «азиатского кризиса» (1997–1998) вступило в полосу неустойчивого развития с чередованием коротких периодов оживления и медленного роста (2004–2007) и наступлением последующей рецессии (2011–2012). Экономика в этот период практически не развивалась.

Сравнивая предложенные варианты посткризисного развития, можно предположить, что на данном этапе третий вариант является наиболее вероятным, он фактически и реализуется. Уйти от него в будущем, избежать и других возможных неблагоприятных сценариев развития событий можно в том случае, если будет проведено масштабное реформирование сложившейся еще до кризиса хозяйственной модели, а значит, будут устранены системные риски и угрозы для экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки для глобального кризиса. М.: Международные отношения, 2010. 324 с.
2. Рязанов В. Т. Мировой финансовый кризис и экономика России: точка разворота? // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 3–21.
3. Рязанов В. Т. Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2012. Вып. 2. С. 13–32.

Ryazanov V. T., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

POST-CRISIS ECONOMY: PROBLEMS AND PERSPECTIVIES

The world economic crisis of 2008–2009 has identified fundamental problems of the post-crisis development of the world economy. The first financial crisis of the XXI century was a systemic failure of the elements of the current national and world financial models. It proved that international financial markets controlling mulitiple assets cannot be self-regulated. Secondly, in 2010–2012, the world economy faced the risks of post-crisis development. The probability of a new wave of financial crisis remains. The author of the article shares this position on the possible versions of the post-crisis economic development. The author's position on the development of the tendency of unstable and slow recovery from the crisis is substantiated. The development of Japan economy after the crisis of 1997–1998 is an example of economic recovery.

Key words: world economic crisis, system crisis, anti-crisis actions, post-crisis economy

REFERENCES

1. *Doklad Stiglitsa. O reforme mezhdunarodnoy valyutno-finansovoy sistemy: uroki dlya global'nogo krizisa* [The Stiglitz Report. Reforming the International Monetary and Financial Systems in the Wake of the Global Crisis]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2010. 324 p.
2. Ryazanov V. T. World Financial Crisis and the Russian Economy: is there a Reversal Point? [Mirovoy finansovyy krizis i ekonomika Possii: tochka razvorota?]. *Vestnik SPbGU. Seria 5: Ekonomika* [Vestnik SPbSU. Series 5: Economy]. 2009. № 1. P. 3–21.
3. Ryazanov V. T. Supranational and National Regulators under the Global Economic Non-stability [Nadnatsional'nye i natsional'nye regulyatory v usloviyakh global'noy ekonomicheskoy nestabil'nosti]. *Vestnik SPbGU. Seria 5: Ekonomika* [Vestnik SPbSU. Series 5: Economy]. 2012. № 2. P. 13–32.

Поступила в редакцию 20.05.2013

Август, № 5 **Экономика** **2013**

УДК 334.716:658.155.011.7

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УСОВ
доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой высшей математики и моделирования систем Института машиностроения, Одесский национальный политехнический университет (Одесса, Украина)
usov-a-v@mbei.opu.ua

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ГОНЧАРЕНКО
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента и фондового рынка финансово-экономического факультета, Одесский национальный экономический университет (Одесса, Украина)
egoncharenko@ukr.net

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ПОМОЩЬЮ OLAP-МОДЕЛИ

Для прогнозирования развития экономических систем актуальными являются информационно-аналитические методы, основанные на оптимизации прогнозных показателей. Прогнозируемые параметры должны быть близки к реальным. Целью данной статьи является проведение анализа методов прогнозирования устойчивости развития экономических систем на основании прогнозных параметров. Основным инструментом большинства методов прогнозирования расчетных характеристик информационных потоков при проектировании OLAP-моделей является схема экстраполяции, которая включает изучение временных рядов, составленных из упорядоченных во времени наборов этих характеристик. Структура алгоритма прогнозирования предусматривает: прогнозирование изменения внешней и внутренней среды предприятия на базе количественной и эвристической информации о наблюдаемых параметрах среды; оценку реакции предприятия на внутренние или внешние факторы и анализ сценариев развития предприятия; анализ показателей предприятия с помощью OLAP-модели; коррекцию параметров прогнозирования и принятых плановых решений. Предлагается метод прогнозирования параметров экономической системы, который базируется на OLAP-модели и включает изучение временных рядов, составленных из упорядоченных во времени последовательностей этих параметров в виде вектора состояния. Оценка качества прогнозов экономического состояния предприятия осуществляется с помощью целевой функции. Разработанный метод оценки расчетных экономических показателей позволяет получить погрешность в пределах доверительного интервала, используя определенное количество измерений их значений, которые поступают за промежуток времени *T*. Показано, что экономические прогнозные параметры предприятия необходимо составлять по их анализу за время, в три раза превышающее время прогноза.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, прогнозирование устойчивого развития, OLAP-модель

Изучение устойчивости развития экономических систем предполагает исследование их состояния не только на сегодняшний день, но и на ближайшую перспективу. Необходимость предвидения вероятного исхода событий в будущем никогда прежде не была столь насущной. Это прежде всего связано с развитием экономики в период кризиса, темпами научно-технического прогресса и многими другими факторами. Предвидение событий дает возможность заблаговременно приготовиться к ним, учесть их положительные и отрицательные последствия, а если это возможно – вмешаться в ход развития, контролировать его и, что более важно,– работать для претворения в жизнь одной из выявленных альтернатив будущего. Управленческие решения, принимаемые сегодня, опираются на оценки развития экономической системы в будущем; в свою очередь, они в большей или меньшей степени воздействуют на это будущее [2], [3], [4].

В условиях современной динамики и трансформации рыночной экономики функционирование экономической системы существенно зависит от того, насколько достоверно можно предвидеть перспективы ее развития в будущем, то есть от прогнозирования. В значительной мере быстрое изменение динамики и структуры процессов ведет к неопределенности этих процессов. Особую роль при решении этих задач приобретает прогнозирование. Масштабы, а главное темпы развития и сложность общественных, в том числе экономических, связей определяют важность повышения надежности перспективных оценок, необходимость дальнейшего совершенствования методологии прогнозирования, распространения и совершенствования имеющихся, разработки новых методов, применяемых при прогнозировании.

Целью данной статьи является проведение анализа методов прогнозирования устойчивости развития экономических систем на основании прогнозных параметров.

© Усов А. В., Гончаренко Е. Н., 2013

В современных условиях, характеризующихся неопределенностью с постоянными динамическими изменениями, актуально использовать инновационные методы управления, в частности прогнозирование динамических процессов с неопределенными данными. Неопределенность данных характеризуется множеством факторов неопределенности: неопределенность исходных данных, неопределенность внешней среды, неопределенность, связанная с характером динамики процессов, и т. д. Именно факторы неопределенности определяют ошибку прогноза, то есть опасность потери ресурсов, недополучения доходов или появления дополнительных расходов, связанных с системой хозяйствования [5].

На основе проведенного анализа методов прогнозирования и обработки динамических процессов с неопределенностью в исходных данных все методы можно разделить на четыре группы: статистические, имитационные, управленческие и информационно-аналитические (рис. 1).

Рис. 1. Методы прогнозирования динамических процессов с неопределенными исходными данными

Статистические методы прогнозирования все более широко применяются при решении различных прикладных задач. Одним из таких методов является наложение интервальных операций на оптимальную прогнозную модель. В настоящее время интервальное представление факторов неопределенности привлекает все большее внимание инженеров и экономистов как именно ограничительное и наиболее адекватное многим практическим постановкам задач.

Результатом интервальных расчетов являются интервалы (интервал – это замкнутый числовой промежуток), в которых могут находиться итоги вычислений. Применение интервальных вычислений имеет преимущество перед детерминированными или вероятностными методами вычислений: не требуется знание вероятностных характеристик факторов, которые на практике редко бывают точно известными. В настоящее время разработка методов прогнозирования на основе интервальных методов представляется прежде всего на основании интервального подхода к стандартным методам прогнозирования.

Для прогнозирования развития экономических систем актуальными являются информационно-аналитические методы, основанные на оптимизации прогнозных показателей. Мы предлагаем использование OLAP-модели для прогнозирования экономических показателей, характеризующих устойчивость развития экономической системы [1], [6]. Прогнозируемые параметры должны быть близки к реальным.

Наличие информации о предстоящих потребностях, возможных результатах и последствиях управляющих действий – необходимая предпосылка оптимального управления любой системой. Такая информация может быть получена как результат научно обоснованных прогнозов.

Основным инструментом большинства методов прогнозирования расчетных характеристик информационных потоков при проектировании OLAP-моделей (On Line Analitical Processing) является схема экстраполяции, которая включает изучение временных рядов, составленных из упорядоченных во времени наборов этих характеристик. Полученный набор аппроксимируется какой-либо функцией. В результате получается жестко фиксированная модель тренда [7].

Методы, основанные на анализе информационных связей в бизнес-процессах, базируются на всемерном учете параметров экономической системы, их распределении в системе передачи данных и использовании в OLAP-формате. Расчетный объем загрузки системы передачи данных в месяц «пик» определяется для каждого узла «сервер – клиент», обслуживаемого данной системой передачи данных. При этом объем передачи данных для отдельных участков системы передачи данных определяют путем последовательного суммирования информационных объемов, поступающих с предыдущих участков системы передачи данных.

Перспективный объем информации в OLAP-формате Q вычисляют по формуле [2]:

$$Q_t = \rho k_m k_n \sum_{i=1}^{n} Q_i k_i, \qquad (1)$$

где Q_i – среднемесячный объем информации i-го типа; ρ – коэффициент увеличения объема передаваемой информации на перспективу; k_m – коэффициент, учитывающий неравномерность объемов информационных потоков в экономической системе; k_i – коэффициент повторности передачи информационных потоков i-го типа; k_n – коэффициент неучтенных информационных потоков, принимаемый равным 1,15.

Пока OLAP-модель соответствует бизнес-процессу, ошибки прогноза должны колебаться около нуля. Если же модель прогноза ошибочна или станет ошибочной из-за того, что резко изменится сам бизнес-процесс, то появится последовательность «положительных» или «отрицательных» ошибок и, следовательно, средняя ошибка прогноза больше не будет равна нулю. Метод следящих сигналов состоит в том, что систематически осуществляется проверка близости средней ошибки прогноза к нулю. Если

средняя ошибка превысит некоторый заранее установленный предел, формируется предупреждение, дающее возможность пользователю принять необходимые меры для своевременной корректировки прогнозных характеристик.

Оценка и анализ устойчивости работы предприятий направлены на исследование протекающих в них динамических процессов при изменении внешних и внутренних параметров. Поэтому представляют интерес ответы на вопросы о том, какова область устойчивости наблюдаемых показателей, при каких действиях рисковых факторов наступает срыв устойчивости и какова картина ее утрачивания (момент срыва устойчивости, плавность перехода от устойчивого состояния к неустойчивому и др.). Для получения более полной картины ослабления устойчивости прибегают к серии экспериментов, раскрывающих рисковые факторы и специфику ухудшения стабильности показателей производства. В ходе их проведения появляется возможность визуально оценить траекторию изменения показателя (или их группы) и при задании нормативных или пороговых (минимального, максимального) значений рассчитать степень устойчивости контролируемых показателей [10], [12].

Если показатель пересекает пороговый уровень и покидает допустимый диапазон значений, это говорит о его неустойчивости и требует проведения диагностики деятельности предприятия. В этой ситуации предприятие будет подвергаться влиянию помех и его адаптивные качества могут оказаться недостаточными для противодействия им. Вот почему диагностика проводится в тесной двусторонней связи с оценкой и анализом устойчивости предприятия: выявление симптомов его кризиса диктует необходимость углубленного изучения процесса потери устойчивости предприятия [8].

Структура алгоритма прогнозирования предусматривает ряд этапов:

• прогнозирование изменения внешней и внутренней среды предприятия на базе количественной и эвристической информации о наблюдаемых параметрах среды;

• определение тенденций развития прогнозируемого объекта (предприятия) на основе факторов, которые влияют на его динамику;

• оценка реакции предприятия на внутренние или внешние факторы и анализ сценариев развития предприятия;

• продолжение прогнозирования по избранному сценарию последствий его выполнения, чтобы своевременно скорректировать или отменить решение, если условия реализации радикально изменились;

• анализ показателей предприятия с помощью OLAP-модели прогнозирования;

• коррекция параметров прогнозирования и принятых плановых решений, если этого требует необходимость восстановления и сохранения устойчивости деятельности предприятия.

Структура этапов и форм процесса прогнозирования в общем цикле прогнозирования, стратегического планирования и регулирования развития предприятия должна отвечать современным требованиям (рис. 2).

Рис. 2. Этапы процесса прогнозирования развития предприятия

Неверное прогнозирование параметров экономической системы (предприятия) существенным образом сдерживает ее развитие. Концепция экономической системы, как и любой другой сложной системы, со временем эволюционирует. Экономическая система должна функционировать таким образом, чтобы учесть прогнозные характеристики ее устойчивого развития. Решением данной проблемы является управление экономической системой на основе прогнозных характеристик ее функционирования, которое включает как информацию об изменении параметров экономической системы, так и OLAP-модель прогнозирования ее оптимальных параметров в зависимости от изменения бизнес-процессов на предприятии. С помощью методов прогнозирования изменения параметров экономической системы можно рассчитать необходимую дополнительную управленческую функцию и заранее принять меры по ее технической реализации с целью устойчивого развития.

Предлагается метод прогнозирования параметров экономической системы, который базируется на OLAP-модели и включает изучение временных рядов, составленных из упорядоченных во времени последовательностей этих параметров в виде вектора состояния $\{x(t)\}$.

Особенность предложенного метода прогнозирования заключается в том, что назначение эффективных прогнозных характеристик на будущий период $[0, T]$ зависит от длины интервала, на котором проводится предыдущий сбор этих данных состояния экономической системы, их анализа и экстраполяции на указанный промежуток. Поэтому стратегия поиска такого интервала и его длины определяется условием

$$L = \inf_{0 \le x_1 \le x_2 \le \ldots x_n} \max \left\{ l_n \left(x_1, x_2, \ldots, x_n, x^* \right) \right\},$$

нижней границей выборки данных функционирования предприятия.

Полученные последовательности $\{x(t)\}$ анализируются на отобранных промежутках времени соотношениями $q_k = \max\{x(t_k(x_0)) - x(t_k(x_0)) - \delta \mid, \mid x(t_k(x_0)) - x(t_k(x_0)) + \delta)$, где $t_k(x_0)$ – вектор состояния прогнозных параметров, взятый из промежутка $[t_l, t_k]$, и интерполируются функцией. Благодаря этому можно получить жестко фиксированную модель тренда изменения вектора экономического состояния предприятия $x_0(t)$ в избранном промежутке времени. Из полученного тренда определяется $x_0(t)$ – вектор прогнозных характеристик выборки $V(x_i(t))$ устойчивого развития предприятия. Эта модель экстраполируется на будущее. При этом предполагается, что экономические показатели функционирования предприятия в будущем будут такими, как те, которые взяты в качестве прогнозных. На самом деле экономические показатели предприятия беспрерывно изменяются. Поэтому с увеличением периода резко падает надежность прогноза [9].

Прогнозирование расчетных характеристик на базе OLAP-модели проведено на базе временных рядов значений прогнозируемых показателей. При этом учитывается их функциональная инерционность, динамичность и нестационарность. Как метод прогнозирования используем экстраполяционный прогноз, который состоит в установлении закономерности изменения прогнозируемого параметра за предыдущие моменты времени с дальнейшей экстраполяцией этого времени на будущие промежутки времени. Оценка качества прогнозов экономического состояния предприятия осуществляется с помощью целевой функции

$$P\left(\left\|x - x_0\right\|\right) \to \min, \qquad (2)$$

где x – вектор текущих значений экономических параметров предприятия за период прогноза; x_0 – вероятные значения экономических параметров предприятия на время прогнозирования.

Точность прогноза определяется объемом статистических данных прогнозируемого показателя V, чем данных больше, тем надежнее прогноз; неизменностью тенденции поведения прогнозируемого показателя; глубиной (интервал времени T) прогноза, чем он больше, тем сильнее возрастает ошибка прогноза. Максимальное правдоподобие прогнозируемых показателей зависит от глубины прогноза T^*_M и объема V статистических данных прогнозируемых экономических показателей предприятия. Представим функцией $P(t)=F[X(t),V(t)]$ достоверность того, что прогнозируемый экономический показатель предприятия будет правдоподобным на заданном временном интервале при минимальной статистической выборке, которая характеризует тенденцию его поведения.

Чтобы задать экономические параметры предприятия на временной промежуток $[t_1^F, t_2^F]$ в будущем, необходимо осуществить выборку статистических данных прогнозируемых параметров за промежуток времени $[3t_1^p, 3t_2^p]$ в прошлом и вычислить из этой выборки $M(x_1)$ – математическое ожидание искомых параметров, а также их дисперсию. Полученные по указанной методике прогнозные экономические параметры предприятия распределятся в окрестности седловой точки. На рис. 3 представлено графическое изображение точки $P^*(T^*, V^*)$.

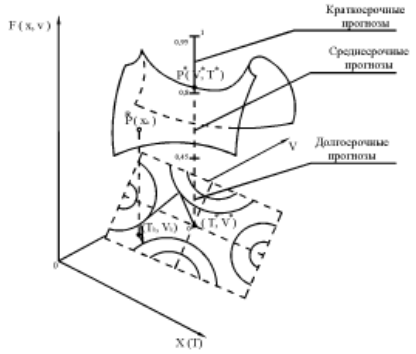


Рис. 3. Графическое изображение точки $P^*(T^*, V^*)$ в координатах: время $T(x)$ прогноза параметров – объем выборки; $V(x)$ – вероятность $P(x)$ устойчивого развития предприятия

В условиях кризиса достоверность значений прогнозируемых экономических показателей предприятия уменьшается, что свидетельствует о понижении их надежности и правдоподобия. Избранные значения временного интервала глубины выборки позволяют рассчитать минимальный объем информации о «предыстории» изменения характеристик экономической системы, достаточный для выполнения наиболее правдоподобного прогнозирования устойчивого развития предприятия на любой заведомо заданный промежуток времени.

Разработанный метод оценки расчетных экономических показателей дает возможность получить погрешность в пределах доверительного интервала, используя определенное количество измерений их значений, которые поступают за промежуток времени T. Показано, что экономические прогнозные параметры предприятия необходимо составлять по их анализу за время, в три раза превышающее время прогноза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский В. М. Теоретические основы проектирования компьютерных сетей. М.: ЗАО «Техносфера», 2003. 512 с.
2. Владимирова Л. П. Прогнозирование и планирование в условиях рынка. М.: Издательский Дом «Дашков и К°», 2000. 308 с.

3. Гончаренко Е. Н. Управление устойчивостью экономических систем на основе оптимизации прогнозных характеристик // Экономика и управление предприятиями машиностроительной отрасли: проблемы теории и практики. Харьков: ХАИ, 2009. № 3. С. 33–41.
4. Зубов В. И. Проблема устойчивости процессов управления. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 354 с.
5. Кузык Б. Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: Учебник. М.: Экономика, 2008. 575 с.
6. Олифер В. Новые технологии и оборудование IP-сетей. СПб., 2000. 512 с.
7. Ревенко Д. С. Методы и модели прогнозирования динамических процессов с неопределенными данными // Бизнес информ. 2009. № 6. С. 71–74.
8. Ричард К., Бишоп Х. Современные системы управления: Пер. с англ. М.: Лаборатория базовых знаний, 2004. 931 с.
9. Семенов Ю. А. Алгоритмы телекоммуникационных сетей: В 3 ч. Ч. 2. Протоколы и алгоритмы маршрутизации в Internet. М.: Бином, 2007. 832 с.
10. Третьяк А. И., Усов А. В., Коновалов А. П. Вероятностно-статистическое моделирование технико-экономических систем. Ч. 2. Одесса: Астропринт, 2003. 438 с.
11. Усов А. В., Дубов А. Н., Дмитришин Д. В. Моделирование систем с распределенными параметрами. Одесса: Астропринт, 2002. 664 с.
12. Четыркин Е. М. Статистические методы прогнозирования. М.: Статистика, 1977. 200 с.

Usov A. V., Odessa National Economic University (Odessa, Ukraine)
Goncharenko E. N., Odessa National Polytechnic University (Odessa, Ukraine)

PREDICTION OF ECONOMIC SYSTEMS' SUSTAINABLE DEVELOPMENT BY USE OF OLAP-MODEL

Relevant information and analytical methods based on optimization of forecast targets are required to predict future development of economic systems. Projected parameters should be close to reality. The purpose of this paper is to analyze methods instrumental in predicting stability of economic systems based on the forecast parameters. The main instrument of the majority of methods used to predict design characteristics of the information flow in the process of designing OLAP-models is an extrapolation scheme, which includes the study of time series consisting of the time-ordered set of these characteristics. The structure prediction algorithm provides: prediction of changes in the external and internal environment on the basis of quantitative and heuristic information on the observed parameters of the environment; assessment of the enterprise reaction on the influence of internal or external factors; scenario analysis of the enterprise development; analysis of the enterprise performance with the use of OLAP-model; prediction and correction of parameters and planned decisions. A method of forecasting parameters for economic systems is offered. The method is based on OLAP-models and includes the study of time series consisting of time-ordered sequences of these parameters. Assessment of the quality forecasts of the company's economic condition is carried out by means of an objective function. The developed method for estimation of calculated economic indicators makes it possible to receive an error within a confidence interval using a number of measurements, which come in the time interval T. It is shown that the economic forecast parameters of the enterprise must be complied according to the time the analysis.

Key words: economic stability, forecast of sustainable development, OLAP-model

REFERENCES

1. Vishnevskiy V. M. *Tekhnicheskiye osnovy proektirovaniya komp'yuternykh setey* [Theoretical basis of computer designed networks]. Moscow, ZAO "Technosphere" Publ., 2003. 512 p.
2. Vladimirova L. P. *Prognozirovaniye i planirovaniye v usloviyakh rynka* [Forecasting and planning in market conditions]. Moscow, Publishing House "Dashkov and Co", 2000. 308 p.
3. Goncharenko E. N. Stability control of economic systems based on optimizing predictive characteristics [Upravleniye ustoychivost'yu ekonomicheskikh sistem na osnove optimizatsii prognoznykh kharakteristik]. *Economics and Management of mechanical engineering: theory and practice.* Kharkiv, "HAI" Publ., 2009. № 3. P. 33–41.
4. Zubov V. I. *Problema ustoychivosti protsessov upravleniya* [Stability problem of management processes]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2001. 354 p.
5. Kuzyk B. N. *Forecasting, strategic planning and national development* [Prognozirovaniye, strategicheskoye planirovaniye i natsional'noye programmirovaniye]. Moscow, Ekonomika Publ., 2008. 575 p.
6. Olifer B. *Novye tekhnologii i oborudovaniye IP-setey* [New technologies and equipment IP-networks]. St. Petersburg, 2000. 512 p.
7. Revenko D. S. Methods and predictive models of dynamic processes with uncertain data [Metody i modeli prognozirovaniya dinamicheskikh protsessov s neopredelennymi dannymi]. *Business Inform.* 2009. № 6. P. 71–74.
8. Richard C., Bishop R. *Modern control systems* [Sovremennye sistemy upravleniya]. Moscow, Laboratory of Basic Knowledge Publ., 2004. 931 p.
9. Semenov Yu. A. *Algoritmy telekommunikatsionnykh setey* [Algorithms for telecommunication networks]. In 3 parts. Part 2. Protocols and routing algorithms in the Internet. Moscow, Binom Publ., 2007. 832 p.
10. Tretiak A. I., Usov A. V., Konovalov A. P. *Veroyatnostno-statisticheskoye modelirovaniye tekhniko-ekonomicheskikh sistem* [Probabilistic and statistical modeling of technical and economic systems]. Part 2. Odessa, Astroprint Publ., 2003. 438 p.
11. Usov A. V., Dubov A. N., Dmitrishin D. V. *Modelirovaniye sistem s raspredelennymi parametrami* [Modeling of the systems with distributed parameters]. Odessa, Astroprint Publ., 2002. 664 p.
12. Chetyrkin E. M. *Statisticheskiye metody prognozirovaniya* [Statistical methods for forecasting]. Moscow, Statistika Publ., 1977. 200 p.

Поступила в редакцию 02.04.2013

Август, № 5 **Экономика** **2013**

УДК 336.1

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА КАДНИКОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
goldsun@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПЕВЦОВ
магистр экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pevtsov@bk.ru

ФИНАНСЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЗВЕНО ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА (на примере Республики Карелия)*

Рассмотрены теоретические основы сущности и структуры финансовой системы региона. Проанализированы основные параметры социально-экономического развития региона на примере Республики Карелия (РК), характеризующие финансы территории, в том числе изучена динамика и структура доходов и расходов бюджета Карелии и бюджета Карельского территориального фонда обязательного медицинского страхования, рассмотрена структура и динамика государственного кредита и государственного долга РК. Несмотря на рост доходных поступлений в бюджет, темпы роста расходов их превышают, что влечет за собой рост дефицита бюджета и как следствие – государственного долга РК. В структуре доходов бюджета Карелии около 2/3 занимают налоги, а доля безвозмездных поступлений имеет тенденцию к снижению; наибольший удельный вес занимают расходы на социальную политику, здравоохранение и образование, что говорит о социальной ориентированности бюджета. Бюджет Территориального фонда обязательного медицинского страхования принимается в сбалансированном состоянии, за последние три года он увеличился практически вдвое. На основании проведенного анализа выявлены основные проблемы функционирования финансовой системы Республики Карелия.

Ключевые слова: финансовая система региона, структура финансовой системы, государственный бюджет, государственный кредит, государственный долг

Социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации напрямую зависит от регионального ресурсного потенциала. Обладающая достаточными ресурсами, в том числе и финансовыми, территория имеет возможность динамично развиваться. Особую роль в достижении данной цели играет финансовая система региона.

Система (от греческого systëma – «целое, составленное из частей; соединение») – множество взаимосвязанных элементов, обособленное от среды и взаимодействующее с ней как целое. Исходя из этого финансовая система представляется как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, звеньев, элементов, непосредственно участвующих в финансовой деятельности и способствующих ее осуществлению, представляющих финансовые институты и инструменты, создающие необходимые условия протекания финансовых процессов и формирования финансовых отношений [7; 263]. Следовательно, в целом финансовую систему можно рассматривать как совокупность форм и методов организации финансовых отношений. Финансовая система имеет несколько предназначений, суть которых реализуется в ее функциях:

1. Благодаря финансовой системе определяется регламент финансовых отношений макро- и микроуровней, в том числе права и обязанности экономических агентов как участников этих отношений (организационная функция).

2. При помощи финансовой системы происходит регулирование денежных потоков между институтами, секторами, сферами или звеньями экономики (регулирующая функция).

3. Финансовая система позволяет оценить результаты финансово-хозяйственной деятельности экономических агентов макро- и микроуровней, а также сравнить их с ранее определенными целями функционирования данных агентов (контрольная функция).

Одним из наиболее дискуссионных в современной финансово-экономической литературе остается вопрос о структуре финансовой системы. В ее составе в зависимости от вида финансовых отношений, выделяют бюджетную, кредитную, налоговую, платежную и валютную системы. В зависимости от вида денежного фонда участников финансовых отношений финансовая система подразделяется на централизованные и децентрализованные финансы. В рамках институционального подхода финансовая система структурируется аналогично экономике в разрезе системы национальных счетов – на сектора. В зависимости от роли (функции) участ-

© Кадникова Т. Г., Певцов Д. А., 2013

ников финансовых отношений в общественном производстве (функциональный подход) финансовая система делится на сферы и звенья. В зависимости от уровня власти выделяют финансы федерального уровня, субфедерального уровня и муниципальные финансы [1], [2], [5], [8]. При рассмотрении фмнансов в разрезе уровней власти, как правило, выделяют государственные и муниципальные финансы, вопрос же о рассмотрении финансов субфедерального уровня встречается в литературе не так часто.

Существует множество методологических подходов, определяющих содержание понятия «регион» [4], [6]. В широком понимании авторы рассматривают регион как самостоятельную в хозяйственно-экономическом и административном отношении территорию. Наиболее прикладным является следующее определение: «Регион – территория в административных границах субъекта Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления» [3; 13]. На наш взгляд, уместно рассматривать субъекты РФ как тип регионального образования. Таким образом, в данном контексте «региональные финансы» и «финансы субъекта РФ» – это тождественные понятия.

Под финансовой системой субъекта Федерации подразумевается совокупность сфер и звеньев, между которыми при помощи различных форм и методов реализуются финансовые отношения территориального уровня.

По причине сложности анализа не всегда возможно исследовать финансовую систему региона в целом. В этом случае прибегают к декомпозиции – разделению общего на части, которые исследуют как самостоятельные проблемы. Остановимся на параметрах социально-экономического состояния территории, то есть показателях, отражающих финансы территории (доходы и расходы бюджета, объем межбюджетных трансфертов, состояние государственного долга и др.). Данная группа показателей характеризует эффективность функционирования финансовой системы, в том числе субфедерального уровня.

Оценка различных аспектов экономики региона является важной составляющей для определения основных тенденций его развития с позиции как стратегии, так и тактики. Для ее проведения, безусловно, требуется целый комплекс показателей, таких как ВРП, уровень цен и темп инфляции, уровень безработицы и др. Одним из базовых индикаторов экономического развития субъекта Федерации является состояние регионального бюджета.

Экономическое состояние Республики Карелия в контексте оценки регионального бюджета в последние годы характеризуется как относительно удовлетворительное. Основные характеристики бюджета РК в 2011–2012 годах и прогноз на 2013 год представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, динамика изменения доходов и расходов имеет положительную тенденцию как фактически, так и в плановых значениях: в 2012 году доходы по сравнению с 2011 годом выросли на 10,62 %, а расходы на 6,4 %, прогнозируемый рост доходов в 2013 году составит лишь 3,64 %, а доходов практически останется неизменным, то есть расходы в 2013 году вырастут на 6,9 %. Что касается дефицита бюджета, то в 2012 году по сравнению с 2011-м он снизился на 21,56 %, однако в силу определенных об-

Таблица 1

Основные характеристики бюджета РК на 2011–2013 годы (тыс. руб.)

Наименование	Год		
	2011	2012	2013 (проект)
Доходы	21 956 684,3	24 287 442,7	25 171 590,4
Расходы	25 269 222,7	26 885 803,7	28 754 110,4
Дефицит	–3 312 538,4	–2 598 361,0	–3 582 520,0

Таблица 2

Структура доходов бюджета РК в 2011–2013 годах

Доходы	Год					
	2011		2012		2013 (проект)	
	тыс. руб.	в % к общему объему	тыс. руб.	в % к общему объему	тыс. руб.	в % к общему объему
Налоговые доходы	13 413 818	63,21	16 787 372	69,12	18 920 290	75,17
Неналоговые доходы	1 828 219	8,62	535 037	2,20	963 179	3,83
Безвозмездные поступления	5 978 966	28,17	6 965 034	28,68	5 288 121	21,00
Итого доходов	21 221 003	100 %	24 287 443	100 %	25 171 590	100 %

стоятельств (в том числе изменение налогового законодательства РФ) в 2013 году планируется рост дефицита бюджета РК практически на 38 % в сравнении с 2012 годом[1].

Рассмотрим структуру и динамику доходов бюджета РК в 2011–2012 годах и в прогнозном периоде 2013 года более подробно (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что в структуре доходов наибольший удельный вес занимают налоговые и неналоговые доходы – чуть более 72 % в общем объеме доходов, а в связи с политикой децентрализации в 2013 году их долю планируется увеличить до 79 %. Доля безвозмездных поступлений в республиканский бюджет, напротив, снижается. Более половины доходов бюджета РК составляют налоги на прибыль и доходы. Безвозмездные поступления практически полностью состоят из безвозмездных поступления от других бюджетов бюджетной системы РФ – более 97 %, из них фактически половину составляют дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (от 45 до 49 % в период 2011–2013 годов). Например, структура безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы РФ в 2012 году выглядела следующим образом: дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности – 45 %, субвенции – 35 %, субсидии – 10 %, иные межбюджетные трансферты – 7 %, прочие безвозмездные поступления от бюджета ФСС РФ – 3 %.

Расходы бюджета РК представлены в табл. 3.

Наибольший удельный вес в структуре расходов бюджета занимает социальная политика, причем объемы финансирования имеют небольшую тенденцию к снижению (с 26,45 % в 2011 году до 25,58 %). На втором месте образование: в 2011 году на него выделялось 18,24 % от общего объема расходов бюджета РК, в 2012 году – 20,34 %, а в 2013 году планируется выделить 21,88 %. Около 18 % выделяется на финансирование здравоохранения – чуть меньше (16 %) на национальную экономику. Меньше 1 % от общей суммы расходов бюджета РК выделяется на физическую культуру и спорт, СМИ, охрану окружающей среды и национальную оборону.

Бюджет РК принимается с дефицитом, динамика его неоднозначна (табл. 1). Так в 2012 году он снизился по сравнению с 2011-м почти на 22 %, что связано с улучшением экономической обстановки в республике, но в 2013 году прогнозируется его рост на 37 %. Это объясняется тем, что доходы бюджета РК зависят от ситуации на крупнейших предприятиях (73 % поступлений налога на прибыль формируют 5 крупнейших организаций республики), которые раньше формировали бюджет, а сейчас являются убыточными или находятся на грани банкротства. Остановлена работа целлюлозного завода в Питкяранте, Кондопожский ЦБК работает с убытком почти 400 млн руб., неопределенная ситуация складывается на Сегежском ЦБК. В случае изменения федерального законодательства в части создания консолидированных групп налогоплательщиков республика может лишиться значительной части поступления по налогу на

Таблица 3

Структура расходов бюджета РК в 2011–2013 годах

Расходы	Год					
	2011		2012		2013 (проект)	
	тыс. руб.	в % к общему объему	тыс. руб.	в % к общему объему	тыс. руб.	в % к общему объему
Общегосударственные вопросы	1 207 494,9	5,43	1 148 759	4,27	1 171 192,5	4,07
Национальная оборона	12 186,1	0,05	12 951,3	0,05	13 480	0,05
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1 671 397,2	7,51	553 437,3	2,06	591 850	2,06
Национальная экономика	2 551 919,6	11,47	4 355 760,9	16,20	5 324 632,8	18,52
ЖКХ	253 103	1,14	928 851,4	3,45	990 475	3,44
Охрана окружающей среды	14 539	0,07	17 156,7	0,06	21 635,6	0,08
Образование	4 059 038,6	18,24	5 468 709	20,34	6 292 133,7	21,88
Культура, кинематография	426 792	1,92	420 135,6	1,56	617 327,4	2,15
Здравоохранение	3 921 043,5	17,62	4 995 082	18,58	4 563 437,2	15,87
Социальная политика	5 886 091,1	26,45	6 926 140,5	25,76	7 355 248,2	25,58
Физическая культура и спорт	98 318	0,44	84 214	0,31	121 391	0,42
СМИ	75 704	0,34	82 127	0,31	88 896	0,31
Обслуживание государственного и муниципального долга	760 000	3,41	928 262	3,45	904 058	3,14
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам субъектов РФ и МО	1 318 655	5,92	964 217	3,59	698 353	2,43
Итого расходов	22 256 282	100,00	26 885 803,7	100,00	2 875 4110,4	100,00

прибыль от ОАО «Карельский окатыш», снижение ожидается в 5 раз[2].

Для финансирования дефицита бюджета привлекаются заемные и собственные средства. Заемными источниками финансирования дефицита бюджета определены средства от выпуска государственных ценных бумаг РК, кредиты кредитных организаций и бюджетные кредиты из федерального бюджета. Так, в 2013 году объем привлечения от размещения государственных ценных бумаг РК планируется в сумме 2 млрд руб.; привлечение кредитов кредитных организаций в 2013 году – в размере 5 882 520 тыс. руб.; иные источники внутреннего финансирования дефицита бюджета предусмотрены на 2013 год в сумме 600 000 тыс. руб. Прогноз поступлений средств от продажи акций и иных форм участия в капитале, находящихся в собственности РК, определен на 2013 год в сумме 600 000 тыс. руб.

Вторым звеном региональных финансов субъекта РФ является бюджет Территориального фонда обязательного медицинского страхования (ТФОМС). Данный бюджет принимается в сбалансированном состоянии. Так, в 2011 году доходы и расходы составили 3 489 239,1 руб., в 2012 году – 5 404 245,9 руб., а в проекте 2013 года заложена сумма в размере 6 857 509,4 руб. Таким образом, объем бюджета Карельского ТФОМС за последние три года вырос практически в 2 раза, причем в 2012 году по сравнению с 2011-м суммы возросли почти на 55 %, а в 2013 году по сравнению с 2012-м еще на 27 %. Рост расходов в 2012 году в основном связан с реализацией второго этапа Программы модернизации здравоохранения в субъектах РФ, за счет средств Карельского ТФОМС поступило порядка 23 % от общего объема средств, направленных на реализацию данной реформы.

Источниками доходов бюджета в 2011 году являлись страховые взносы на обязательное медицинское страхование – 786 062,7 тыс. руб. и безвозмездные поступления – 2 663 176,4 тыс. руб. С 2012 года основным источником формирования доходной части бюджета Карельского ТФОМС являются субвенции из бюджета ФФОМС на выполнение переданных органам государственной власти субъектов РФ полномочий РФ в сфере обязательного медицинского страхования.

Основным направлением расходования средств бюджета Фонда является выполнение территориальной программы обязательного медицинского страхования. В 2012 году на эту программу направлялось около 70 % от общей суммы расходов (остальная сумма расходовалась на реализацию Программы модернизации здравоохранения в субъектах РФ), а в 2013 году – 99 %. Расходы на выполнение функций органа управления Фондом составляют около 1 %.

Начиная с 2013 года структура тарифа на оплату медицинской помощи включает: расходы на заработную плату, начисления на оплату труда, прочие выплаты, приобретение лекарственных средств, расходных материалов, продуктов питания, мягкого инвентаря, медицинского инструментария, реактивов и химикатов, прочих материальных запасов, расходы на оплату стоимости лабораторных и инструментальных исследований, проводимых в других учреждениях (при отсутствии в медицинской организации лаборатории и диагностического оборудования), организацию питания (при отсутствии организованного питания в медицинской организации), расходы на оплату услуг связи, транспортных и коммунальных услуг, работ и услуг по содержанию имущества, расходы на арендную плату за пользование имуществом, оплату программного обеспечения и прочих услуг, социальное обеспечение работников медицинских организаций, установленное законодательством РФ, прочие расходы, расходы на приобретение оборудования стоимостью до 100,0 тыс. руб. за единицу[3].

Третьим звеном региональных финансов является государственный кредит, возникающий при осуществлении субъектом РФ функции заемщика, кредитора или гаранта.

В 2011 году государственные гарантии и кредиты за счет средств бюджета РК не предоставлялись, что связано с посткризисным состоянием экономики республики.

В бюджетах 2012 и 2013 годов были предусмотрены бюджетные кредиты в размере 300 млн руб. ежегодно, в том числе треть этой суммы предназначалась на покрытие временных кассовых разрывов, возникающих при исполнении бюджетов муниципальных районов и городских округов РК, а две трети предоставлялись на частичное покрытие дефицитов бюджетов муниципальных районов и городских округов, на реализацию комплексных программ развития дошкольных образовательных учреждений, на осуществление мероприятий, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций.

В структуре своей задолженности РК имеет только внутренний долг (динамика долговых обязательств за последние 5 лет представлена в табл. 4).

За период с 2008 по 2012 год включительно общий объем государственного долга увеличился практически в 2,5 раза (155,78 %). Наибольший прирост пришелся на 2009 год: на 01.01.2010 он вырос на 46,67 % по сравнению с предыдущим годом. В 2010 году исследуемый показатель снова вырос более чем на 2 млрд руб. и составил на 01.01.2010 45,9 % от годового объема доходов бюджета, что почти вдвое выше докризисного уровня (29 %). На 01.01.2012 размер государственного долга РК составил 7 975,4 млн руб., по сравнению с 2010 годом он снизился на 530,0 млн руб., или на 6,23 %. По итогам 2011 года фактическое отноше-

Таблица 4

Динамика государственного долга РК в 2008–2012 годах (тыс. руб.)

Наименование долгового обязательства	на 01.01.2009	на 01.01.2010	на 01.01.2011	на 01.01.2012	на 01.01.2013
Государственный долг РК (всего)	4 142 952	6 076 348	8 505 417	7 975 417	10 596 689

Таблица 5

Динамика долговых обязательств РК в 2008–2012 годах (тыс. руб.)

Период	Кредитные соглашения и договоры	Государственные ценные бумаги РК	Договоры и соглашения о получении бюджетных кредитов от бюджетов других уровней	Договоры о предоставлении государственных гарантий РК
на 01.01.2009	1 809 431	2 300 000	0	33 521
на 01.01.2010	2 890 000	2 680 000	474 345,8	32 002,1
на 01.01.2011	3 318 182	3 240 000	1 947 235	0
на 01.01.2012	2 728 182	3 240 000	2 007 235	0
на 01.01.2013	4 190 000	3 740 000	2 472 889	193 800

ние объема государственного долга РК к общему годовому объему доходов бюджета РК без учета безвозмездных перечислений на 01.01.2012 составило 44 %, что на 18 процентных пунктов ниже первоначально установленного на 2011 год уровня и на 11 процентных пунктов ниже уровня 2010 года. Рост государственного долга Карелии продолжился и в 2012 году, на 01.01.2013 он составил порядка 10,5 млрд руб., что больше задолженности годом ранее на 33 %.

Государственный долг РК состоит из кредитных соглашений и договоров, государственных ценных бумаг РК, договоров о предоставлении государственных гарантий РК, договоров и соглашений о получении бюджетных кредитов от бюджетов других уровней. Динамика долговых обязательств представлена в табл. 5.

Как видно из табл. 5, в течение 5 лет динамика вида долговых обязательств развивалась неоднозначно. Объемы обязательств по кредитным соглашениям и договорам за 5 лет увеличились на 131,56 % и составили на 01.01.2013 1 809 431 тыс. руб. Заимствования путем выпуска государственных ценных бумаг увеличились за исследуемый период на 62,61 %. Государственные гарантии РК в 2010 и 2011 годах не выдавались. Согласно данным Министерства финансов РК, на 01.01.2013 за счет средств республиканского бюджета были предоставлены государственные гарантии в валюте РФ на сумму 193 800 тыс. руб. юридическим лицам в рамках заимствований, привлекаемых на реализацию инвестиционных проектов в соответствии с Законом РК от 26.06.2004 № 787-ЗРК «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Карелия»[4]. Динамика получения бюджетных кредитов от бюджетов других уровней за последний анализируемый год имела положительное сальдо лишь на 3,1 %, однако в 2010 году темп ее прироста составил 421 %. На 01.01.2013 наибольший удельный вес от общей задолженности занимают долговые обязательства в форме кредитных соглашений договоров (39,54 %), на втором месте – государственные ценные бумаги РК (35,29 %), 23,33 % – договоры и соглашения о получении бюджетных кредитов от бюджетов других уровней, и наконец, 1,82 % – договоры о предоставлении государственных гарантий РК.

Проанализировав основные параметры экономических (денежных) отношений в финансовой системе РК, можно сделать вывод об относительном росте в настоящий момент экономического потенциала субъекта РФ. Однако проведенный анализ также показал, что в качестве проблем финансовой системы Карелии можно назвать: 1) недостаточные темпы развития республиканской экономики; 2) слабая адаптированность к трансформационным процессам на внешних товарных и финансовых рынках как российского, так и международного характера; 3) проблемы рационального использования природных ресурсов и государственной собственности; 4) относительно низкий уровень жизни населения, не имеющего возможности участвовать в рыночном распределении доходов и др.

Для повышения конкурентоспособности региона необходимо акцентировать внимание не только на формировании и использовании публичных финансовых ресурсов, но и развивать потенциал децентрализованных финансов, проводя активную политику стимулирования, которая в конечном счете должна сформировать сбалансированную финансовую систему региона.

* Исследование выполнено по заданию Министерства образования и науки РФ, регистрационный номер проекта 01201253373, и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закон Республики Карелия от 22.12.2010 г. № 1452-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.karelia.ru/2011–2013-gody/; Закон Республики Карелия от 26 ноября 2011 года № 1557-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.karelia.ru/2012–2014-gody/; Пояснительная записка к проекту бюджета Республики Карелия на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов / Официальный сайт Министерства финансов Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.karelia.ru/2013–2015-gody/

[2] Глава Карелии призывает республику учиться зарабатывать деньги / КарелИнформ: Карельское информационное агентство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://karelinform.ru/? id=32623

[3] Пояснительная записка к проекту закона Республики Карелия «О бюджете Территориального фонда обязательного медицинского страхования Республики Карелия на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» / Официальный сайт Министерства финансов Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.karelia.ru/2013–2015-gody

[4] Справка о состоянии государственного долга Республики Карелия на 01.01.2013 / Официальный сайт Министерства финансов Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minfin.karelia.ru/gosudarstvennyj-dolg-respubliki-karelija/

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачев Е. Б., Чуб Б. А. Проблемы функционирования финансовой системы региона / Под ред. В. В. Бандурина. М.: БУКВИЦА, 1999. 260 с.
2. Боярский М. Г. Эффективность функционирования финансовой системы субъекта Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2005. 22 с.
3. Игнатов В. Г., Бутов В. И., Кетова Н. П. Основы региональной экономики. Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2001. 416 с.
4. Кожурин Ф. Д. Совершенствование регионального управления. М.: Логос, 1990. 144 с.
5. Куцури Г. Н. Финансовая система региона: эффективность функционирования и регулирования: Автореф. дис. … д-ра экон. наук. СПб., 2000. 31 с.
6. Маршалова А. С., Новоселов А. С. Методологические проблемы формирования новой системы регионального управления // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 40–58.
7. Финансовый словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. 378 с.
8. Финансы: Пер. с англ. / З. Боди, Р. Мертон. М.: Вильямс, 2007. 592 с.

Kadnikova T. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Pevtsov D. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FINANCES OF PUBLIC LEGAL STRUCTURE AS PART OF REGIONAL FINANCIAL SYSTEM (on the example of the Republic of Karelia)

Theoretical basics of the essence and structure of the regional financial system are concidered. Key parameters of the regional social and economic development, on the example of the Republic of Karelia, characterizing finances of the territory are analyzed. Dynamics and structure of the income and expenses of the budget of Karelia and the budget of Karelian territorial fund of obligatory medical insurance are studied. The structure and dynamics of the state credit and a public debt of the Republic of Karelia are considered. Despite a certain growth of profitable receipts in the budget, growth rates of the expenses increase too. Such finacial dynamics leads to the growth of the budget deficit, and, as a result, to the growth of the public debt of Karelian republic. The structure of Karelian budget income consists from taxes which make up 2/3 of the budget income. At the same time a share of uncompensated receipts tends to decrease. The biggest portion of finances is spent on social needs, health care, and education, which speaks about social orientation of the budget. A budget of Territorial fund of obligatory medical insurance is accepted in the balanced condition and has doubled for the last three years. Results of the conducted analysis helped to reveal the main problems of the functioning financial system.

Key words: financial system of the region, structure of a financial system, state budget, state credit, public debt

REFERENCES

1. Bogachev E. B., Chub B. A. *Problemy funktsionirovaniya finansovoy sistemy regiona* [Problems of the regional financial system functioning]. Moscow, BUKVITSA, 1999. 260 p.
2. Boyarskiy M. G. *Effektivnost' funktsionirovaniya finansovoy sistemy sub"ekta Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk* [Efficiency of the financial system functioning of one of the subjects of the Russian Federation. Avtoref. dis. Cand. Economic Sciences]. Moscow, 2005. 22 p.
3. Ignatov V. G., Butov V. I., Ketova N. P. *Osnovy regional'noy ekonomiki* [Bases of regional economy]. Rostov-on-Don, Izdatel'skiy tsentr "MarT", 2001. 416 p.
4. Kozhurin F. D. *Sovershenstvovanie regional'nogo upravleniya* [Improvement of regional government]. Moscow, Logos Publ., 1990. 144 p.
5. Kutsuri G. N. *Finansovaya sistema regiona: effektivnost' funktsionirovaniya i regulirovaniya. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk* [Financial system of the region: efficiency of functioning and regulation. Avtoref. dis. Dr. Economic Sciences]. St. Petersburg, 2000. 31 p.
6. Marshalova A. S., Novoselov A. S. Methodological problems of formation of new system of regional government [Metodologicheskie problemy formirovaniya novoy sistemy regional'nogo upravleniya]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economy and sociology]. 2012. № 1. P. 40–58.
7. *Finansovyy slovar'* [Financial Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 378 p.
8. *Finansy* [Finance] / Z. Bodi, R. Merton. Moscow, Vil'yams Publ. 2007. 592 p.

Поступила в редакцию 10.04.2013

Август, № 5 **Юридические науки** **2013**

УДК 341.98

ТАТЬЯНА РОМАНОВНА ПОЛИЩУК-МОЛОДОЖЕНЯ
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции гуманитарного факультета, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета (Апатиты, Российская Федерация)
trpm@ya.ru

ВЗАИМНОСТЬ ПРИ ПРИЗНАНИИ И ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖЕЙ В РОССИИ

Необходимость анализа данной проблемы вызвана отсутствием сложившейся судебной практики в России, а также руководящих разъяснений высших судебных инстанций, что приводит к нежеланию сторон передавать споры с участием иностранного элемента на рассмотрение российских судов. Проанализированы формальные основания исполнения решений иностранных арбитражей и судебная практика. Выявлена необходимость применения взаимности как материального и процессуального основания для исполнения решений иностранных арбитражей, что требует внесения соответствующих изменений в российское процессуальное законодательство. Более того, на основе Конституции РФ необходимо придерживаться общепризнанного принципа международного права – международной вежливости, являющейся основой для взаимности, во всех случаях, когда нет противоречия публичному порядку РФ или иных оснований, прямо указанных в законе. Для формирования положительного международного имиджа РФ предлагается изучать и использовать опыт США и стран Европы в части применения принципа взаимности при отсутствии международных договоров.

Ключевые слова: принцип взаимности, признание и исполнение судебных решений, иностранные арбитражи, экзекватура

В связи с развитием международного экономического и правового сотрудничества, в том числе и за счет вступления в ВТО, в российской доктрине и судебной практике активно обсуждается вопрос о целесообразности расширения круга признаваемых и исполняемых решений иностранных судов при отсутствии международного договора за счет применения принципа взаимности. Практика разрешения коммерческих споров показывает, что стороны все чаще предпочитают обращаться за судебным разбирательством к помощи международного коммерческого арбитража, передавая споры авторитетным международным институциональным учреждениям в Стокгольме, Париже, Лондоне или Нью-Йорке. Комплексным проблемам признания и приведения в исполнение иностранных решений в России посвящены работы многих исследователей. Однако у российских судов не сложилось единой практики толкования и разрешения подобных спорных ситуаций. В Информационном письме Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» наличие взаимности связано лишь с указанием на это в Соглашении стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». Официальных и четких разъяснений по поводу применения принципа взаимности в отсутствие международных договоров в данном документе не содержится.

Вопрос о признании иностранных судебных решений в отсутствие международного договора следует считать, по мнению Т. Б. Нешатаевой, не получившим окончательное решение, ибо отсутствует явно выраженный согласованный подход к решению этой проблемы у Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов РФ [5]. Это не способствует стабилизации экономики, поскольку лицо, получившее решение суда, вынуждено будет вести второй процесс в государстве исполнения решения.

Российское законодательство содержит указание о том, что признание и исполнение решений иностранных арбитражей может осуществляться на основании международных договоров либо федеральных законов (ст. 409 ГПК РФ, ст. 241 АПК РФ). Процесс признания за иностранным арбитражным решением юридической силы осуществляется в РФ посредством выдачи экзекватуры. На основании решения иностранного суда и вступившего в силу определения суда выдается исполнительный лист, который направляется в соответствующее подразделение службы судебных приставов для исполнения. Так, арбитражные суды выдают экзекватуру на решения любых иностранных судов, вынесенных в сфере предпринимательства в случаях, установленных в п. 1 ст. 241 АПК РФ: «Решения судов иностранных государств, принятые ими по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные суды), решения третейских

© Полищук-Молодоженя Т. Р., 2013

судов и международных коммерческих арбитражей, принятые ими на территориях иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные арбитражные решения), признаются и приводятся в исполнение в РФ арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором РФ и федеральным законом».

К международным договорам в сфере признания и исполнения иностранных решений в первую очередь относятся международные договоры о правовой помощи универсального и регионального характера. На сегодняшний день в российской правовой системе для исполнения решений иностранных третейских судов ведущую роль играет Нью-Йоркская конвенция 1958 года «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений». Среди региональных соглашений РФ в рамках СНГ действуют указанное выше Киевское соглашение 1992 года «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» и Минская конвенция 1993 года «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам». Универсальные и региональные конвенции, как правило, дополняются двусторонними межгосударственными соглашениями в этой сфере. Во многих международных договорах с участием РФ о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам имеются разделы о порядке признания и взаимного исполнения судебных арбитражных решений (Соглашение о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов и хозяйственных судов между РФ и Республикой Беларусь 2002 года, а также ряд двусторонних договоров с Алжиром, Ираком, Йеменом и другими странами).

Другим основанием служит прямое указание российского закона на взаимное признание и исполнение решений иностранных судов. Таких оснований два: первое положение закреплено в ст. 1 ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для проведения трансграничных банкротств, а второе отражено в заявлении СССР при ратификации Конвенции 1958 года («СССР будет применять положения настоящей Конвенции в отношении арбитражных решений, вынесенных на территории государств, не являющихся участниками Конвенции, лишь на условиях взаимности»).

Российская доктрина сформировала несколько подходов к условиям допустимости признания и исполнения иностранных судебных решений. Ряд авторов допускают идею применения общепризнанных принципов международного права, включая взаимность, другие полагают необоснованным признавать взаимность в качестве принципа международного публичного права и тем самым оправдывать исполнение иностранных судебных решений [1; 133].

Согласно материальной норме, закрепленной в п. 2 ст. 1189 ГК РФ, взаимность теоретически предполагается существующей, если не доказано иное. Однако, как мы видим, ГПК РФ и АПК РФ связывают взаимность лишь с писаной нормой международного права – международным договором, то есть взаимность фактически не предполагается, а допускается нормой и подлежит доказыванию. А. И. Муранов, в частности, ставит под вопрос правильность формулировки вышеуказанного п. 1 ст. 241 АПК РФ с использованием соединительного союза «и», а не разделительного «или» между словосочетаниями «международным договором РФ» и «федеральным законом» [3; 31]. Двойное указание законодателем на возможность приведения в исполнение иностранных судебных решений действительно представляется излишним. В п. 1 ст. 409 ГПК РФ вообще видим только международный договор как основание для данной процедуры. Тем не менее, как правило, в судебной практике основанием для признания и приведения в исполнение решения иностранного суда арбитражным судом РФ является или международный договор, или прямое указание российского законодательства. Если нет оснований к отказу, компетентный суд выносит определение об удовлетворении ходатайства и выдает разрешение на принудительное исполнение иностранного судебного решения. Так, широко обсуждались Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 07.06.2002 и Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 02.12.2002, где речь шла о разрешении исполнения в России решения Верховного Суда Юстиции Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 16.10.2000, вынесенного по иску Московского народного банка Лимитед (Лондон), дочерней структуры Центрального банка РФ, к российскому государственному учреждению «Межотраслевой научно-технический комплекс “Микрохирургия глаза” им. академика С. Н. Федорова» о взыскании денежных сумм. В этих актах указывалось на возможность удовлетворения ходатайства об исполнении решения и при отсутствии с Великобританией соответствующего международного договора, если на основе взаимности судами иностранного государства признаются и исполняются решения российских судов [7; 48].

Было бы целесообразно включить принцип взаимности в российское процессуальное законодательство вслед за материальным правом (ГК РФ) как основание для приведения в исполнение иностранных судебных решений, несмотря на то, что ссылка на этот принцип уместна уже потому, что он считается одним из осново-

полагающих принципов международного права. Согласно Конституции РФ, общепризнанные принципы международного права (в том числе взаимность как проявление принципа международной вежливости – comity, comitas gentium) являются составной частью российской правовой системы (хотя некоторые авторы считают, что международная вежливость и взаимность являются общепризнанными принципами только межгосударственных отношений, а не международного права, то есть не имеют обязательной юридической силы [2]).

Также существует проблема определения пределов вежливости, которую каждое государство решает по-своему. В современной России, по всей видимости, применительно к международному гражданскому процессу она понимается как «мы вежливые, если иностранное государство с нами вежливое», что фактически означает применение принципа взаимности. В международной практике взаимное признание иностранных решений принято уже с 1895 года [8]. Например, США не являются стороной ни одной конвенции, регламентирующей признание и исполнение судебных решений. В США также нет федерального правового акта, регулирующего исполнение иностранных судебных решений. Но в 50 штатах существуют собственные (унифицированные) акты «Об иностранных судебных решениях и о взыскании по ним денежных средств». На основе этих актов, состоящих из тех же правил, что основные конвенции о правовой помощи, и в целях реализации международно-правовых принципов взаимности и вежливости американские суды исполняют решения советских, а затем российских судов начиная с 1935 года [4; 537]. Американские суды определяют пределы вежливости широко – «можно и не быть с нами вежливыми, только не противоречьте нашему публичному порядку» [6]. Кроме того, вопрос о взаимности обсуждался Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), который неоднократно констатировал, что непризнание взаимности лишает человека права на судебную защиту в смысле ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, поскольку лицо вынуждено заново проходить судебную процедуру из-за неисполнения суда по формальному признаку.

В практике неизменно возникает вопрос о том, как определить взаимность, если, например, в иностранном государстве отказано в признании и исполнении иностранного судебного решения из России на основании публичного порядка, в то время как иностранная сторона испрашивает исполнение в России. Очевидно, следует различать в зависимости от оснований процессуальные и материально-правовые предпосылки взаимности. Поэтому при оценке норм о взаимности в сфере признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражей российские суды, по-видимому, не должны основываться на отдельных, эпизодических решениях судов других государств об отказе в экзекватуре в отношении решений российских судов, а оценивать в целом сложившуюся практику. П. 2 ст. 1189 ГК РФ в этом смысле содержит вполне приемлемое правило о том, что в случае, когда применение иностранного права зависит от взаимности, предполагается, что она существует, если не доказано иное. Тогда в арбитражном процессе взаимность можно рассматривать как процессуальную презумпцию, бремя опровержения которой возлагается на должника.

На основании сложившейся в России судебной практики следует доказывать взаимность, ссылаясь на конкретные судебные дела, хотя не исключено предъявление соответствующей справки из МИДа. Если же в данном государстве таких дел не было, можно запросить заключение эксперта о том, будет ли отказано в признании российского решения исключительно на основании отсутствия международного договора. В ряде дел текущая позиция российского суда состоит в возможности исполнения судебного решения на основе принципа взаимности, но взаимность подлежит доказыванию (см., например, Постановление ФАС Московской области № КГ-А40/10556–04 от 17.11.2004; Постановление ФАС Мурманской области № А42–406/06 от 27.04.2006 и № А42–2751/06 от 12.07.2006).

Отказ в разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда допускается в строго определенных законом случаях (ст. 244, 246 АПК РФ). Причем международными договорами РФ могут быть установлены и иные основания. Таким образом, формальный отказ от исполнения решения иностранного суда по мотиву непредставления доказательств взаимности при исполнении решения иностранного суда следует считать нарушением основополагающего принципа международного права и проявлением невежливости, что отрицательно сказывается на имидже России на международном уровне.

Положительные примеры решения вопросов о признании и исполнении решений иностранных судов можно найти на основе Регламента ЕС от 22.12.2000 № 44/2001 «О юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам» (принят на базе Брюссельской конвенции от 27.09.1968 по тем же вопросам и аналогичной Луганской конвенции от 16.09.1988), иностранным решениям на практике действительно редко отказывают в признании. Кроме того, данные процедуры урегулированы Регламентом Европейского парламента и Совета № 805/2004 от 21.04.2004 о введении Европейского исполнительного листа по неоспариваемым долговым требованиям (OJ 2004 L 143/15), которым учрежден единообразный по ЕС исполнительный документ по тем претензи-

ям кредитора (как правило, денежным), против которых должник не возражает, и рассматриваемым без участия ответчика. Среди оснований для отказа в исполнении решений иностранных судов в ЕС наиболее важными являются его несовместимость с публичным порядком, понимаемым как «международный публичный порядок» (international public order), а также факт неучастия ответчика в процессе ввиду отсутствия надлежащего уведомления.

В современной практике в условиях отсутствия международных соглашений как оснований для признания судебных актов иностранных государств российским судам невозможно обойтись без принятия решений о признании решений судов иностранных государств на основе общих принципов международного права. Положительный опыт ЕС и США следовало бы изучать более активно и внедрять в российскую судебную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуреев В. А. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений: российское законодательство и европейский опыт // Современное право. 2010. № 4. С. 132–140.
2. Давыденко Д. Л., Муранов А. И. Вопросы признания и (или) приведения в исполнение решений иностранных судов в России // Корпоративный юрист. 2007. № 2. С. 42–46.
3. Муранов А. И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. М.: Статут, 2003. 192 с.
4. Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебный курс в трех частях. М.: ОАО «Издательский дом “Городец”», 2004. 624 с.
5. Нешатаева Т. Н. О признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений // Арбитражная практика. 2004. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arbitr-praktika.ru/Arch/ap200411vn.htm
6. Плешанова О. СМИ о суде. Интервью Т. Н. Нешатаевой // Коммерсант. 2004. 23 ноября.
7. Полеводов С. Н. Некоторые вопросы рассмотрения судами России дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 1. С. 47–52.
8. U. S. Supreme Court, Hilton v. Guyot, 159 U. S. 113 (1895) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://laws.findlaw.com/us/159/113.html

---

Polishchuk-Molodozhenya T. R., Kola branch of Petrozavodsk State University (Apatity, Russian Federation)

RECIPROCITY IN RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRATION DECISIONS IN RUSSIA

The analysis of this problem is caused by the absence of existing practice in the courts of Russia, as well as by the interpretation of the problem in the highest courts. This incongruity leads to the unwillingness of the parties to submit trials with foreign elements to Russian courts. The study analyzes formal foundations for execution of foreign arbitration decisions and court practices. It was considered necessary to apply reciprocity as a substantive and procedural basis for enforcement of decisions of foreign arbitration courts, which in turn requires introduction of corresponding changes in Russian procedural legislation. Moreover, according to the Constitution of the Russian Federation, it is necessary to follow basic principles of international law – judicial comity, which is the basis for reciprocity in all cases when there are no contradictions to public order in the Russian Federation or other grounds directly specified in the law. As a result, to shape a positive international image of Russia it is proposed to study and use the USA and European countries’ experience concerning the application of the principle of reciprocity in the absence of international agreements.

Key words: reciprocity principle, recognition and enforcement arbitration decisions, foreign arbitration, exequatur

REFERENCES

1. Gureev V. A. Recognition and enforcement of foreign judgements: the Russian legislation and the European experience [Priznanie i prinuditel’noe ispolnenie inostrannykh sudebnykh resheniy: rossiyskoe zakonodatel’stvo i evropeyskiy opyt]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2010. № 4. P. 132–140.
2. Davydenko D. L., Muranov A. I. The issues of recognition and / or enforcement of decisions of foreign courts in Russia [Voprosy priznaniya i (ili) privedeniya v ispolnenie resheniy inostrannykh sudov v Rossii]. *Korporativnyy yurist* [Corporate lawyer]. 2007. № 2. P. 42–46.
3. Muranov A. I. *Mezhdunarodnyy dogovor i vzaimnost’ kak osnovaniya privedeniya v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh resheniy* [The international Treaty and reciprocity as the basis of the execution of foreign court decisions in Russia]. Moscow, Statut Publ., 2003. 192 p.
4. Neshataeva T. N. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodnyy grazhdanskiy protsess* [Private international law and international civil procedure]. Moscow, Izdatel’skiy dom “Gorodets”, 2004. 624 p.
5. Neshataeva T. N. About the recognition and enforcement of foreign court decisions and arbitral decisions [O priznanii i privedenii v ispolnenie inostrannykh sudebnykh i arbitrazhnykh resheniy]. *Arbitrazhnaya praktika* [The arbitration court practice]. 2004. № 11. Available at: http://www.arbitr-praktika.ru/Arch/ap200411vn.htm
6. Pleshanova O. Mass media about the court. Interview with T. N. Neshataeva [SMI o sude. Interv’yu T. N. Neshchataevoy]. *Kommersant* [“Kommersant”]. 2004. November, 23.
7. Polevodov S. N. Some questions of consideration by the court of Russia cases about recognition and enforcement of foreign courts decisions [Nekotorye voprosy rassmotreniya sudami Rossii del o priznanii i privedenii v ispolnenie resheniy inostrannykh sudov]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, and practice]. 2011. № 1. P. 47–52.
8. U. S. Supreme Court, Hilton v. Guyot, 159 U. S. 113 (1895). Available at: http://laws.findlaw.com/us/159/113.html

Поступила в редакцию 25.09.2012

Август, № 5 **Юридические науки** **2013**

УДК 341.987.5

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ВОЕНУШКИНА
соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
foxytail75@gmail.com

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ СНГ ПО ОКАЗАНИЮ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В СФЕРЕ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Наличие тесных связей государств, обусловленных процессом общего исторического развития, предопределяет необходимость активного сотрудничества в области оказания международной правовой помощи. Анализируется действующее международное, а также внутреннее законодательство в области оказания правовой помощи. Раскрывается принцип сотрудничества государств. Рассматриваются некоторые проблемы, с которыми сталкиваются на практике в процессе оказания международной правовой помощи в сфере актов гражданского состояния, предлагаются пути решения указанных проблем.

Ключевые слова: регистрация актов гражданского состояния, Устав Организации Объединенных Наций, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, двусторонние договоры

Принцип сотрудничества зафиксирован в уставах различных международных организаций, декларациях и резолюциях. Принцип сотрудничества государств друг с другом был впервые закреплен в Уставе ООН. Данный принцип развит также в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 года. В Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 01.08.1975 было конкретизировано содержание принципа сотрудничества. В ст. 4 Соглашения о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года государства-участники обязались развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в различных областях.

Несмотря на широкое применение в отечественной литературе, термин «сотрудничество» не имеет точных определений. Этимологически он означает «работать, действовать вместе, принимать участие в общем деле» [7; 361].

Международное сотрудничество, по мнению В. С. Иваненко, это совместные действия субъектов в какой-либо сфере их взаимных интересов, их взаимосвязанная деятельность по согласованию своих позиций, координации действий по разрешению общезначимых проблем и принятию взаимоприемлемых решений [4; 208].

А. А. Пышьев предлагает следующее определение термина «сотрудничество»: «…международное сотрудничество в самом общем виде можно определить как совместную деятельность государств, а также иных субъектов международного права в экономической, социальной, культурной, гуманитарной и иных сферах, направленную на достижение общей цели [6]. По мнению И. И. Лукашука, принцип сотрудничества в значительной мере носит характер идеи, которая пронизывает остальные принципы. Принцип обязывает государства сотрудничать друг с другом в вопросах поддержания мира и безопасности, всеобщего уважения прав человека в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства. Все принципы и нормы должны применяться в соответствии с принципом сотрудничества [5]. Н. А. Ушаков считает, что принцип сотрудничества государств является общеобязательным и общепризнанным принципом международного права с момента принятия Устава ООН. Сотрудничество между государствами составляет их международно-правовую обязанность не само по себе, оно должно быть подчинено достижению целей поддержания международного мира и безопасности, содействия обеспечению международной экономической стабильности и прогрессу, повышению общего благосостояния народов [2; 193–208].

И. В. Гетьман-Павлова отмечает, что принцип сотрудничества имеет относительно когентный характер: нельзя заставить государство поддерживать отношения сотрудничества абсолютно со всеми государствами мира. Каждое государство свободно в выборе партнеров, с которыми желает устанавливать политические, экономические и иные отношения. При этом государства безусловно обязаны сотрудничать в сфере соблюдения когентных норм международного права [1; 21].

Несмотря на различия во мнениях относительно юридической природы принципа сотрудничества, он является одним из главных принципов международного права. Можно согласиться с тем, что устанавливается юридиче-

© Военушкина Е. А., 2013

ская, международно-правовая обязанность всех государств сотрудничать друг с другом во всех областях международных отношений.

Все вышесказанное в полной мере относится к сотрудничеству государств в правовой сфере. Международное правовое сотрудничество осуществляется на основе специальных многосторонних и двусторонних договоров, заключаемых государствами как субъектами международного права. Одной из основных форм правового сотрудничества является оказание международной правовой помощи. Государства оказывают друг другу правовую помощь по уголовным, гражданским, торговым, семейным делам, в том числе в области актов гражданского состояния.

Международное правовое сотрудничество РФ с государствами – членами СНГ в сфере актов гражданского состояния осуществляется на основе норм международного права, а также норм внутреннего законодательства.

Международными правовыми актами, регламентирующими вопросы оказания правовой помощи в рассматриваемой сфере, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным делам, принятая 22 января 1993 года государствами – участниками СНГ: Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Республикой Узбекистан, Таджикистаном, Арменией, Украиной, Кыргызской Республикой, Республикой Молдова, Туркменистаном (далее – Минская конвенция), а также Протокол от 28.03.1997 к данной Конвенции.

Россией также заключены двусторонние договоры о правовой помощи с отдельными государствами – участниками СНГ: с Азербайджанской Республикой[1], Республикой Кыргызстан[2], Республикой Молдова[3]. Сохранение действия этих договоров вытекает из ст. 82 Минской конвенции и соответствует общепризнанному принципу, согласно которому двусторонние договоры стран – участниц многосторонней конвенции действуют наряду с Минской конвенцией, они рассматриваются как lex spesialis [3; 25].

Органы юстиции, а также органы ЗАГС РФ оказывают международную правовую помощь в рассматриваемой сфере по различным направлениям: высылают повторные свидетельства, справки, копии актов гражданского состояния; направляют поручения об оказании правовой помощи, касающиеся внесения исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния; предоставляют сведения о действующем или действовавшем внутреннем законодательстве и о практике его применения.

В соответствии со ст. 5 Минской конвенции (в редакции Протокола от 28.03.1997) Стороны сносятся друг с другом через свои центральные, территориальные и другие органы, если только Конвенцией не установлен иной порядок сношений. В связи с этим территориальные органы Минюста России взаимодействуют непосредственно с соответствующими территориальными органами учреждений юстиции иностранных государств. Минской конвенцией предусмотрена также возможность сношения органов ЗАГС России с соответствующими органами регистрации актов гражданского состояния иностранных государств. Так, в соответствии с п. 1 ст. 14 Минской конвенции Стороны обязуются пересылать друг другу по просьбе без перевода и бесплатно свидетельства о регистрации актов гражданского состояния непосредственно через органы регистрации актов гражданского состояния.

Правом на обращение об истребовании документов (свидетельств, справок) с территории иностранных государств о регистрации актов гражданского состояния обладают лица, указанные в п. 2 и 3 ст. 9 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Копии записей актов гражданского состояния выдаются на запросы органов, осуществляющих регистрацию актов гражданского состояния, суда (судьи), органов прокуратуры, дознания или следствия и других органов, имеющих право на их получение согласно федеральному законодательству.

На территорию иностранных государств для исполнения пересылаются дела о внесении исправлений или изменений в актовые записи, решения органов опеки и попечительства об изменении фамилии и (или) собственно имени, заявления матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, о внесении в запись акта о рождении сведений об отце ребенка либо об их изменении или исключении, а также извещения и копии актовых записей к ним об установлении отцовства и об усыновлении, извещения о расторжении брака, оформленные после регистрации расторжения брака.

Одной из проблем регистрации актов гражданского состояния является длительное исполнение иностранными органами поручений российских органов. Как показывают результаты обобщения практики территориальных органов Минюста России по федеральным округам и органов ЗАГС, такие государства, как Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизия, Таджикистан, исполняют отправленные в их адрес запросы от 6 месяцев до 2 лет. Иногда запросы остаются без ответа. Предлагается в ст. 14 Минской конвенции определить сроки исполнения запросов о правовой помощи при пересылке документов о регистрации актов гражданского состояния в целях улучшения работы органов ЗАГС.

Документы пересылаются без перевода. Ст. 17 Минской конвенции предусмотрено, что при исполнении документов только органам юстиции пересылаются заверенные переводы документов

на русский язык. Предлагаем дополнить указанную статью пунктом, что органам ЗАГС пересылаются также заверенные переводы документов на русский язык (необходимо внести изменения и в ст. 14 Минской конвенции по данному вопросу). Аналогичные меры могли бы быть осуществлены при доработке двусторонних договоров о правовой помощи, заключенных РФ.

Насущной проблемой при оказании правовой помощи в рассматриваемой сфере является также ненадлежащее правовое регулирование данного вопроса в законодательстве России. Российское законодательство, регулирующее вопросы исполнения поручений в сфере актов гражданского состояния, соответствует положениям Минской конвенции 1993 года, положениям двусторонних договоров об оказании правовой помощи. Однако внутренняя российская процедура исполнения международных поручений нуждается в дополнительном нормативном обеспечении. До сих пор отсутствует законодательное регулирование в сфере правовой помощи, нет общефедерального закона о правовой помощи. Недостаточная разработанность законодательства о правовой помощи по гражданским и семейным делам является препятствием для развития международного сотрудничества в указанной сфере. Предлагаем разработать нормативный правовой акт, регулирующий порядок оказания уполномоченными органами РФ правовой помощи по гражданским, семейным делам учреждениям иностранных государств и порядок обращения за правовой помощью к этим учреждениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22.12.1992) // Собрание законодательства РФ. 01.05.1995. № 18, ст. 1598.

[2] Договор между РФ и Республикой Кыргызстан от 14.09.1992 «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3.

[3] Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 25.02.1993) // Собрание законодательства РФ. 15.05.1995. № 20, ст. 1766.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетьман-Павлова И. В. Международное право: Краткий курс лекций. М., 2009. 172 с.
2. Курс международного права: В 7 т. М.: Наука, 1989. Т. 2. 240 с.
3. Марышева Н. И. Правовая помощь по международным договорам России со странами СНГ и Балтии. М., 1994. 208 с.
4. Международное право: Учебник. М.: Норма, 2007. 944 с.
5. Международное право. Общая часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов. М., 2007. 432 с.
6. Пышьев А. А. Основные направления международного сотрудничества // Закон и право. 2007. № 7. С. 95–96.
7. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А. К. Шапошников. Т. 2. М.: Наука, 2010. 576 с.

Voenushkina E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

COOPERATION OF CIS MEMBER STATES FOR PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE IN CIVIL STATUS CASES

Close ties of CIS countries determined by the general process of historical development point out to the need for active legal cooperation in the field of international legal assistance. The article deals with the current international and domestic legislation in the field of legal assistance. The study deals with the principle of cooperation applied by different states and considers various positions of scientific researchers on the mentioned problem. In conclusion, the author analyzes problems characteristic of practical situations occurring in the process of providing international legal assistance in civil courts and suggests ways of their solution.

Key words: civil registration, The Charter of the United Nations, The Convention on legal assistance and legal civil relations, family and criminal cases, bilateral agreements

REFERENCES

1. Get'man-Pavlova I. V. *Mezhdunarodnoye pravo: Kratkiy kurs lektsiy* [International law: a short course of lectures]. Moscow, Vysshee obrazovanie: Yurayt-Izdat Publ., 2009. 172 p.
2. *Kurs mezhdunarodnogo prava: V 7 t.* [The course of international law: In 7 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Vol. 2. 240 p.
3. Marysheva N. I. *Pravovaya pomoshch po mezhdunarodnym dogovoram Rossii so stranami SNG i Baltii* [Legal assistance under international treaties of Russia, CIS countries and the Baltic States]. Moscow, DE-YURE Publ., 1994. 208 p.
4. International law [*Mezhdunarodnoye pravo*]. Moscow, Norma Publ., 2007. 944 p.
5. *Mezhdunarodnoye pravo.Obshchaya chast'* [International law. Common part]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 432 p.
6. Pysh'ev A. A. The main directions of international cooperation [Osnovnye napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva]. *Zakon i pravo* [Law and Order]. 2007. № 7. P. 95–96.
7. *Etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* / *Sost. A. K. Shaposhnikov* [Etymologikal dictionary of modern Russian: In 2 vol. / Comp. by A. K. Shaposhnikov]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 2010. 576 p.

Поступила в редакцию 30.10.2012

Август, № 5 **Юридические науки** **2013**

УДК 351.74

ЕФИМ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРОККИЕВ
соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
eprokkiev@mail.ru

РЕСПУБЛИКА ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА*

Рассматривается деятельность полиции Республики Финляндии по защите и ограничению прав человека и гражданина, принципы и основные положения, имеющие существенные отличия от полиции Российской Федерации. Прослеживаются пробелы действующего законодательства, влияющие на реформирование в целом органов внутренних дел. В качестве исследовательской задачи определена попытка оценить эффективность построения отношений между полицией и обществом в Финляндии, определить основной положительный опыт деятельности полиции. На основании выводов анализа предпринята попытка раскрыть основные причины проблемных сторон работы полиции России.

Ключевые слова: права и свободы граждан, ограничение прав и свобод, Конституция Финляндии, полиция Финляндии, полиция Российской Федерации, Акт о полиции, Закон «О полиции»

В настоящее время в России происходит становление нового правоохранительного института – полиции Российской Федерации, являющейся правопреемником реформированной системы милиции России [5]. Несмотря на ряд принятых законодателями мер по определению статуса сотрудника полиции, наделению эффективной правовой базой и выход на новый качественный уровень социального обеспечения сотрудников полиции, существуют проблемы в достижении цели по перестроению партнерских отношений между полицией и обществом, что в конечном счете должно дать результат в обеспечении правопорядка и спокойствия.

Анализ правоохранительных структур мирового сообщества, наделенных полицейскими функциями, показал, что деятельность полиции Финляндии одна из самых востребованных и пользующихся уважением со стороны граждан, что подкреплено общественным мнением и результатами исследования различных мировых организаций. Поэтому целью данной статьи является всестороннее изучение положительного опыта работы полиции Финляндии, определение факторов, влияющих на качество осуществления правоохранительной функции по обеспечению прав человека и гражданина, а также проработка проблемных вопросов отечественной правоохранительной системы.

По оценкам экспертов Всемирного экономического форума (World Economic Forum) за 2011–2012 годы, полиция Финляндии занимает 1-е место среди 142 стран в рейтинге надежности, тогда как полиция России – 132-е место[1]. Работа полиции Республики Финляндии имеет хорошую полицейскую практику, что прежде всего отражается на взаимоотношении с населением Финляндии. Необходимо отметить, что полиция Финляндии изначально не рассматривается как карательный аппарат, несущий репрессивные меры воздействия [2]. Успех финской полиции заключается в решении ею гуманитарной задачи по обеспечению прав и свобод человека и гражданина только способами и средствами, которые оправданы в каждой конкретной ситуации путем наименьшего вторжения в повседневную жизнь человека[2].

В первую очередь необходимо проанализировать нормативную базу рассматриваемых органов. Деятельность полиции Финляндии регламентирована «Актом о полиции» (Poliisilaki) от 7 марта 1995 года[3], который определяет правоохранительную политику государства в сфере внутренних дел. Данный законодательный документ имеет исчерпывающие нормы, позволяющие в необходимых конституционно-правовых границах профессионально осуществлять функции по обеспечению безопасности граждан на всей территории страны, ограничению прав и свобод и, самое главное, – предотвращению преступных замыслов и преступлений. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 года[4] определил предназначение полиции Российской Федерации, которое схоже с полицией Финляндии. Основными направлениями правоохраны являются: защита жизни, здоровья, прав и свобод всех субъектов права, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и др. [1]. Однако существует отличительная особенность дальнейшего правоохранительного правотворчества на основе вышеперечисленных законов, а именно введение ведомственных нормативно-правовых актов. Несмотря на принятие в Российской Федерации в 2011 году ФЗ «О полиции», ко-

© Проккиев Е. В., 2013

личество ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность полиции, не уменьшилось и в различных формах (в виде приказов, инструкций, наставлений и распоряжений) насчитывает более 1000 документов. Причем большинство данных документов направлены на организацию деятельности полиции в работе с гражданами, ограничение прав человека и гражданина, обеспечение своевременного реагирования на факты нарушения конституционных прав. В Финляндии нормативно-правовые документы Департамента полиции и Министерства внутренних дел, затрагивающие права человека, строго регламентированы; существует около 100 нормативно-правовых актов, не «размывающих» нормы и наделяющих данные документы общеобязательными принципами, не противоречащими друг другу. Мы придерживаемся мнения о необходимости упорядочения нормативно-правовых актов полиции России, их систематизации, в том числе с использованием правовых систем.

Одним из важнейших аспектов работы полиции Финляндии является информированность обо всех событиях негативного характера. И здесь важную роль имеет взаимодействие полиции Финляндии со всеми официальными службами и органами. К таким органам относятся: социальные службы, органы здравоохранения, образования, органы пограничной службы и др. [4]. В Финляндии полиция не обладает фактическим контролем действий за всеми социальными явлениями, поэтому существует понимание поддержки и совместного желания оказания помощи полиции[5]. Из § 1 Акта о полиции Республики Финляндия следует, что полиция обеспечивает безопасность в сотрудничестве с органами власти, местными общинами, местными жителями[6]. Отличие от России в том, что полиция Финляндии компенсирует свое излишнее присутствие в сферах общества и небольшую штатную численность информационными ресурсами. Акцент сделан на организационно-штатном построении полиции, где основным принципом является рациональное деление полиции и распределение функций. Стоит отметить, что полиция безопасности Финляндии (SUPO)[7] как аналог Федеральной службы безопасности России также входит в состав полиции Республики Финляндия и отвечает за борьбу с терроризмом, проведение разведывательных и охранных мероприятий. Данный факт улучшает взаимодействие между службами полиции, которых по видовому разделению значительно меньше, чем в Российской Федерации, и позволяет не прибегать к бюрократическим действиям для санкционирования своих мероприятий. В данном контексте необходимо пересмотреть организационно-штатное построение подразделений полиции России на основе принципа объединения подразделений с учетом перераспределения функций на всех сотрудников и принципа шаговой доступности, минимизируя численность аппарата управления. Существует необходимость более детального изучения возможности разделение полиции на местную и федеральную.

В своей же непосредственной ежедневной деятельности полиции России стоит обратить внимание на организацию партнерского взаимоотношения с населением [3]. То, как вовлечено население Финляндии во взаимоотношения с полицией, говорит о действенности оперативного реагирования как средстве решения проблем преступности. В этом и видится взаимное уважение полиции и населения, которые изначально состоят в равноправных условиях, и таким образом полиция интегрируется в общество и устанавливает свою легитимную власть и авторитет. Глава 2 ФЗ «О полиции» Российской Федерации определяет новую партнерскую модель во взаимоотношениях с населением. Но стоит отметить, что данные нормы не выражены в какой-нибудь форме социального партнерства. В рамках реформирования органов внутренних дел должно быть закреплено законодательно и обеспечено на практике участие граждан в решении задач, формировании приоритетов деятельности полиции и дальнейшей оценке результатов [6].

Исследуя зарубежный опыт, можно прийти к выводу, что существуют различные модели организации полицейской деятельности. В одних странах она в силу исторических и политических причин не находит должной поддержки и понимания, в других существует авторитетное представление о том, какой должна быть основная обязанность полицейского. Но ни у кого нет сомнений, что деятельность любого государственного института должна быть направлена на защиту конституционных прав человека и гражданина своей страны, а сотрудник полиции должен являться эталоном человеческой нравственности и ответственности в понимании людей [8]. Анализ деятельности финской полиции позволяет выделить те вектора, на которые необходимо обратить особое внимание, и продолжить реформирование органов внутренних дел Российской Федерации в направлениях, где у финской полиции есть хорошие наработки и позитивные результаты.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Klaus Schwab The Global Competitiveness Report 2011–2012, World Economic Forum. Geneva, Switzerland, 2011. P. 192, 322.

[2] Система комплектования и обучения сотрудников полиции в США, Франции, Финляндии, ФРГ и Дании // Информационный бюллетень. М.: Изд-во Нац. центр. бюро Интерпола в России. 1994. № 10. 35 с.
[3] Poliisilaki. 1995. 2 P. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1995/19950493
[4] Федеральный закон «О полиции». М.: Проспект, 2011. 3 с.
[5] Рекомендация «Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом». ОБСЕ. Вена, 2008. 28 с.
[6] Poliisilaki. 1995. 2 P. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1995/19950493
[7] Полиция Финляндии: организационно-правовые основы деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 74 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврутин Ю. Е., Булавин С. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Федеральному закону «О полиции». М.: Проспект, 2011. С. 36–49.
2. Аминов И. И. Опыт организации и деятельности полиций зарубежных стран как источник административной реформы МВД России // Закон и право. 2008. № 2. С. 116–117.
3. Булавин С. П., Черников В. В. Федеральный закон «О полиции»: предпосылки и концептуальные идеи // Административное право и процесс. 2011. № 4. С. 3–9.
4. Васьков М. Ю., Князев В. В., Сазонова Н. И., Свешникова И. Ю. Участие полиции зарубежных стран в профилактике преступности. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 82–110.
5. Дерендяева Т. М., Мухина Г. А. Федеральный закон «О полиции» как один из гарантов защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2011. № 3 (25). С. 11–14.
6. Кононов А. М. Полиция России как институт публичной власти: проблемы формирования и правового обеспечения деятельности // Актуальные проблемы публичного права в России и за рубежом: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию д-ра юрид. наук, проф. А. Б. Зеленцова. М.: РУДН, 2011. С. 181–188.
7. Черников В. В. Закон о полиции: новеллы и преемственность // Юридическая техника. Ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. Н. Новгород, 2011. С. 26–34.
8. Шапиро Е. А. Нормативно-правовое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников полиции // Полиция России: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конф. 28–29 июня 2012 г. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного юрид. ин-та МВД РФ, 2012. С. 71–74.

Prokkiev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

REPUBLIC OF FINLAND AND RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF POLICE CONSTITUTIONAL AND LEGAL WORK ENSURING HUMAN AND CIVIL RIGHTS

The article considers policing and law enforcement actions of the Finish and Russian law enforcement bodies ensuring human and civil rights. To reveal characteristic features of the two systems the main principles distinguishing one system from the other are studied. In-depth research of the positive experience of the systems helped to reveal legislative gaps in the current legislation of the Russian Federation. This deficiency in the law has negative influence on the reformation process of the Russian law enforcement system as a whole. The effectiveness of cooperation between Finish law enforcement agency and citizens of Finland was a research objective of the study. Based on the obtained results an attempt was made to reveal the major sore points of organization and actions of the Russian law enforcement body.

Key words: rights and freedoms of men and citizens, Constitution of Finland, Finnish police, Police of the Russian Federation, the Police Act, the law “On Police”

REFERENCES

1. Avrutin Yu. E., Bulavin S. P., Solovey Yu. P., Chernikov V. V. *Kommentariy k Federal’nomu zakonu “O politsii”* [Commentary to the Federal Law “On Police”]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. P. 36–49.
2. Aminov I. I. The experience of organization and activities of foreign police as a source of administrative reform, Ministry of Internal Affairs of Russia [Opyt organizatsii i deyatel’nosti politsiy zarubezhnykh stran kak istochnik administrativnoy reformy MVD Rossii]. *Zakon i pravo.* 2008. № 2. P. 116–117.
3. Bulavin S. P., Chernikov V. V. The Federal Law “On Police”: the background and conceptual ideas [Federal’nyy zakon “O politsii”: predposylki i kontseptual’nye idei]. *Administrativnoe pravo i protsess.* 2011. № 4. P. 3–9.
4. Vas’kov M. Yu., Knyazev V. V., Sazonova N. I., Sveshnikova I. Yu. *Uchastie politsii zarubezhnykh stran v profilaktike prestupnosti* [Participation of foreign police in crime prevention]. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2007. P. 82–110.
5. Derendyaeva T. M., Mukhina G. A. Federal Law “On Police” as one of the guarantors of the rights and freedoms of man and citizen of the Russian Federation [Federal’nyy zakon “O politsii” kak odin iz garantov zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii]. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2011. № 3 (25). P. 11–14.
6. Kononov A. M. Russian police as an institution of public power: problems of formation and legal support [Politsiya Rossii kak institut publichnoy vlasti: problemy formirovaniya i pravovogo obespecheniya deyatel’nosti]. *Aktual’nye problemy publichnogo prava v Rossii i za rubezhom.* Moscow, RUDN Publ., 2011. P. 181–188.
7. Chernikov V. V. Law “On Police”: innovations and succession [Zakon o politsii: novelly i preemstvennost’]. *Yuridicheskaya tekhnika. Ezhegodnik. Vtorye Babaevskie chteniya: Preemstvennost’ v prave: doktrina, rossiyskaya i zarubezhnaya praktika, tekhnika. Nizhniy Novgorod, 2010* [The Police Act: short stories and continuity]. Nizhniy Novgorod, 2011. P. 26–34.
8. Shapiro E. A. Statutory and regulatory securing of police professional activity [Normativno-pravovoe obespechenie professional’noy deyatel’nosti sotrudnikov politsii] *Politsiya Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 28–29 iyunya 2012 g.* [Russian police: Past, Present, Future: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference on 28–29 June 2012]. Khabarovsk, 2012. P. 71–74.

Поступила в редакцию 10.06.2013

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
efimova1870@rambler.ru

Рец. на кн.: **Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – М.: Новый хронограф, 2012. – 496 с.***

Появление монографии доктора исторических наук, профессора Высшей школы экономики А. Н. Бикташевой – убедительное свидетельство тому, что изучение данной темы наконец-то вышло из «младенческих пеленок» изысканий о губернаторах справочно-краеведческого уровня конца XX – начала XXI века. Методологический подход, примененный автором при изучении института губернаторов, заявлен в самом названии книги и может только приветствоваться. Безраздельно господствовавший до революции формально-юридический подход, закрепленный в советский период в неоднократно издаваемом учебнике Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России», исповедуемый и сегодня многими исследователями, неизбежно сужает потенциальные возможности этой темы, не позволяя, как справедливо пишет автор, «исследовать реалии регионального управления» (с. 45). Другим безусловным достоинством работы является то, что А. Н. Бикташева подробнейшим образом раскрыла, какие потенциальные возможности, по ее мнению, содержит для раскрытия темы та или иная их группа (с. 9–41).

Весьма любопытна структура 1-й главы. Исходя из выбранной методологии исследования, автор полагает, что статус губернатора не сводился лишь к перечислению собственно его прав и обязанностей, закрепленных в законодательных актах, а складывался «из связей с официальным Петербургом, символики губернаторского дома в городском пространстве, а также выделенного материального обеспечения» (с. 66). Так, раскрывая вопрос о критериях назначения на должность очередного казанского губернатора, отмечается, что в каждом конкретном случае царь и правительство проявляли индивидуальный подход: учитывалась не только протекция, но и личные качества, опыт работы, образование претендента (с. 85–105, 144). Устанавливается и специфическая закономерность, свойственная для Казанской губернии (возможно, и для всех «дворянских» губерний): необходимость значительного личного состояния претендента, выражавшегося в 1-й половине XIX века прежде всего в количестве крепостных душ, что усиливало его авторитет в среде богатого поместного дворянства и оказывало влияние на продолжительность службы (с. 104–106). А. Н. Бикташева не ограничивается анализом официальных и неофициальных доходов казанских губернаторов, как это обычно делалось раньше, а показывает, на что они тратились. Исследовательница делает вывод, что жалованье губернатора покрывало в основном «физические» потребности правителя губернии, а вот его «статусные» и культурные потребности восполнялись либо за счет его личного состояния, либо (что чаще) за счет неофициальных доходов. Не этим ли объяснялось, заключает автор, терпимое отношение правительства к некоторым незаконным источникам обогащения? (с. 160).

Вторая глава посвящена изучению полномочий губернаторов. Автор не пошла ставшим уже привычным путем перечисления и иллюстрирования всех предписанных «Наказом губернаторам» 1837 года направлений деятельности, а попыталась не только выделить и охарактеризовать самые приоритетные из них, но и вычленить из уже обезличенного предложения, подаваемого «наверх», личное мнение начальника губернии. А. Н. Бикташева считает, что «реальная власть губернатора» распространялась на полицейскую и экономическую сферы, а также «благоустройство городов» (с. 169, 185, 198). Далее она предприняла попытку определить (может быть, впервые для данного периода), какие показатели служили для правительства основанием для оценки эффективности деятельности казанских губернаторов. В результате автор предположила, что для 1-й четверти XIX века это была «в основном делопроизводственная управленческая статистика», а в николаевские времена – «хозяйственные критерии» (с. 209, 211–212). К самым же интересным «личным инициативам» казанских губернаторов следует отнести впервые подробно проанализированные исследовательницей записки И. А. Боратынского по поводу проекта освобождения крепостных крестьян и расширения власти начальников губернии (с. 215–222). В конце главы автор делает вывод о том, что уже к середине XIX века наблюдается «постепенное формирование у губернаторов коллективной общности в русле ведомственных интересов МВД» (с. 225–226).

Самыми интересными, на наш взгляд, являются 3-я и 4-я главы книги, в которых А. Н. Бикташевой удачно объединены строгость научного изложения с захватывающими сюжетами

© Ефимова В. В., 2013

противостояния казанских губернаторов с представителями местной элиты. Автор исследует бытовавшие в этот период формы административного надзора за деятельностью губернаторов и обращает внимание на попытки законодателя даже на уровне губернии провести идею взаимного надзора друг за другом губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров. Однако такой надзор, полагает исследовательница, неизбежно порождал конфликты и «личные неудовольствия», что обычно являлось истинной причиной смещения очередного губернатора. Впрочем, формальной причиной отставки всегда выступало обвинение губернатора в совершении каких-либо должностных проступков или преступлений. Чаще всего их вскрывали назначенные на ревизию сенаторы. Именно метод «комплексного исследования, основанного на фронтальном прочтении текстов ревизий Сената», проводившихся в Казанской губернии в 1-й четверти XIX века, позволил автору в тончайших подробностях составить представление о «практиках власти» казанских губернаторов. Достойно подражания то, как А. Н. Бикташева исследовала ход и последствия ревизий Казанской губернии, произведенных сенаторами С. С. Кушниковым, П. Л. Санти (1819–1820) и В. Ю. Соймоновым (1822). В первом случае автор сумела вскрыть истинные мотивы, двигавшие доносителями и вставшими на их сторону сенаторами, и, самое главное, реабилитировать губернатора И. А. Толстого – деда Л. Н. Толстого. Изучение же материалов второй ревизии позволило ей не только установить причинно-следственную связь между «казанским опытом» и введением генерал-губернаторской формы правления в поволжских губерниях» (имеется в виду назначение в августе 1825 года в эти губернии А. Н. Бахметьева), но и утверждать, что сенаторские проверки Казанской губернии показали Александру I их неэффективность и даже необъективность, тем самым обусловив обозначившийся к концу его правления «поворот в сторону усиления вертикали исполнительной власти», выразившийся в возрождении института наместников (с. 354–356). Неудивительно, что именно эти главы вызывают ряд вопросов и замечаний. Например, нам представляется не очень удачной идея разделения находящегося в этих главах материала на две главы. По существу в них речь идет о различных формах административного контроля за деятельностью губернаторов. Поэтому было бы более логичным сделать общую главу и назвать ее, например, «Формы административного надзора за казанскими губернаторами». Тогда бы не возник вопрос такого рода: разве донесения жандармских офицеров не относятся к разряду политической информации о «губернских реалиях»? Не совсем понятно, почему автор из всех применявшихся на практике форм административного надзора за казанскими губернаторами во 2-й четверти XIX века ограничилась лишь одной – донесениями жандармских офицеров? Как известно, недостаток сенаторских ревизий во время правления Николая I компенсировался «министерскими» (внутриведомственными) проверками, а также посылкой императором на места особо доверенных лиц из его свиты. Любая из этих проверок, учитывая специфику «Наказа губернаторам» 1837 года, так или иначе отражалась на оценке правительством эффективности деятельности губернаторов. Думается, что обнаружение и изучение таких документальных источников могло бы сделать еще более полной и объективной картину реалий губернаторского управления в Казанской губернии.

В заключение А. Н. Бикташева подводит итоги исследования. В целом соглашаясь с ними, я не могу не высказать свое несогласие с одним из сделанных выводов. На с. 415 автор утверждает: «…объединенные усилия нескольких поколений российских губернаторов привели к существенному изменению императорской региональной политики. Верховная власть повернулась от стремления к унификации регионов, игнорирования их специфик (александровская эпоха) к признанию и изучению их особенностей (николаевское царствование)». Мне же представляется, что именно Александр I начал отход от политики своей «венценосной бабки», попытавшейся унифицировать «великорусские губернии» посредством введения «Учреждений для губерний» 1775 года. Не случайно, наверное, и совпадение в конце его правления двух важнейших событий в науке и практике: в 1819 году К. И. Арсеньев в «Начертаниях статистики Российского государства» (Ч. 1: О состоянии народа; Ч. 2: О состоянии правительства) представляет общественности свой первый опыт по «районированию» Российской империи, а царь начинает реализацию своего «генерал-губернаторского проекта». Думаю, что этот проект был вызван к жизни не только необходимостью усиления административного надзора за местными государственными органами, но и учетом специфики региона в управлении. Не позволяет с этим утверждением согласиться и наш собственный скромный опыт изучения истории местного управления на Европейском Севере при Александре I. Впрочем, тем и нужнее для исследователей представляемая на суд читателей монография профессора А. Н. Бикташевой.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (подпрограмма «Carelica»).

Поступила в редакцию 24.06.2013

К 90-летию МЕЙМИ ОСКАРОВНЫ СЕВАНДЕР (23.07.1923–22.04.2003)

Заслуженный учитель Республики Карелия, лауреат медали К. Д. Ушинского. Первый декан факультета иностранных языков Карельской государственной педагогической академии.

Мейми Оскаровна Севандер (Корган) родилась не в Карелии, но весь ее жизненный путь прочно связан с республикой. Сюда она попала в возрасте одиннадцати лет. Оскар Корган, ее отец, как и шесть тысяч других американских и канадских финнов, привез в Карелию свою семью: жену Катри и троих детей – Мейми, Паули и Айно. Он был убежденным коммунистом и одним из идеологов движения иммиграции. Оскар был расстрелян в 1937 году и реабилитирован посмертно лишь двадцать лет спустя.

Мейми было всего четырнадцать лет, когда отца расстреляли, она осталась в семье за старшего, поскольку мать была серьезно больна. Впереди были страшные времена, уготованные детям «врага народа». Потом война, разбросавшая членов семьи по разным широтам. Когда США вступили во Вторую мировую войну, отношение к уроженцам Америки несколько изменилось. Мейми Оскаровну вернули из лагеря, и она даже получила работу в ТАСС. Об этом она рассказала в своей первой книге «Они забрали у меня отца», написанной в соавторстве с американской журналисткой Лорри Хертцель и опубликованной в США в 1992 году. В 2010 году книга увидела свет в русском переводе в издательстве Карельской государственной педагогической академии.

Закончив вечернюю школу, Мейми Оскаровна выбрала Учительский институт в Петрозаводске (училась на английском отделении), а после него ее с тремя американскими подругами приняли на третий курс Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Профессиональная карьера педагога М. О. Севандер началась в школе № 22, затем она была директором школы № 25 в Петрозаводске. С 1963 года и до ухода на пенсию в 1989 году Мейми Оскаровна проработала в Карельском государственном педагогическом институте. Здесь в полной мере раскрылись ее профессиональный талант преподавателя английского языка и талант организатора и руководителя. Около двадцати лет в разные периоды она была деканом факультета иностранных языков, в открытии которого сыграла большую роль. Работая на факультете, стала преподавать курс методики преподавания иностранных языков. Ею опубликован целый ряд статей и разработок по методике преподавания иностранных языков. Особенно продуктивными стали 70-е годы прошлого столетия. М. О. Севандер стала автором учебников финского языка для второго и третьего классов, а также букваря для начинающих. На тех же методах она построила курс изучения русского языка для американских студентов, преподавая русский язык в Колледже Святой Схоластики в г. Дулуте (штат Миннесота) в 1990 году. В 1989–1992 годах М. О. Севандер работала доцентом кафедры иностранных языков ПетрГУ.

М. О. Севандер сыграла большую роль в установлении побратимских связей: в 1960-е годы с Финляндией, в 1970-е – со Швецией и, наконец, в 1980-е – с США. Город Дулут удостоил ее звания почетного гражданина города.

В последние годы Мейми Оскаровна издала четыре книги: упомянутую выше «Они забрали у меня отца» (*«They took my father»*), «Красный исход» (*«Red Exodus»*), «Бремя страстей советских» («*Soviet Bondage*»), «Скитальцы» (*«Vajeltajat»*). Все книги, кроме последней, написаны на английском языке, «Скитальцы» – на финском. На русский язык переведены первая и последняя книги. «Они забрали у меня отца» переведена также на шведский. Издание и перевод на русский язык «Скитальцев» стало совместным российско-американским проектом, в котором приняли участие американские и российские друзья и коллеги при огромной поддержке ПетрГУ.

СТЕЛЛА СЕВАНДЕР,
преподаватель кафедры языковых исследований,
Университет Умео (Швеция)

CONTENTS

HISTORY

Yegorov A. N.
LIBERAL'S IMAGE DEVELOPMENT IN CONSERVATIVE CIRCLES OF RUSSIAN EMPIRE IN SECOND HALF OF XIX CENTURY (AS EXEMPLIFIED BY THE WORKS OF PRINCE V. P. MESHCHERSKIY) **7**

Pigin A. V.
MATERIALS PERTAINING KIRILLO-CHELMOGORSKY MONASTERY'S HISTORY (THE WORK OF PRIEST F. I. GUR'EV, XIX CENTURY) . . **12**

Razdorskiy A. I.
PETROZAVODSK CUSTOMS BOOKS OF 1739 AS HISTORICAL SOURCES **24**

Spiridonov A. M.
VIKING AGE COLONY NEAR SHUYA CREEK IN VICINITY OF PETROZAVODSK **28**

PEDAGOGICS

Gladkaya I. V.
CONDITIONS OF PROFESSIONAL COMPETENCY DEVELOPMENT IN FUTURE TEACHER . . . **37**

Yershova N. Yu.
ALGORITHM OF ENGINEERING COMPETENCE-ORIENTED WORKING PROGRAMS FOR BACCALAUREATE DISCIPLINES **41**

SOCIAL SCIENCE

Barabanova L. A., Razumova I. A.
CONTEMPORARY FUNERAL RITUALS AND INVOLVEMENT OF MOURNING PARTICIPANTS . . . **45**

Petrovskaya Yu. A., Petukhova I. S.
SOCIAL CAPITAL OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE AS FACTOR OF SOCIAL SECURITY **51**

PHILOLOGY

Mukhina E. A.
LANGUAGE EXPLICATION OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS AS REALIZATION WAY OF GENRE DYNAMICS IN SPIRITUAL VERSE "ALEXEY IS A MAN OF GOD" **55**

Tarasova N. A.
DRAFT NOTES OF F. M. DOSTOEVSKY ON NEKRASOV: TEXT CORRECTION **60**

Zakharchenko S. O.
ELECTRONIC EDITION OF AMBROSE OPTINSKIY'S LETTERS **64**

Dorofeeva L. G.
HUMBLENESS IN SIMEON SALOS'S LIFE **70**

PHILOSOPHY

Bryanik N. V.
NONCLASSICAL SCIENCE IN LIGHT OF NONCLASSICAL EPISTEMOLOGY BY G. BACHELARD **74**

Lebedev S. A.
PROBLEM OF INDUCTION JUSTIFICATION (CONVENTIONALISTIC, INDUCTIVE-ANALYTIC, AND LINGUISTIC APPROACHES) **79**

ECONOMICS

Kovalev V. V.
FINANCIAL MANAGEMENT IN EDUCATIONAL UNIVERSITY PROGRAMS **84**

Kuznetsov S. V., Zamyatina M. F., Fesenko R. S.
EXTERNAL RISKS OF RUSSIAN ARCTIC ZONE MONOTOWNS' DEVELOPMENT **90**

Ryazanov V. T.
POST-CRISIS ECONOMY: PROBLEMS AND PERSPECTIVIES **96**

Usov A. V., Goncharenko E. N.
PREDICTION OF ECONOMIC SYSTEMS' SUSTAINABLE DEVELOPMENT BY USE OF OLAP-MODEL **100**

Kadnikova T. G., Pevtsov D. A.
FINANCES OF PUBLIC LEGAL STRUCTURE AS PART OF REGIONAL FINANCIAL SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARELIA) **105**

LEGAL STUDIES

Polishchuk-Molodozhenya T. R.
RECIPROCITY IN RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRATION DECISIONS IN RUSSIA **111**

Voenushkina E. A.
COOPERATION OF CIS MEMBER STATES FOR PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE IN CIVIL STATUS CASES **115**

Prokkiev E. V.
REPUBLIC OF FINLAND AND RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF POLICE CONSTITUTIONAL AND LEGAL WORK ENSURING HUMAN AND CIVIL RIGHTS **118**

Reviews

Efimova V. V.
The book review: Biktashaeva A. N. Anthropology of Power: Kazan' Governors of the First Half of the XIX Century **121**

Memory

To the 90th anniversary of M. O. Sevander **123**